

ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

1. 2012

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство Чеченской Республики по внешним связям, национальной политике, печати и информации.

Адрес: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

27 марта 2009 г.

Регистр. свид-во

ПИ № ТУ 20-00025

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

М. Музаев

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхиев

Рукописи принимаются редакцией в первом и втором экземплярах, а также на электронных носителях.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45

E-mail: vaynah_az1@bk.ru

<http://www.vaynah.at.ua>

Журнал выходит один раз в месяц.

Журнал набран на компьютерной базе ГУ

«Литературно-художественный журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК

«Грозненский рабочий»

364021 ЧР, г. Грозный,

ул. Интернациональная, 12/35

Подписано в печать

12.01.12

В случаях полиграфического брака обращаться в типографию, указанную в выходных сведениях журнала.

Тираж – 2500 экз.

Цена договорная

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА

- Муса БЕКСУЛТАНОВ. *Сирота*. Перевод с чеч.
Микаила Эльдиева.....2
- Шаран ДАШАЕВ. *У костра*. Рассказ.....25
- Элита ДАДАКАЕВА. *Тетя Малика*. Рассказ.....40
- Анзор ДАВЛЕТУКАЕВ. *Оцу дийнахь*. Дийцар.....42
- Адам АХМАТУКАЕВ. *Образ солнца золотой*.
Перевод с чеч. автора.....45
- Сулиман МУСАЕВ. *Запах подснежника*. Рассказ.....51
- Ийиса ОКАРОВ. *Нехан махкахь некъаш*. Дийцар.....55

ПОЭЗИЯ

- Алвади ШАЙХИЕВ. *Берега*. Стихи.....15
- Руслан ЮСУПОВ. *Вдвоем*. Стихи.....22
- Малика ГАЗИХАНОВА. *Какие мне найти слова*. Стихи...33
- Султан МАРГОШВИЛИ. *Шовда*. Стихаш.....48
- Малика МУСАЕВА. *Байташ*.54

ЮБИЛЕЙ

- Макалов ШАМСУДДИ. *Ас стенна сагатдо?* Стихаш.....19

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

- Башир ТИМУРЗИЕВ. *Загубленный талант*. Рассказ.....34
- Джамия МАМАЕВА. *Не о том*. Стихи.....38
- Кристина ЕЛЕКОЕВА. *Где же ты...* Стихи.....50
- Дарья ШОМАХОВА. *Рассказы*. Из цикла «Цвета».....58

ИСТОРИЯ

- Мусейп ВИСЕНГЕРЕЕВ. *Викинги на Кавказе*.....64
- Адиз КУСАЕВ. *История села Шуани и шуанинцев*.....67

ПУБЛИЦИСТИКА

- Саид-Альви ЛУЛУЕВ. *Слово о достойных людях*.
Очерк.....75

ЧЕЧЕНСКИЙ ЯЗЫК

- Арби ВАГАПОВ. *К происхождению некоторых чеченских названий рыб, земноводных и связанных с ними понятий*.....82

И В ШУТКУ, И ВСЕРЬЕЗ

- Ахмет ДЕНИСУЛТАНОВ. *Метаморфозы от Санта-Клауса*. Афоризмы..... 88

РЕЦЕНЗИЯ

- Лиза АДМИСИЕВА. *Актуальные проблемы истории Чечни*..... 90

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

- Омар ИСАЕВ. *«Чеченец я, чеченец»*.....92

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

- Роза МЕЖИЕВА. *Молитва*.....95

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

- Сацита ИСРАИЛОВА. *Молодой талант*.....95

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ...96

Муса Бексултанов**Сирота**

Рассказ

Горизонт заалел кровью жертвенного быка...

Дул легкий ветер.

Ветер шевелил гриву коня.

По узкой каменистой тропе конь ступал спокойно и уверенно.

– Может, остановимся здесь ненадолго? – обратился кто-то из товарищей к всаднику, едущему впереди, когда они оказались на ровном месте.

Звук его голоса пронесся далеко вперед, эхом перескакивая по скалам.

Всадник ничего не ответил.

Его голодные, словно жаждущие крови, глаза ослепили... Их тяжелый

взгляд застыл. Они не видели перед собой ничего: ни тропы, ни горы, ни белого света. Все обратилось в раздумья. В горькие, печальные раздумья.

Его все знали, и все его презирали. На земле не было такого зла, по слухам, которого он не совершал, кроме двух зол: не насиловал женщин и не убивал невинных людей.

Все его деяния были в угоду только себе, он совершал их, ни на кого не оглядываясь и не думая ни о ком, и судьей себе был только он сам.

Тропа сужалась все больше и больше.

Тропу постепенно окутывала тьма, превращая ее в призрачную, светлую полосу.

Конь, не сбавляя шага, часто поводил ушами.

Всадник не шевелился.

Всадником был абрек Овтархан Юсуп, все богатство которого – его конь, кинжал в серебряных ножнах да горящие огнем глаза.

Это если верить людской молве.

Но для самого себя он был господином, властителем мира, хозяином жизни до тех пор, пока рука в силах дотянуться до рукояти кинжала, а сердце гоняет кровь по жилам.

Это ему так казалось, а людям... люди... что люди... «Все суeta и ничтожно, ничтожно все», – обронил он вслух. Он повторял эти слова самому себе каждый раз, впадая в глубокое раздумье.

Оказавшись на хребте, конь всхрапнул.

Ветер заметно похолодел. Ветер приносил разные запахи, тревожа в душе воспоминания о пройденных дорогах.

А дорог было много, пройденных, непройденных и тех, что еще предстояло пройти.

Кто-то из товарищей окликнул его снова, спрашивая о месте привала.

Он кнутовищем указал далеко вперед, туда, где внизу слышался шум воды.

Тот развернул стадо, с громким звуком, словно выстрелом из ружья, хлопнув бичом.

«Зачем же столько шума? – погруженный в думы, сквозь поток мыслей спросил он себя. – Все суeta и ничтожно, ничтожно все», – снова само собой возникло в терзаемой раздумьями голове.

Раздумья никогда не покидали его, доводили до изнеможения. Нельзя

было забыться сном, мысли подкрадывались и туда, превращая сны в думы, мучительные думы, думы о жизни, о гонимой, бродячей судьбе своей. О бессмысленных скитаниях, о невозможности ничего изменить в этом мире, ведь жизнь его разбита задолго до рождения, за тысячу или две-три тысячи лет, когда его далекие отцы пустили корни в этом мире.

Да... С тех пор или же за день до его рождения, в пятницу, когда обезглавленный труп его отца Овтархи, уложенный поперек седла, отправили в горы с равнин Большой Чечни.

Увидев труп мужа, жена Овтархи лишилась чувств и пришла в себя только на следующее утро, с рождением ребенка, то есть его.

Ребенок, вместо того, чтобы плакать, как все новорожденные, улыбался.

«Не выживет, – подумали увидевшие это, – или же много зла совершит».

Не случилось ни того, ни другого, вернее...

Он рос в семье матери (через два года родственники насильно выдали ее замуж), как пасынок, лишенный любви и внимания.

В свои тринадцать лет, доведенный до отчаяния насмешками двоюродных братьев, он обратился к деду с вопросом о своем отце и его гибели.

Дед рассказал ему.

Потом, в шестнадцать, он вновь задал деду вопрос: «Почему вы не выкупили, как достойные люди, голову моего отца, отрезанную казаками? Или вы боялись, что я не верну вам долг?.. Разве я не сын дочери этого дома?! Ведь вы обязаны были так сделать!»

И когда он стал все чаще упрекать их этим, родственники по матери дали ему знать, как долго они собираются его терпеть.

«Я терпел твоего отца, – сказал ему дед, – этого вора, умыкнувшего мою дочь с мельницы, связав ее мать! Еще не хватало мне выкупать у казаков за деньги его голову! Сам верни голову своего отца, и солдат, и казаков сам убивай! Их много сейчас, захвативших весь этот край, объявивших себя его хозяевами!»

Тогда он потребовал рассказать ему об обстоятельствах замужества своей матери, поведав при этом, как она, его мать, клялась ему, что вышла во второй раз замуж не по своей воле.

Этот вопрос развел их окончательно, разрушив все родственные узы.

Последним ударом, который ему нанесли родственники, было то, что его двоюродной брат женился на его любимой Зули, дочери Эжи: позвав девушку на свидание, он позволил себе прикоснуться к ней.

Мать прислала к нему человека с мольбой ответить на ее просьбу.

И тогда, с просьбой матери, он окончательно лишился всего, что его связывало с этой жизнью и с этими людьми.

«Есть ли кто-нибудь в этом мире, к кому я мог бы обратиться и кто бы меня услышал?» – спросил он тогда себя, провожая взглядом гонца матери, которому дал удовлетворительный ответ.

Он понял, что такого человека нет, и еще он осознал, что такой человек ему больше никогда не будет нужен.

А что нужно одинокому человеку? Ничего, кроме веры в себя и желания жить, как хотел, и умереть, как жил, не оставив после себя ничего. И только дороги, его бесконечные дороги, бегущие далеко вперед, единственные будут оплакивать его после смерти!

Все остальное – суета, все ничтожно в этом бесстыдном, бессмысленном и жалком мире...

...И тогда он стал терзать себя. Разуверившись во всем, он желал теперь только одного: мстить – за свою жизнь, за отца, за его отца, за эту землю, за свое неверие ни во что, возвращенное в нем этой жизнью, ставшее частью его самого, за бессмысленность всего, за отчаяние, невозможность что-либо изменить. Мстить, чтобы освободиться от всего этого жалкого существования, что называлось жизнью. Только он не знал, как и кому должен мстить.

И не было никого, кому он мог бы довериться и признанием облегчить свою душу: он никого не любил и ни с кем не считался. Он верил только себе.

Познание самого себя далось ему трудно, он прошел через долгие, мучительные испытания, чтобы прийти к самому себе и понять, кто он есть.

Как-то неожиданно, словно луч спасительного света для заблудившегося путника в ночи, перед его мысленным взором предстала одна картина из его детства, которая все прояснила.

Он крадет вместе с двоюродным братом барана. Баран оказался соседским. Не найдя нигде никаких следов животного, старый сосед приходит к ним.

Дедушка и сосед сидят на прохладных валунах в тени каменной ограды, увлеченно разговаривают. Дед подзывает их к себе.

Они долго стоят перед ними, их ни о чем не спрашивают.

«Вы украли барана?» – вдруг неожиданно спрашивает сосед. Взглядом следит за их глазами.

Они оба дружно отрицают свою причастность к краже.

Сосед умышленно, чтобы их раскрыть, дает неправильное описание своего барана: он был, мол, короткорогим и с отметиной на мордочке.

Они делают вид, что не понимают.

Тогда сосед обращается к двоюродному брату:

– Исуп, если ты и в самом деле не крал моего барана, поклянись мной, что ты этого не делал.

Исуп, глотая слезы, произносит клятву.

Молчание. Сосед, пораженный, как будто его самого уличили в краже, бледнеет.

Собирается уходить. Сделав несколько шагов, оглядывается:

– Юсуп, поклянись тогда и ты мной, – роняет он равнодушно, уже не придавая значения этой клятве.

Он молчит.

– Поклянись, тебе говорят, ублюдок! – дед поднимает трость, чтобы ударить его.

Он не может выдать из себя ни слова. Дед заносит над ним трость. Сосед странно смотрит на него.

– Клянись тобою, Ита, я украд твоего барана! – смотрит он прямо в глаза соседу.

Лицо старика оживает. Глаза его смеются, словно он услышал долгожданную радостную весть.

Медленно подходит к нему.

Останавливается совсем близко.

– Ты не смог поклясться мной, Юсуп... ты не смог поклясться, – шепчет он, улыбаясь сквозь слезы. – Да благословит тебя Бог! Да что этот баран, все свое имущество я бы тебе простил, жизнь свою, за то, что не смог обмануть меня, за твое уважение ко мне... Да будет тебе впрок его мясо... Пусть Бог даст тебе в этой жизни товарища, достойного тебя. Подойди ко мне, обними меня, обними своего Иту, – смеется он, обнимая, глядя его по голове.

Дед бьет по лицу тростью своего внука, шепотом проклиная его.

И сейчас, вспомнив тот случай, он понял, с чего пошел и каким должен быть его жизненный путь. Правда его жизни началась с этой произнесенной клятвы.

И оттуда он ведет свой путь.

Скрываясь днем по лесам, выбирая верной спутницей кромешную тьму, ночью проделывают они свой путь.

Подходят к берегу какой-то реки. Дожливо. Не видно ни зги.

– Как избавиться от часового на мосту, чтобы освободить дорогу? – слышит он.
– Если бросить коня в воду здесь, то всадника отнесет на несколько километров вниз по течению прежде, чем конь переплывет реку. На противоположной стороне берег должен быть достаточно пологим, чтобы конь смог выбраться.

Он знает, что река – Терек. Тот самый буйный, строптивый Терек, воспетый в народе, то уподобляемый могучему льву, то ласкаемый, словно невеста. Несколько человек отказываются от этой затеи, объясняя свой поступок тем, что они не уверены в своих конях.

Остальные тоже молчат, натягивая узду.

Он не понимает, что значит быть неуверенным в коне и чего они ждут.

– Мне можно попробовать? – доносится его голос издалека.

– Здесь нет никаких я, ты, – отвечает вожак, – каждый из нас сам решает, рисковать ему, наступая на глотку своей смерти или нет. Здесь все равны...

Не дослушав вожака, он бросает коня в воду. Раздается плеск. Конь сначала исчезает под водой, но быстро выныривает, и над водой видна его голова, вытянутая далеко вперед.

Он не видит больше ничего, ему кажется, он висит над пропастью и при малейшем неровном движении провалится в бездну. Дождь не перестает лить. Конь часто фыркает, изо всех сил стараясь переплыть реку.

Он сначала напрягается, испугавшись. Но потом быстро приходит в себя. Жизнь кажется ему короткой, как натянутая до предела струна дечиг-пондара.

Но до того, как эта струна оборвалась, конь выбирается на другой берег, фыркая и отряхиваясь.

Перед собой Юсуп видит пустоту, дикую и безжизненную глухую пустоту.

Припав к гриве коня, он резко вздрагивает, увидев совсем рядом желтый квадрат окна.

Ему кажется, он целую вечность полз к окну.

Он швыряет в окно горсть песка, как будто от порыва ветра. Свет в окне медленно оживает.

«Стрелять нельзя!» – всплывают в голове слова вожака.

Не успевает открыться деревянная дверь маленькой сторожки на краю моста, он прыгает в образовавшийся желтый прямоугольник.

Не раздумывая, наносит два рубящих удара кинжалом. Раздается звук разрубаемой кости.

Когда глаза немного привыкают к свету, он видит кота, сидящего на низких деревянных нарах среди раскиданной одежды. И окровавленную голову с раскрытым черепом.

Потом слышит частое, свистящее дыхание у своих ног.

Он гасит лампу и забирает винтовку.

После, когда они перегнали брошенных сбежавшими от их пуль табунщиками коней через мост, вожак хвалит его, как ребенка, станцевавшего лезгинку перед взрослыми.

Ему это не нравится. И еще раз он оказывается с этими людьми уже в другом месте.

Оставив в руках преследователей своего раненого коня и притороченную к луке седла бурку (этот случай напомнил ему об отце... вернее, о том, что слышал о нем), они вновь уходят с добычей.

Вожак опять хвалит его и, как бы между прочим, спрашивает:

– Заслужил ли он сегодня равную долю?

Их ровно тринадцать человек.

– Погонять скотину может и ребенок, – роняет один, – если есть хороший проводник.

Вопрос вожака бесследно растворяется в воздухе, словно горсть песка, брошенная в реку.

Он отлично понимает смысл сказанного вожаком и понимает ответ его

подельника.

– Я присоединился к вам не ради этой клячи, а надеюсь, что вы готовитесь к чему-то большому... Свою долю из прежнего табуна я оставил на околице незнакомого селения и ушел ни с чем. Те, кто захватил нашу землю, и мы, занимающиеся угоном этих стад и дележкой их меж собой, мне кажется, мало отличаемся друг от друга. И сколько мы собираемся заниматься этим мелким скотокрадством? Не лучше ли будет, если мы нападём и разнесем в пыль крепость Грозную, в которой нам дано право лишь торговать сыром! – говорит он.

Уголки рта жоака медленно приподнимаются в ухмылке, глаза прищуриваются, кажется, что смеются... Смеются издевательски-надменно, словно ему довелось узнать чужую грязную тайну.

– Не обученный хозяином конь часто спотыкается! Слышал эту поговорку, юноша? – спрашивает он. – Что за коварный план ты нам предлагаешь! Да и кто ты такой, чтобы ставить наше мужество под сомнение?

– Я презираю это мелкое воровство! – отвечает он с вызовом. – Я хочу иметь дело с врагом, с видимым врагом... И хочу видеть его разбитым и преследуемым, словно гонимую ветром темную тучу!

– Все эти завоеватели живут на этой земле без твоего разрешения, – говорит жоак. – Поэтому любой из них враг: и крестьянин, и генерал.

– Я хочу иметь дело с генералом, – огрызается он. – Крестьяне – бесправные и беспомощные рабы, подобно обезглавленному остывающему трупу, они остынут. Мне нужна голова!

– Да поможет тебе Бог! – обрывает разговор жоак.

«Враг не тот, которого ты смог одолеть, – думает он позднее, – а тот, кто победил тебя, кто поколебал твою уверенность в себе».

И он настигает одного такого генерала, выехавшего на прогулку в коляске в сопровождении верховой охраны. Он не один, а с дамами, с гордыми до презрения смерти, дамами.

Неожиданным нападением они рассеивают их, не давая возможности ни организовать, ни уйти. Того, кто пытается уйти, останавливают выстрелом в голову коня.

Все, кроме женщин, поднимают руки. И вынести это бывает невыносимо трудно – эту женскую гордость, ставящую под сомнение самолюбие мужчины.

Его самоуверенный план заполучить голову гордого генерала с коляски вдребезги разбивается о женскую гордость, бросая его в жар.

Он раздевает всех мужчин до исподнего.

Догола их раздеть не позволяет честь, честь, обязывающая тебя даже умирать без стога, коль ты однажды родился чеченцем.

Также забирают у них коней и оружие.

И когда он, построив их в колонну (впереди мужчины, а женщины позади) отправляет в город, он никак не может простить себе голову генерала. Ему хочется пасть ниц перед этими дамами и заплакать с мольбой. Хочется на коленях молить Бога: «О Всевышний! Сегодня, на один день, на короткое время уподобь меня зверю, не знающему чести и достоинства!»

Несколько раз ход его мыслей прерывают товарищи, торопя его, так как отпущенные офицеры скрылись и преследование не заставит себя долго ждать.

Он сидит на оглоблях коляски, мучаясь сомнениями, то вскакивая с мыслью догнать их, то останавливаясь.

Услышав выстрелы, он понимает, что опоздал с решением.

Сразу, успев только вздохнуть, погибает его товарищ Зубаир.

– Не могу прицелиться, все кружится... – виновато говорит Шахби, падая, и алая струйка крови течет из уголка его рта.

Только с наступлением темноты они (оставшиеся пятеро) смогли уйти в лес, забрав с собой трупы погибших товарищей.

И именно тогда осознает он, что некоторые вопросы не стоит задавать ни себе, ни людям, никому на свете.

И он не спрашивает больше, не рассуждает. И больше не теряет товарищей. За Зубаира и Шахби он мстит десятки, а может и сотни раз. Он больше ни с чем не считается: ни с добром, ни со злом, ни с прошлым, ни с будущим. Сейчас для него враг любой, кто перешел ему дорогу или по неосторожности оказался на его пути.

Он, как и раньше, не берет ничего из захватываемой добычи для себя. Все оставляет товарищам, или раздает в селениях, или же просто отгоняет подальше и оставляет.

Люди избегают его милости и помощи, они боятся его, страх перерастает в ненависть к нему... Ненависть настолько сильную, что люди обходят дороги, по которым прошел он.

А он не понимает...

Однажды, в предрассветные часы, они входят в одно чеченское селение, погоняя впереди себя небольшое стадо. Это то, что осталось от захваченного ими накануне и частью отбитого преследователями, а частью павшего при перестрелке скота.

Они натываются на засаду, устроенную жителями селения.

Они заявляют ему, что не пропустят его с товарищами живыми через их селение, что им надоело терпеть из-за него бесчинства властей.

Он ведет с ними долгие переговоры.

Товарищи не понимают его.

Наступает утро.

Сельская скотина со всех концов собирается на пастбище. Смешивается с их стадом. Женщины отделяют своих коров, проклиная его.

В конце концов их берут в плотное кольцо и отводят в селение.

Сельский старшина желает запереть абреков у себя дома до прихода представителей власти.

Старшина рад, что этот ублюдок, на которого охотятся власти, из-за которого им был недоволен генерал из крепости Грозная, станет его пленником.

– Хоть и разбойник, но ты мой гость сегодня, – глумясь, говорит ему старшина, кнутовищем распахивая перед ними ворота своего дома, – проходи вперед... Окажу напоследок тебе почести, «владыке», способному лишь отделить теленка от коровы!

Он оказывается у ворот.

Смотрит на своих товарищей.

Останавливается на мгновение.

– Пес, шелудивый пес! – кричит старшина, тесня его конем и нанося удар нагайкой по голове. Замахнувшись нагайкой во второй раз, старшина понимает, кто такой Овтархан Юсуп: он оказывается сзади старшины, на крупе его коня, сжимая левой рукой его пах, приставив к спине оружие.

Из двух вариантов, предложенных ему: или умереть вместе, или погнать впереди сельское стадо, старшина выбирает второй.

Он выбирает одного юношу из селения, в качестве погонщика скотины, не забыв предупредить сельчан, что если они заметят преследование, то пусть сразу начнут копать могилу для старшины.

На закате юношу отправляют обратно с требованием выкупа по пять рублей (цена одной коровы) за скотину. А старшину обещают вернуть, не взяв у него денег, к своей молодой жене, с которой он сыграл свадьбу всего месяц назад.

На третий день после получения выкупа женщины селения, пришедшие утром по воду, обнаруживают старшину верхом на жеребой кобыле (по слухам, она ожеребилась в ту же ночь), привязанным к седлу лицом к хвосту лошади и с гладко обритыми наполовину усами.

Вторая, молодая, жена старшины уходит от него в тот же вечер (за покорно перенесенное им унижение в виде обритых усов и сидение лицом к хвосту жеребой кобылы) и возвращается в дом отца. (Впоследствии она рассказывала, что особенно сильно ее задело то, что кобыла была жеребая). Старшину сразу вызывают в крепость Грозную, и через три дня он возвращается оттуда без второй, не обритой Овтархан Юсупом, половины усов.

Юсуп не знает всего этого, да он и не думает об этом.

Даже позднее, когда товарищи вспоминали со смехом случай со старшиной, он ничего этого не помнил.

Этот старшина не был тем врагом, которого он искал, просто какая-то мелочь, как колючка, случайно оказавшаяся на дороге, или как пес, лающий за чужим забором.

Обо всем этом думает он сейчас, в седьмой день первого месяца своей сорок третьей осени, глядя на кроваво аленущий горизонт.

Он понимает, что устал от всего, устал от жизни, от поисков, скитаний.

Даже столь желанная, затаившаяся на острие его шашки смерть не приходит к нему. В этот вечер, медленно двигаясь, отпустив поводья коня, разбедая ум и сердце тяжелыми раздумьями, погоняя угнанное стадо в более семисот голов овец, коров и коней, он сознает, что устал от жизни и от самого себя.

Беззвучно шевеля губами, как будто говоря сам собой, он часто притрагивается рукой к тонкой засохшей струйке крови у левого виска.

Это след от удара тупой юной дочери хозяина стада, который он сейчас хранит как воспоминание.

«Я много слышал о тебе, об абреке Юсупе. Я огорчилась, что сделала тебе больно...» – скажет она потом, в улыбке обнажая белоснежные зубы и часто хлопая густыми ресницами с застывшими, как жемчужины, слезинками на них, когда он будет расчесывать ее волосы цвета осенней листвы.

Когда, окружив селение и связав пастухов, они начали сгонять стадо, с крыши дома, стоящего чуть поодаль внизу, раздастся одинокий, словно зов о помощи, выстрел.

Оставив пару человек со стадом, они продвигаются в сторону дома.

Но выстрелы из винтовки не подпускают, пули ложатся в опасной близости. Он понимает, что это хозяин стада и он не отступит, если его не убить или не оглушить.

Он боится, что хозяин убьет одного из них.

Он не хочет убивать хозяина. Он хочет его разорить. Пустить его по миру. Наказать его. Он слышал о нем много плохого, например, что хозяин – в прошлом прислужник русского царя, от которого в награду и получил эти земли, бывшие некогда сенокосными лугами для целого селения.

Именно это заставило его придти сюда, оставив на потом все другие дела, несмотря на свою усталость от всего, чтобы не опоздать, из-за боязни, что земля его заберет прежде, чем он успеет доказать этому хозяину еще при жизни, что ничего на этой земле не проходит бесследно, за всякое зло приходится держать ответ, и дать ему с собой унести этот ответ, оставив после себя только одни вопросы.

Через несколько часов перестрелки он обращается к хозяину:

– Я не хочу тебя убивать, только стадо, богатство, заработанное тобой «честным трудом», решил забрать. Остановись. Не переходи мне дорогу. Мне не нужна твоя кровь, лучше сдавайся, пес...

Тот в ответ стреляет пару раз, мыча что-то нечленораздельное.

Тогда они стреляют по очереди, и каждая последующая пуля ложится все ближе и ближе.

Когда от валуна, за которым он укрылся, со всех сторон посыпались осколки, тот протяжно кричит, умоляя не убивать его.

Крепко связав его, он решает вынести весь скарб из его дома, чтобы поделиться с людьми его богатствами, полученными им в награду от русского царя.

Пока его товарищи выносят вещи из дома, он сидит в седле, наблюдая бесконечную горную цепь и укорачивающиеся под утренним солнцем тени, когда неожиданно, откуда ни возьмись, он получает удар чем-то острым в висок над левым ухом.

Мгновенно выхватив кинжал из ножен, подумав: «Убили!», он быстро разворачивается и видит перед собой совсем юную, с гибкой, змеиной статью, девочку в простом платье, пристально глядящую ему в глаза.

Испуг, охвативший его на минуту, вверг его в замешательство.

На мгновение в глазах темнеет.

Он слепнет на мгновение.

Взгляд ловит едва уловимое, словно шелест листьев, шевеление губ, произносящих его имя.

Тяпка медленно, словно сорванный ветром лист, падает на его плечо.

– Уйди отсюда, иди в дом! – говорит он, забыв, зачем он здесь и кто перед ним.

Девочка застыла как высохший, безлистный росток.

Он видит ее слегка удлинненное лицо, застывший взгляд и темные брови над глазами, раскинутые, словно крылья орла, пораженного стрелой в минуту парения.

– Бросайте все, уходим! – кричит он и бьет коня нагайкой со всех сил. И ни разу не оглядывается, только отъехав далеко, немного сбавляет ход коня.

«Что это за колдовство, – размышляет он по дороге, – что за наваждение и откуда эти сомнения? Что такое женщина и для чего ее создал Бог? По какой причине или для какой цели... Столь беспомощную, чтобы быть собственностью любого, первого схватившего... Для чего?»

Неужели нельзя, как сегодня, один раз увидев, созерцать в воспоминаниях, снова и снова воскрешая в памяти ее чистый образ? Оставить загадкой, тайной, на разгадку которой не хватит и целой жизни. Так и жить, обманываясь ею, радуя глаз, согревая душу ее легкостью и светом, светом добра, милости и счастья, которое может дарить только женщина... Возможно, изначально их и создали именно с этой целью, потом все изменилось... или изменили... Зачем так искать, любить, чтобы потом, родив какой-то маленький живой комочек, пропасть, раствориться в суете жизни! Женщина должна быть такой, какой ее видишь, легким парением твоих дум, чтобы ласкать ее мысленно, дарить ей мечты, надежду, чтобы мысленно уносить ее далеко-далеко, вслед за белым дыханием облаков...

Что же это такое? Отчего так все... познать, чтобы потом разочароваться!» – он медленно и легко водит рукой по засохшей струйке крови на виске, и ему кажется, что где-то в глубине сердца ему очень хорошо, как не было никогда раньше.

Они останавливаются в ущелье, там, где река неистовствует, пытаясь вырваться из теснины скал. Стадо там же отдыхает. Разжигают среди скал большой костер. Кто-то зарезал барана и уже свежует его. Разделанное мясо кладут на огонь, и пламя костра вспыхивает от жира. Никто не разговаривает, да и не услышит никто голосов из-за шума воды.

До неба, кажется, можно дотянуться рукой, и крупные звезды ярко мерцают. Темные горы возвышаются, как стены. Горы кажутся очень высокими и вечными, словно пророчат вечную жизнь и тебе.

Беспомощный и безоружный перед Богом, обнажая душу, он долго молится, пытаясь бороться с отвлекающими его мыслями и сомнениями.

Он завершает молитву словами: «О Всевидящий, прости меня за все эти мои несправедные мысли, укажи дорогу угодную Тебе, ведущую к Твоей милости!»

Дай мне одно испытание или одну беду, чтобы узреть свой путь, как отражение в зеркале, чтобы навсегда избавиться от сомнений или окончательно впасть во власть этих сомнений. Что же мне делать, как быть, – просит он еще, – если и Ты меня не поймешь?.. Перед кем же я предстану со своими деяниями, открыв сердце и распахнув душу? Если бы я только смог хоть раз увидеть Тебя, спросить прямо: «Кто я такой? Для чего и с какой целью Ты создал меня?» Уж Ты-то дал бы мне точный ответ. Ты точно не был бы похож на раба Своего, созданного Тобой же!»

Он долго лежит у костра, положив под голову седло.

Огонь с треском брызгает искрами, недалеко шумит река, часто падает-умирает, на мгновение сверкнув напоследок, звезда. Ночь свежа, как дыхание зимы. Ночь окружает его защитой, своим темным дозором расплываясь по миру.

Во сне он видит юную девушку, как она стояла перед ним, беззащитная и удивленная, ее тятку и свою растерянность.

Рана возле уха зудит. Эта рана кажется ему очень нежной, какой-то странно дорогой, он боится, что она исчезнет без следа, если только дотронешься до нее пальцем.

«Я так и не понял, что это такое, – приходит ему в голову мысль, – для чего нужна женщина...»

– Израил! – окликает он одного из своих товарищей, неожиданно вздрогнув, словно вспомнив что-то важное.

– Ты звал меня? – наклоняется к нему Израил.

– Уходите отсюда до того, как Большая Медведица коснется вершин гор, – говорит он, поднимаясь. – Сиротскую долю раздайте в семи селениях. Мою долю тоже отдайте куда-нибудь...

– Люди не берут твою долю, Юсуп. Люди боятся твоих благодеяний, – отвечает ему Израил.

– Ничего, сделай, что сможешь! – говорит он торопливо.

– Ты что это, не завещание ли собрался делать? – полушутя спрашивает тот.

– Нет! – коротко обрывает он, седлая коня.

К хутору, где живет девушка – та юная девушка, лишившая его покоя, вселившая в его душу смятения, – он приходит в предрассветный час. Останавливается на склоне горы, где сам хутор хорошо виден внизу. Стреноженный конь его пасется внизу, в долине.

До самого захода солнца наблюдает за домом девушки, пытаясь понять происходящее с собой.

Он видит, что девушка, забывшись, часто смотрит на дорогу, с тоской в глазах.

И тогда он понимает, что он не одинок в своей печали и светлой грусти. Что еще одна невинная душа терзается доселе неведомыми ей чувствами, мучается так же, как и его, грешная.

Потом, через две недели, в селение, к отцу девушки, он погоняет большое стадо, которому нет конца, которое не может охватить человеческий взгляд, со сватами, прося руки его дочери.

«Вместо дочери я пришла в подарок твоему роду твой обезглавленный труп, как когда-то казаки послали труп твоего отца Овтархи», – отвечает отец на просьбу сватов.

Оставив стадо для всех жителей селения (по его просьбе), сваты возвращаются ни с чем.

И во второй раз, когда его люди приводят восемнадцать вьючных лошадей, груженых дорогими шелками, отец дает точно такой же ответ.

И тогда он посылает ему своего преданного, любимого скакуна, свой верный кинжал и драгоценную, служившую ему верой и правдой долгие годы в чужих

степях подзорную трубу с предложением искать его с помощью его подзорной трубы, догнать его на его быстроногом коне и обезглавить его с помощью его же кинжала.

Услышав эти слова, отец девушки понимает, что в этом брэнном мире ему некуда деться от любви Овтархан Юсупа к его дочери, как и от его ненависти. Он возвращает «подарок» вместе с дочерью.

Овтархан Юсуп бесследно исчезает, как капля воды в песке, вместе с юной красавицей Масар.

После него также исчезают несколько его смертельных врагов, доложивших властям, что именно они его убили. А некоторые из них получают богатые дары от русского царя и становятся богачами.

Никто не знает, где он остановился, где его искать и когда он вернется.

Среди людей ходят слухи, что его убили, но открыто говорить о нем боятся.

Одни рассказывают, что он перебрался в Турцию, чтобы собрать армию из эмигрировавших после Кавказкой войны чеченцев и начать новую войну против русского царя.

А другие говорят, что его видели в Мекке молящимся о прощении своих грехов.

И через шесть лет и семь месяцев, когда о нем враги начали забывать, а друзья перестали ждать, ранней осенью 1893-го года, в час, когда горизонт начал алеть, словно смертельно раненный дракон, бьющийся в агонии, раздавшийся одинокий залп и крик Масар раскрывают великую тайну Овтархан Юсупа.

Юсуп не скрывался ни в Турции, ни в Мекке.

Он жил в Чечне, неподалеку от царской крепости, вырубив поляну на самом краю леса и построив на этой поляне дом.

Он окружил свой дом высоким (выше человеческого роста) трехрядным забором, состоящим из колючек, частокола и еще раз колючек.

Внутри забора – маленький домик из двух комнат, с выходящими на восток и запад четыремя окнами.

Он никуда и никогда не выезжает из этого дома, там же, за забором, и его небольшой огород.

Все дела ведет жена, как-то: покупка необходимых товаров, продажа излишек зерна, а также она приносит новости из внешнего мира.

Каждый вечер, в час заката, его начинает мучительно терзать тоска по одной ему известной причине.

В такие часы он смотрит на облака, с алеющими боками ползущие вниз с горных вершин и исчезающие далеко в степях, собираясь в темную, мрачную тучу. И на птиц, возвращающихся в горы, изредка, устало взмахивая крыльями и переключаясь, постепенно исчезающих вдаль, превращаясь в еле заметные темные точки. Ощущает ветер, приносящий запахи трав и шепот листьев, дым над печными трубами селения.

В такие моменты его глаза оживают, распахиваясь широко, он гордо откидывает голову назад, подбородок его поднимается, а душа мечется, зовя его в путь, чтобы наступить на горло своей смерти, сыграть со смертью в рулетку или бросить ей вызов...

Он седлает коня, привязывает его, коротко натянув поводья, и медленно идет в дом.

Масар сидит на стуле у западного окна, спиной к нему. Она плавно встает при его входе во весь рост и также плавно садится обратно, не говоря ему ни слова.

Молчит и он.

Тогда он начинает медленно, прядь за прядью, распускать ее косу, которую он сплел утром точно так же на стуле у восточного окна.

Он долго распускает ее косу, придерживая пальцами каждую распущенную

прядь ее волос, держа их отдельно, пока не распустит всю косу.

Потом берет крупную гребенку с платка, расстеленного на коленях Масар.

И медленно, плавно, боясь сделать ей больно, начинает расчесывать ее цвета осенней листвы золотые волосы. Волосы искрят под гребенкой.

Масар покрывает голову платком. Стул оставляет на месте, чтобы утром перенести к восточному окну.

Слышно, как конь нетерпеливо бьет копытом о землю, с глухим, коротким, как в прежние годы в ночи, ржанием.

Расседлав его, он ослабляет узду.

Ему кажется, что конь тоже тоскует, как и он, каждый вечер. И потому он его седлает, коротко привязывая.

Он обманывает себя волосами Масар.

И конь обманывается седлом и тугими подпругами.

Потом наступает ночь, тихая, глухая, полная жизни. Ему знакома ее дрожащая, как листва в шорохе ветра, обостренная и чуткая, как оголенный нерв, жизнь. Его душа сливается с ночью, уходит вместе с ней в глухие леса, в степи, где месяц серебрит пески, гуляет по горным хребтам, чтобы в унисон с воем ветра завывать волком, или зарычать барсом, или закружиться жестоким смерчом где-то, куда укажет судьба.

Потом (когда обманутая душа успокаивается) засыпает, чтобы утром, как всегда (боясь, что это в последний раз) с восходом солнца сплести для Масар новую косу.

И так проходит время, дни переходят в месяцы, потом в годы. Осени сменяются веснами.

Проходит шесть лет.

Наступает седьмая осень, с медленно кружащейся золотистой листвой, как и прежде, с алыми облаками, ползущими вниз из-за горных вершин, и клекотом журавлей, с прохладным легким ветерком с осенними запахами.

«Оказывается, я тоже могу быть счастлив или я уже счастлив?» – спрашивает он себя и впервые удивляется той умиротворенности, которая приходит к нему, освобождая его душу от всяких сомнений. Душа его наполняется неизведанным до сих пор чувством щемящей всеобъемлющей любовью, любовью к жизни, к ее дыханию.

Он забывает оседлать коня.

На следующий день с утра какие-то люди (около ста человек) начинают рубить лес чуть повыше его дома.

Он посылает Масар выяснить, что происходит.

Масар возвращается с известием, что это добровольцы, вырубаящие лес под посевы или под луга для выпаса скота.

Вырубленные деревья они очищают от веток, разрубая на короткие столбы и складывают в два ряда, оттаскивая далеко вниз.

«Готовят для погрузки на телеги, – осеняет его. – Хорошо, что я остановился в этом селении, неподалеку от штаба русской армии, – думает он. – Кровники ищут врага вдали от людей или в других краях, даже не допуская мысли, что их враг может быть совсем рядом».

Он видит множество телег, запряженных быками, идущих вверх из селения по дрова.

Когда волы останавливаются около дров, он вспоминает Масар, которая ждет его у окна.

С этой счастливой мыслью («Оказывается, я тоже могу быть счастлив или я уже счастлив?») быстро идет в дом, оживленный, с улыбкой на лице, словно собираясь сообщить Масар радостную весть.

Он замечает своего коня, тонконогую красавца медно-рыжей масти с двумя белыми отметинами на лбу и носу и с белыми «сапожками» на всех четырех

ногах. Подняв свою гладкую голову на тонкой, гибкой шее и наострив уши, конь пристально смотрит на него.

Смущенный этим взглядом, он приостанавливается около коня, потом идет дальше...

...И тут его задерживает ружейный залп со всех сторон, раздавшийся как гром среди ясного неба...

До второго залпа он пытается поспеть к коню...

Совсем рядом с верным конем что-то останавливает его, какой-то удар отбрасывает назад...

Потом еще и еще раз...

«Юсий-й-й!» – слышит он крик позади себя. И от этого крика мир рушится, разойдясь черной трещиной пополам...

Все становится черным.

Он чувствует, что его руки перебирают чьи-то волосы и чье-то прикосновение к своей левой щеке.

Услышав у самого уха ржание коня, осознает, что держит в руках его гриву.

Он стоит, вцепившись обеими руками в гриву коня (ему мерещится, что он в седле и рубит врагов шашкой), когда подбежавшая с раскрытыми объятиями, словно орлица, Масар поворачивает его к себе и обнимает, прикрывая собой от пуль.

Уже угасающим взором он видит солдат, бегущих к нему со всех сторон с дьявольским криком «Ура-а-а!»...

«Зачем... зачем они кричат...» – бьется в голове мысль.

Потом со всех сторон раздаются световые вспышки, словно взрываются горы. За ними он видит небольшие холмики. И искры, вспыхивающие на мгновение и быстро гаснущие.

«...Все суета и ничтожно, ничтожно все...» – промелькает у него мысль до того, как последняя пуля попадает ему в голову.

Весь свет переходит в непроглядную тьму, которая исчезает, превращаясь в маленькую точку.

Все становится черным.

Черным и пустым.

Пустота.

Масар.

Масар солдаты не убивают и в тюрьму ее не сажают.

Масар в эту же ночь возвращается в дом отца, одинокая и потерянная, словно волчица, лишившаяся щенков.

Отец не узнает свою дочь.

Дочь удивительно красива.

И в то же время в ее красоте что-то неживое, мертвенно-бледное, исказившее ее прелесть.

Когда Масар называет себя, отец узнает свою дочь и понимает, что вернуться к нему она могла только овдовев.

В начале весны тесть выкрадывает и возвращает домой останки Овтархан Юсупа.

Потом ровно через год – после соблюдения траура – вокруг дома Масар начинают крутиться именитые и не совсем мужчины, и среди них абреки.

Все хотят жениться на женщине, бывшей женою Овтархан Юсупа. Все пытаются добиться ее руки. Любым путем: с ее согласия или без, взять ее в жены.

Наконец ее умыкает – прямо с прополки кукурузы – Успин Кахир, про которого говорили, что он родился вперед ногами.

И на второй день привозит ее обратно домой, при этом клянется быть в дальнейшем ее названным братом.

Кахир в ту ночь пытается овладеть ею.

Масар говорит, что она и Юсупу не была женой.

Кахир не понимает.

Тогда Масар рассказывает ему, что ей сказал в их первую ночь Юсуп:

«Побывавший однажды в капкане волк никогда не охотится на кабана, Масар, только на поросят, точно так же, как побывавший в силках сокол охотится лишь на мелких пернатых. Мы, жившие свободно, как горные орлы, и безмерно гордящиеся свободой и горами, сегодня покорены врагом из холодных степей, не имеющим гор и свободы, чтобы гордиться ими, и он требует от нас платы за наш пот, проливаемый нами на эту землю. Мы сейчас вымираем, лишённые права носить папаху.

Победитель оставляет для побежденного только два пути: постоянно гнуть на победителя спину и растить для него новых рабов.

И последнее сопротивление раба – это не производить на свет себе подобных рабов для своего победителя.

Я женился на тебе, пожалев твою красоту и свое мужество, Масар. Так неужели мы уйдем из этого мира, оставив после себя новых рабов для победителя?!

Я бы хотел умереть с этими последними, жалкими остатками мужества, Масар, и чтобы ты поделила со мной мою судьбу. Если же ты не согласна, я даю тебе волю самой решать свою судьбу без меня...

Кроме этого, мы пришли в этот мир не для размножения, когда впервые мы познали мир, где ты была Евой, а я Адамом!

Я хотел бы любить тебя, Масар, глазами и ласкать мысленно... Я хотел бы, чтобы ты стала моим талисманом, который я буду хранить, как святыню, в этом бренном мире, и таким же первозданным чистым заберу в мир иной, представ перед Богом...»

– И тогда я согласилась с ним, Кахир. Юсуп убедил меня. Я поняла, что с настоящим мужчиной стоит разделить судьбу, если не ради жизни с ним, то хотя бы для смерти. И таким мужчиной был Юсуп, – завершает свой рассказ Масар.

Кахир молчит.

Масляная лампа чадит в маленькой комнате.

И после долгого молчания Кахир спросит, пряча от нее глаза:

– Как же вы жили вместе, Масар? Прости за откровенный вопрос.

– Каждое утро, с восходом солнца, Юсуп сажал меня на стул у окна, медленно расчесывал мои волосы и заплетал косу, Кахир. А каждый вечер, с заходом солнца, он ее расплетал, – отвечает Масар.

– Ох!.. – только и смог выговорить Кахир. Долгое молчание воцарилось в комнате. Звенящая тишина.

И после долгих раздумий он заговаривает с Масар, глядя ей прямо в глаза:

– Если Овтархан Юсуп не овладел тобой, Масар, то я тем более не стою этого. Пусть Всевышний воздаст тебе за то уважение, которое ты питала к Юсупу... И с сегодняшнего дня я твой брат! – на следующее утро Успин Кахир отвозит Масар в дом отца.

Масар, которую за шестьдесят шесть лет одинокой жизни так и не убила царская власть, погибает двадцать третьего февраля тысяча девятьсот сорок четвертого года от рук офицера Советской Армии, который ударом штыка в спину уложил ее на могилу Овтархин Юсупа.

В это утро Масар, припав к могиле Юсупа, плачет, взывая к нему, как к Богу.

Она так и остается там лежать... навечно со своим Юсупом, не расставаясь с ним никогда.

Ее, вернее, ее останки, потом похоронят ушедшие в леса партизаны.

Один из тех, кто похоронил Масар – его звали Ковнарка, – умер только в 1989 году.

И он забрал с собой все.

Все исчезло.

Все прошло, чтобы остаться жить, жить вечно...

1991 год

Перевод с чеченского Михаила Эльдиева.

Алвади Шайхиев**Берега**

Я берегам сочувствую всегда –
 Вода
 Их разделяет, как вражда.
 Поговорить друг с другом неужели
 Они еще ни разу не сумели?

А может, волны – вроде ультразвук –
 Им помогают понимать друг друга
 И между берегами с давних пор
 Течет не слышный людям разговор?

Нет, если так, они б уже давно
 Сошлись,
 Как у людей заведено,
 И время коротали бы в беседе,
 Не как друзья – хотя бы, как соседи.

Неотправленное письмо

Уральские студные ветры...
 Поземка метет за окном.
 В белесой слепой круговерти
 Ни зги не увидишь кругом.

Земля, от натуги бледнея,
 Качает тайгу-колыбель,
 Спеша убаюкать скорее
 Капризную эту метель.

А я вспоминаю родную
 Чечню,
 Где мой горный аул.
 Там тоже, наверно, лютуя,
 Пускается в стужу разгул.

Не спит моя нана седая –
 Носки шерстяные она
 Мне вяжет,
 Письмо сочиняя
 До самой зари у окна:

«Как служишь, сыночек?
 У нас тут
 Зима не морозна сейчас.
 Метели бывают нечасто,
 Дрова еще есть про запас.

И сена пока что хватает...
 Вчера окотилась овца.
 Нас друг твой Али навещает,
 Все ждет от тебя письмеца.

Он славный, твой друг, работающий:
 Отцу твоему он помог
 Дрова нарубить, –
 Ты почаще
 Писать ему мог бы, сынок.

Смотри, одевайся теплее –
 Вот мой тебе строгий наказ!
 Перчатки послала тебе я,
 Носки довязала сейчас.

Но только носи их – пора ведь! –
 У вас-то, поди, холода...»
 Я знаю, не сможешь отправить
 Ты это письмо никогда.

Ведь с грамотой ты не знакома,
 Хотя шестерых подняла.
 Ты в жизни училась другому,
 Иные науки прошла.

Сегодня прочел я, родная,
 Письмо это в сердце твоём.
 И стало тепло мне,
 Хоть злая
 Метель лютовала кругом.

Вы говорите мне:
 «К чему ловить жар-птицу?
 Бери, что на роду
 Написано тебе...»
 Но с этим никогда
 Душа не примирится –
 Я не учил ее
 Покорной быть судьбе.

Мне щедро дарит жизнь
И счастье, и печали,
Но песню, что во мне
Вскипает, как волна,
Я сам сложил в тиши
Бессонными ночами –
Не на роду была
Написана она.

Я складывал ее
Из теплых ливней лета,
Из красоты цветов,
Из доброты людской,
Чтоб кто-нибудь ее
Однажды в час рассвета
На трудную тропу,
Как друга, взял с собой.

Тогда я буду знать,
Что жил не бесполезно
И не напрасно шел
Судьбе наперекор, –
Хоть жаль, что на роду
Написанная песня
Неспетой у меня
Осталась до сих пор.

Когда умирает мужчина,
В ауле женщины плачут.
А женщина умирает –
Вновь женщины слезы не прячут.

Мужчины в скорбном молчанье
Стоят у могил дорогих,
Но слез – как бы ни было больно –
Никто не увидит у них.

Такой уж обычай суровый
Сложился столетья назад,
Но есть и другой обычай –
Он сердцу милее стократ:

Мгновенно стихают раздоры,
Резня прекращается вмиг,
Едва до мужчин донесется
Испуганной женщины крик.

Любовью и нежностью женщин
В невзгодах сильны мы подчас.
Откуда ж берутся силы
Всегда быть опорой для нас?..

А смерть беспощадна –
И нынче
Аул наш окутала мгла:
Ведь, жизни росточек взлелеяв,
Женщина-мать умерла.

Так плачьте, рыдайте, мужчины,
Негоже нам слезы скрывать! –
Земле предаем мы сегодня
Бесценную женщину –
Мать.

Я на поминках бывал –
В горле сдерживал ком;
И тысячу раз отмечал
Дни рожденья детей;

В шумном застолье подчас
Был я весельчаком,
С бедами с глазу на глаз
Был я тучи мрачней.

Грешным и праведным быть
Жизнь учила меня,
Видеть во тьме наяву
Детства цветные сны...

Только ни ночью, ни днем,
Душу мою леденя,
Не покидает меня
Чувство вечной вины.

Кажется, я виноват,
Если умер старик,
В том, что я от него
Смерть не смог отвести;

Если родилось дитя,
Вновь я в печали сник,
Зная, что от судьбы
Мне его не спасти.

Будто в ответе я
Вечно за каждый миг, –
Если родилось дитя,
Если умер старик.

Когда закрыта дверь твоя,
От нетерпения всегда я
Наотмашь бью в нее,
Как будто
Сорвать с петель хочу скорей;
Не зная, дома ль ты, дружище,
Я возле двери изнываю
И, чтоб шаги твои услышать,
Вновь ухом прижимаюсь к ней.
Когда ж открыта настезь дверь
И вовсе незачем стучаться,
Остановившись у порога,
Стою безмолвно в тишине.
И хоть мне хочется, дружище,

С тобой скорее повстречаться,
Но жду я все-таки,
Когда же
Ты выйдешь сам навстречу мне.

К познанию ключи
Нам природа дала:
Мы знаем, как звезды
Сгорают дотла;

Как осень в забвенье
Сметает листву,
Про снег навевая
Нам сны наяву;

Как стаю озябшую
Гонит на юг
Холодная песня
Мерцающих вьюг;

Как юность к любви
Проторяет нам путь,
А старость к земле
Норовит нас пригнуть;

Как старости дни
В неизбежность летят
Под ласковый лепет
Любимых внучат.

Познать нам немало
Пришлось до конца,
И боль неспроста
Разрывала сердца.

Так что же доньше
Пытливый умом
В законах природы
Мы брешь не пробьем?

... За тучей, укрывшей
Небес синеву,
Невидимый лук
Натянул тетиву.

Коль прошлое я не покрыл позором,
Оно навеки свято для меня.
Ведь день вчерашний –
зеркало, в котором
Я вижу облик нынешнего дня.

И если я изменил хоть кому-то,
Или не дал предательству отпор,
Или к друзьям в нелегкую минуту
Не поспешил через уступы гор,

Или в ночи под грохот камнепада
Сворачивал с тропы на полпути
И у судьбы просил хоть раз пощады,
Спеша в покое счастье обрести, –

Тогда проклясть готов я
свой беспечный
Вчерашний день,
А нынешний – втройне;
И пусть отсохнет мой язык навечно,
Чтоб никогда не оправдаться мне!

Ведь день вчерашний –
зеркало, в котором
Я вижу облик нынешнего дня...
Коль прошлое я не покрыл позором,
Оно навеки свято для меня.

Ответ

Мне однажды заметили:
«Противоречий
Многовато в твоих почему-то стихах.
То глядишь на цветы,
призывая беречь их,
То спешешь,
приминая цветы впопыхах.

То стремишься к борьбе,
То тебе вдруг дороже
Безмятежный покой
покоренных дорог...
Ты в груди своей носишь два сердца,
похоже, –
Жизнь такого не дорого стоит, дружок!»

Да, в стихах грубоват я бываю порою,
А подчас они нежностью озарены.
Но не думайте,
что я двуличен душою, –
Просто от роду мне две дороги даны:

От отца мне достался
характер мужчины –
Свои песни кинжалом пишу иногда;
С детства к нежности
нана меня приучила –
Молоком материнским пишу иногда.

Медвежонок

Рассказ охотника

Поздно ночью мы притихли,
Утомила нас дорога;
На избушку ненароком
Набрели в глуши лесной.
И узнали, что для счастья
Нужно было так немного:

Лишь бы, спрятавшись от стужи,
Кров иметь над головой.

А снаружи, как шакалы,
Ветры буйные кричали,
И трещал мороз жестокий,
Напугать желая нас.
Ну а мы легли вповалку,
Позабыв свои печали,
И, укрывшись потеплее,
Погрузились в сон тотчас.

Есть в горах такой обычай:
Коль в дороге тьма сгустится,
Смастерить избу в чашобе
Для ночлега до утра.
А потом, перед уходом,
Как души своей частицу,
Новым путникам оставить
Все, что надо для костра.

Вот такой обычай славный
У людей и нынче в силе,
А обычаям прекрасным
Не годится изменять.
Вот и мы перед уходом,
Как положено, решили
Сучьев старых в чаще леса
Для костра собирать.

Ну а я к студеной речке
В путь пустился за водою,
Но, как только от избушки
Отошел я не спеша,
Вдруг медведицу увидел
Под высокою сосною
И заметил рядом с нею
Медвежонка-малыша.

Возле матери, как видно,
Он устал уже метаться
И теперь, скуля тихонько,
Прижимался к ней бочком.
А она была недвижна,
Не могла она подняться, –
Со свинцом в груди лежала
На густом снегу ничком.

Подошел я к медвежонку,
От души его жалея, –
Он меня не испугался,
Только крепче обнял мать, –
Все опасности на свете
Презирал он рядом с нею,
Не успевший в смерть поверить,
О жестокости узнать.

На него смотрел я долго –
Сердце кровью обливалось,
И не смог слезу сдержать я,
Болью искренней объят,
Хоть нужна была навряд ли
Медвежонку чья-то жалость –
Никакие в мире слезы
К жизни мать не возвратят.

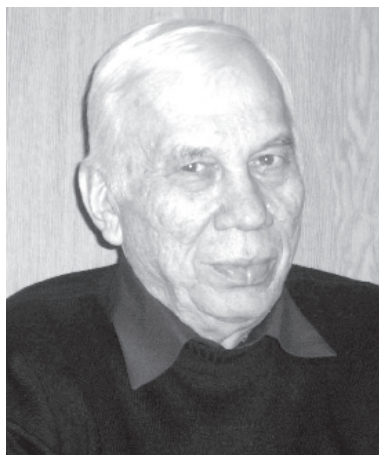
Он разрывал скорей сугробы
И укрыл ее под снегом,
Но, оставшись одиноким,
Не заплакал от тоски.
А в глаза мне без испуга
В этот миг, в порыве смелом,
Вызывающе взглянул он
И поднялся на дыбы.

Вероятно, показался
Я ему врагом заклятым.
«Ну, стреляй же! Что ты медлишь?» –
Призывал, казалось, взгляд...
Я смутился поневоле,
Хоть и не был виноватым,
Хоть помочь ему всем сердцем,
Всей душою был бы рад.

Тут друзья, узнать желая,
Отчего я задержался,
Подошли –
И увидели
Медвежонка под сосной.
Ну а он не шелохнулся.
Он и их не испугался,
Он глядел на нас, бедняга,
С укоризною немой...

С той поры промчались годы,
Но ношу я в сердце рану –
Эту тяжкую картину
Не забыть мне до сих пор.
Где же нынче медвежонок,
Я гадать не перестану, –
Может быть, он тоже пулей,
Как и мать, сражен в упор?

Или, может, избегая
Нас, людей,
В глуши далекой
Боязливо и угрюмо
Одиночество влачит?
Я не знаю. Только выстрел
Тот бессмысленно-жестокий,
Хоть его я и не слышал,
Посейчас во мне звучит.

Макалов Шамсудди

Нохчийн яздархочун, поэтан 70 шо кхочу х1окху шеран 25-чу январехь. НР-н Хьакъволу лор а, РФ-н яздархойн Союзан декъаишхо а ву иза. Цо чекхьяккхина Махачкала хь лъерийн институт. Цига хь студент волуш цуьнан арайолу оьрсийн маттахь «Малярные кисти» ц1е иолу забаре повесть. Х1ета хь дуьйна литературица тасаделла гергарло д1а ца тосуш, шегарчу пох1 маллица и кхиош схъавог1у Шамсудди. Шуйьра бу цуьнан кхоллараллин чулацам. Нохчийн, оьрсийн меттанаиша хь араюьйлу поьзехь, прозехь цо язйина киникаш: «Боларан ирс» (1974), повесташ «Хьалхара г1улчаш» (1983), «Деши» (1997). 2005 шара хь хьалхий-т1аьхьий арайолу кхо киника – «Тамашийна суьйре», «Суьйренан ойланаш», «Б1аьстенан аьзнаш», 2008 шара хь – «Малх г1аттале». Шен прозехь, поьзехь дог-ойла, дегалазам вайга схъакховдо г1ерта иза. Хаало, автор хьомечу махках, ширчу лаьмнех, хазачу г1аламах вокххавевеш, доглозуш хилар.

Карарчу хена хь НР-н яздархойн Союзозорботоха кечийна цуьнан рог1ера киника «Обет» (оьрсийн маттахь). Дуккха а байташ эшарашка иьрзина цуьнан: «К1айн халат», «Школах къастар», «Сийна аре», «Д1а ма лечкьа», «Хаза мохк» иштта д1а кхин а.

Ас стенна сагатдо?

Ас стенна сагатдо,
Даймохк, хьо хилча?
Башлекха ламанийн
Гуш баххьаш хилча?
Сан дагна йовхо луш,
Дег1е ницкъ кхийдош,
Дахарехь б1аьрг белош
Хьан амат хилча?

Ас стенна сагатдо,
Нана, хьо хилча,
Г1айг1анан, балин дукъ
Ахь доькьуш хилча?
Кхолламан шина декъах
Тоблашниг лехна,
Со ларвеш, со кхиош
Ахь орца дехча?

Ас стенна сагатдо
Доттаг1ий хилча,
Тезета хь, ловзаргахь
Да кьа д1аэца?
Халонан дукъ айба
Уьш хилча кийча,
Со хилча кечвина
Церан дог эца?
Ас стенна сагатдо
Дахаран, ирсан?
Ирс деца Нана-Мохк

Хьуна гуш хилча?
Ирс деца мехкан сий,
Оьздалла ойуш,
Доттаг1ийх белш тоьхна
Дуьненчохь ваьхча?

Гиний хьуна сийна хьаннаш
Мелчу махо техкаеш,
Серладохуш лаьмнийн баххьаш,
Малхо з1аьнарш ловзаеш?

Гиний хьуна шийла шовда,
Цуьна лепа дато бос,
Йиш хиллий хьан цу чу кховда
И хастадеш ала дош?

Гиний хьуна лаьмнех хьерчаш
Некьо тача идадеш,
Бердех летта йохку б1аьвнаш
Мархо, хьерчаш, лечкьаеш?

Гиний хьуна буьрса Орга
Бердех леташ ламанан,
Тайна аьрцнаш, 1аннаш к1орга
Нуьре сибат г1аламан?

Хьоме Даймохк, массо ханна
Ас хьо даг чохь лелабо,
Зарзаро а б1аьсте санна
Ас хьо, безаш, хестабо!

Юьжу и сан ойла, дуьне маракьовлуш,
Г1отту и сан ойла, дуьне караоьцуш,
Ванах, х1ара дуьне оццул жима ду-те,
Я дуьненал йоккха и сан ойла ю-те?

Оьрсийн декхнаш

Кхузахь дац-кха лекха лаьмнаш,
Хаза, шера аре ю,
Цуьнан г1арол санна лаьтгаш
Оьрсийн оьзда декхнаш ду.

Декхнаш кхузахь, декхнаш д1огахь,
Массанхья ду декхнаш гуш,
Цец ма вийла, эли соьга,
Докхах кхиьна ерриг Русь.

Декхнаш ду-кха куьце, башха,
Цхья дарбане синтем луш,
Ас тессира ши куьг хьалха,
Маракьовла лууш уьш.

Аьзнийн куьуйсуш исбаьхьалла,
Зарзарш кхузахь декало,
Мох 1алой ткья! Ловзабаьлла,
Сенчу г1аш т1ехь техкало.

Декхнаш т1ехья, лечкьаш, йолуш,
Оьрсийн йо1а б1аьцаш йо,
Есенин дакх маракьуйлуш,
Вольуш д1огахь хетало.

Куьйгаш-генаш соьга кхийдош,
Декхнаш хаза буьйцу мотт,
Ас поэзин суйнаш лехьош,
Муьлу 1аббалц церан мутт.

Декхнаш кхузахь, декхнаш д1огахь,
Массанхья ду декхнаш гуш,
Цец ма вийла, эли соьга,
Докхах кхиьна ерриг Русь.

Г1ан

Суна г1енах дуьхьалтуьйсу
Б1аьстено кечийна беш...
Вайшиь лаьтга, безам буьйцуш,
Седарчий х1игтийна теш.
Бецан хаза заза хьобьтуш,
Махо г1ашца шабарш до,
Даго деган ойла йосту,
Башха хета х1ора дош.
Г1ан д1ахеда... амма херлац
Сох хьан хаза аматаш!
Самаваьлча дуьсу дагца
Г1ено делла совг1агаш.

Соь ма кхайкха
Гена махка,
Соь ма ала
Бита мохк.
Со 1елур вац
Махках ваьлла,
Д1атосур бац
Ас Даймохк.

Х1уммаь дац-кха,
Вохна вац-кха,
Кийрахь кьийларх
Кья-бала.
Кхолламан кья
Леткьош шуьга,
Сан хезар дац
Мохь-ц1ог1а.

Хала бах аш?
Хала-м хья ду,
Йижна ма яц
Т1еман кьахь.
Амма эшац
Шун Малхбузе,
Эла ву со
Винчу ц1ахь!

Нохчийчов

Нохчийчов – сан ага,
Сан деган зезаг,
Хьайн ц1арца г1атта ахь
Суна ницкь ло,
Сатийсам бузу ас,
Нохчийчов, хьобца,
Хьан марзо сайн даг чохь
Ас лелайо.

Хьо гуш сан,
Нохчийчов,
Анайист шорло,
Оьздачу адамийн
Г1иллакхаш го.
Дезарша, декхарша
Г1аттийна тахна
Хаддаза ойланаш
Хьох лаьцна йо.

Заманца г1улч нисьеш,
Ларбина безам,
Хьан дуьхья лайна ас
Мох а, дарц а.
Хьан сий ас лардина
Т1елестарх кхерам,
Доьналлех со вохо
Г1ертарх а харцо.

Мотт бийца, хьо йийца
 Бакьо а йоцуш,
 Со ваьхна, сайн чевнийн
 Да1 делла дар.
 Со вайа, х1у дайа
 Г1иртира Сталин,
 Амма со хьобца ву,
 Ца вели кьар.

Дог лозу,
 Нохчийчохь,
 Богу сан кийра,
 Ирс долуш хилла вац
 Хьо йоцчохь со.
 Йиш яц сан цундела
 Хьох вала хийра.
 Хьуна ас д1аелла
 Сайн дегайовхо.

Яхь йолчу к1ентан ц1е
 Пхьобханахь санна,
 Ц1е йоккхуш хьо хилар
 Лууш ву со.
 Хьан беркат дебийла
 Массо а ханна,
 Даггара сайн илли
 Ас хьуна ло.

Сийлахь бу дай

Вай леца х1обггича
 Б1ешараш шира,
 Вайн вешан кхетамехь
 Х1отта ма ло,
 Ворх1е ден хиллачу
 Дахаран суьрташ,
 Кху тархийн некъашкахь
 Церан Лар го.

Х1аь, атта-м ца хилла
 Вайн дайн и дахар,
 Довзална латтийна
 Пхьор хала сов.
 Амма уьш хилла бу
 Яхь йолуш, озда,
 Хьешана комаьрша
 Довллуш шайн ков.

Дахаран дорцалахь
 Тийжабеш пондар,
 Екьна бу уьш г1айг1а
 Вовшашца, кхаь,
 Стеган а сий дина
 Хиларх и беркъя,
 Харц а ца войтуш и
 Валучохь бакъ.

Баьхна бац хьаг1 уьйуш,
 Хьарамло г1иттош,
 Эцна бац шайн кара
 Питанна герз.
 Стагана стагах а
 Ца йина гамо,
 Стагана стагах а
 Ца йина борз.

Воккханиг лерина,
 Некъ буьтуш цунна,
 Барт, безам ч1аг1бина,
 Ца дезна дов.
 Шайгара диканиг
 Дита кху лаьтгахь,
 Ненан мотт ларбина,
 Йобггина б1ов.

Оьшуш дац дайх лаьцна
 Ас дийца деха,
 Дерриг а шайн даг чохь
 Лий1ина бу.
 Дехар ду церан сий
 Дуьне мел деха,
 Уьш хилла кьоман лард –
 Лар сирла ю.

Зама д1а керчар ю
 Дика-вон гойтуш,
 Дезар ду моттарг1а,
 Шалхалла ган...
 Амма вайн
 Нохчалла
 Хир ду-кха сийлахь,
 Ницкъ кхачахь весеташ
 Дайн кхочуш дан.

Гуьйрено хьобгуьйгу г1айг1а,
 Мажделла г1а доьжна го,
 Сайн чаккхе гуш санна сайна,
 Саготта хьийза-кха со...

Х1ун ду и, шелъяларх товха,
 Я г1ертарх мокха дохк чу?
 Дечиго латтор ю йовхо,
 Малх кхетча дохк дешар ду.

Деллахь а хетало тийжаш
 Г1ов клелахь гуьйренан г1а,
 Дезар ду саб1аьрзе хьийза
 Хьан даг чохь деллахь а 1а.

Руслан Юсупов**Вдвоем**

Мы встречаем вдвоем
каждый новый рассвет...
Жизнь наполнена смыслом – тобою.
Вместе думаем, дышим уже много лет.
С нами Бог, мы довольны судьбою.

Нелегко в этом мире,
в проблемах живем.
Жаждем мира, готовимся к бою.
Только счастливы мы, потому что идем
Мы по жизни одною тропею.

Светит солнце в пути одинаково нам.
И грустим, и смеемся мы вместе.
Дополняем друг друга,
и все – пополам,
Как слова и мелодия в песне.

Оглядываясь назад

О сладкий вкус моих воспоминаний,
Я тешусь вами на закате лет.
Купаюсь в страстном омуте признаний,
Где не всегда лилась любовь в ответ.

Где были муки наизнос и ночи
Бессонницей, отчаяньем полны;
Где были дни туманных многоочий,
О чем порой напоминают сны.

Но сколько было
радостных мгновений,
В которых – жизни истинная суть,
Когда в пылу взаимных откровений,
Казалось, в клочья разорвется грудь.

Мне не забыть минуты ожидания
Пленительного слова о любви.
Я буду помнить каждый час свиданья,
Когда в глазах читалось: «Позови»!

Я помню все: хорошее, плохое...
Спасибо, память, за твои труды.
Пусть будет рядом где-то все бывшее,
А в настоящем будем я и ты!

Одинокой женщине

Вся наша жизнь лжеистиной полна,
В ней нет ни справедливости,
ни счастья,
Когда такая женщина одна
Живет без чьей-то ласки и участия.

Когда одна, сгибаясь на ветру,
Плетется, не согретая любовью,
И каждый день, вставая по утру,
Не видит никого у изголовья.

Так почему и в чем ее вина?
И почему беспечно солнце светит,
Когда такая женщина одна,
Когда одной ей достаются дети?

Когда невольной гостьей вдруг слеза
Напомнить о тоске ее стремится,
Взгляните в эти грустные глаза,
И вряд ли вам удастся не смутиться.

И все же, верю, ждет ее весна,
Откроет двери, постучав с любовью.
Я знаю, будет счастлива она
Под нежною рукой у изголовья.

Когда все можно поровну делить,
Когда и день, и ночь неповторимы.
Ведь женщина не может не любить,
И ей по праву надо быть любимой.

Все дано тебе Богом:
и внешность дана,
Тонкий ум, и душа, и манеры...
Почему же, скажи, ты сегодня одна
Без любви, без надежды и веры?

Все дано тебе вдоволь,
ты знаешь сама,
И достоинство, и обаянье.
Почему же жилище твое, как тюрьма,
Обрекло тебя на увяданье?

Почему же судьба
благоклонна к другим,
А тебя так легко обделила?
Почему не тобою одною томим
Тот, кого ты еще не любила?

Где же бродит он слепо
и смотрит куда,
С неба звезды напрасно хватая,
Когда рядом сияет земная звезда,
О любви настоящей мечтая?

Незавиден, тяжел одиночества крест,
Когда не с кем душою согреться.
А ведь нужен один согревающий жест
И одно, но влюбленное сердце.

Под вечным белым снегом
Проходят день за днем.
И мы под этим небом,
Но только не вдвоем.

Что с нами дальше станет?
Как все, в весну шагнем,
И лед вокруг растает,
Но мы-то не вдвоем.

Потом наступит лето,
Зальет закат огнем,
И будем ждать рассвета,
Но только не вдвоем.

И очарует осень,
И золотом запьем
Мою хмельную просесть,
Но только не вдвоем.

Что дальше? Все сначала...
И ничего не ждем,
Поскольку нет причала,
Где будем мы вдвоем.

Сыграй мне грустную, гитара,
Влюбился я в который раз.
Хоть, знаю, ей совсем не пара,
Ничто не связывает нас.

Но почему же сердце бьется,
Когда встречаю этот взгляд?
Оно над разумом смеется
Который год уже подряд.

Оно не хочет в паре с телом
С годами чувствовать закат.
Ему любить не надоело –
Оно моложе во сто крат.

И я ищу ее глазами,
И оживает вдруг струна.
Лишь два аккорда между нами,
Но ведь услышала она.

И ничего, что мы – не пара
И разведут дороги нас.
Но помоги же мне, гитара,
В последний раз, в последний раз.

Упала пожелтевшая листва,
Но дерево еще живет и дышит.
Пусть кажется, исчерпаны слова,
Но голос сердца милая услышит.

Он понесется через расстоянья
И тронет струны замершей души,
И музыкой безмолвного свидания
Разбудит одиночество в тиши.

Что есть жизнь без утренней зари,
Что она без дивного заката?!
Вот звезда сверкнула, посмотри,
В небе ясном россыпи дуката.

Отчий край, знакомый нам до слез,
 Что мы без него – корабль в пустыне.
 Что есть жизнь, когда она из грез,
 Где они лишь яркие картины?!

Что есть жизнь без улицы родной,
 Где мы родились и повзрослели,
 Где мы, как за каменной стеной,
 Стать людьми хорошими сумели,

Где хранит отцовская рука
 Честь семьи, достоинство, манеры,
 Ну, а мама пожурит слегка,
 Если загуляли мы без меры.

Что есть жизнь,
 коли твой верный друг
 Не уступит лучшую обнову,
 Не разделит молча твой недуг,
 Прибежав по первому же зову?!

Что есть жизнь, коли весь шар земной
 Не хотелось вдруг обнять от счастья,
 Коли не придется в мир иной
 Мне уйти с любимой в одночасье.

Легкая грусть просочилась в мой дом.
 Поздняя осень кропит за окном.

Падают листья в саду, пожелтев,
 Ветра осеннего грустный напев.

Дождь уже несколько дней моросит,
 Мрачное небо упорство хранит.

Кажется, что не просохнет земля.
 Плачут в унылом ряду тополя.

Тонкая ветка, согнувшись, дрожит,
 Редкий прохожий по лужам бежит.

Словом, привычный
 октябрьский фон...
 Что-то еще замолчал телефон.

Только нарушилась вдруг тишина,
 Хлопнула дверь... появилась она –

Главная женщина, величина.
 В сердце, разбуженном, снова весна!

Осень напрасно кропит за окном –
 Солнце собою наполнило дом.

С новой силой забились сердца –
 Все оживает по воле Творца.

Не разминувшись

Как же нашли мы друг друга!
 Не разминувшись, сошлись.
 Здесь, в беспорядочном круге,
 Все называемом жизнь.

Сколько дорог было рядом,
 Сколько соблазнов в пути,
 Сколько пленительных взглядов
 Выпало нам обойти!

Сколько свиданий осталось,
 Брошенных на полпути.
 Сколько удача металась,
 Прежде чем к нам подойти.

Так и нашли мы друг друга,
 Встретившись вдруг на века.
 Стала ты верной подругой...
 Жизнь потекла, как река.

Были, конечно, тревоги,
 Были и черные дни.
 К счастью нет ровной дороги.
 Жизнь испытанью сродни.

Важно прожить ее мудро,
 Без опрометчивых слов,
 С тем, чтобы каждое утро
 Чувствовать рядом любовь.

Шаран Дашаев

У костра

Рассказ

Нас трое: двое абсолютно свободных от каких-либо обязанностей, третий, хоть и считается на государственной службе, но тоже не особенно обременен и может в любой момент позволить себе любимое занятие – рыболовство. Иногда к нашей компании присоединяется самый молодой из нас. Он тоже, по всей вероятности, считает, что важнее дела больше нет. Это Дакка. Так прозвала его мать в детстве, и это имя прочно закрепилось за ним.

Дакка тоже человек без определенных занятий. Дома у него на откорме два-три бычка, но за ними вполне могут присмотреть жена и взрослые дети.

Двое – я и Шахруддин, чуть старше меня, – уже отдали свой долг семье и обществу, имеем статус пенсионеров. Нам с ним дали «вольную», корректно предложив освободить места в пользу молодых.

Ну, это дела, так сказать, государственные. Там, «наверху», виднее, что и как. А мы пока речь ведем о вещах обыденных, повседневных, однообразно текущих своим чередом.

Один Ильман числится на службе в лесном хозяйстве.

– Бухгалтер, наверное, лопатой загребают, – пробуем мы иногда задеть его, зная, что эта контора продолжает существовать лишь номинально.

– Так точно, – соглашается он, чтобы не вступать в бесполезную полемику.

– Ну и сколько же это в месяц получается?

И на этот вопрос у него заранее заготовлен ответ:

– Столько, сколько тот черт, который ждал милостыни от муллы.

Есть чеченская притча: какой-то черт носился постоянно со свирелью, но никто ни разу не слышал, чтобы он заиграл. Задали вопрос: «Почему?» – «Жду, когда мулла бедному милостыню подаст», – ответил черт. «И как долго ждешь?» – «Сколько себя помню».

Ильман то же самое повторяет:

– Пока метка на нуле.

– Тогда продай лес, – подсказываем.

– А кто рискнет туда сунуться?!

Это он имеет в виду, что власти, в целях безопасности, запретили ходить в лес даже бедным женщинам и подросткам, что по весне собирали там черемшу.

Тем не менее Ильману почему-то отводится роль младшего (сказано: понукай тем, кто везет). Сходить куда, достать, приготовить что – словом, достается малому по части обслуживания нашей «артели». Машина, которую мы безжалостно гоняем по кустам и буеракам, тоже его. На реках Тангинка, Мартанка, Рошня, Гехинка нет ни одной запруды, куда бы мы не забросили удочку.

Однако самыми удобными и привлекательными мы считаем глухие места по берегам реки Сунжа в районе населенного пункта Алхан-Юрт, заросшие диким кустарником, а местами и нетронутыми лесами.

Когда-то заводские рабочие организовали здесь свои подсобные хозяйства ближе к многочисленным подземным родниковым водам, проложили асфальтовые и бетонные дороги, построили пруды для разведения рыб. Эти пруды сохранились по сей день, хотя рыбы там совсем не осталось – браконьеры потравили. Когда по всей стране начались известные катаклизмы, здесь тоже, рассказывают, объявились желающие погреть руки на общественном достоянии. Но алхан-юртовцы дали им дружный отпор, заявив, что места эти должны остаться в общественном пользовании, поскольку селяне выпасают здесь личный

скот. Зато теперь каждый может беспрепятственно приехать сюда, отдохнуть, половить рыбку. Важен, конечно же, не улов, а сам процесс.

А вот другие знакомые сюжеты: что не успела природа, доделывают тяжелые трактора и большегрузные машины, хлынувшие сюда за бетонными плитами, столбами, металлом. Под их напором бьются, ломаются некогда ухоженные, а ныне бесхозные дороги. Чуть заморосит дождичек, и уже не проехать ни от села, ни обратно. На границе предлесья и заброшенного поля, там, где стыкуются две дороги, образовалась огромная лужа, объехать которую возможно разве что за несколько километров. Даже в сухую погоду, проезжая это место, приходится высаживать лишних пассажиров, чтобы не зацепить днище.

Мы возвращались с очередной рыбалки уже в сумерках, когда надо было включать фары. Спешили дотемна выбраться из леса, проехать то место, где могли застрять. С полчаса уже накрапывал мелкий дождь, но еще не успело размякнуть.

– Нам бы успеть на грейдерную дорогу...

Ильман не успел договорить – машина нырнула в яму, уперлась дном и повисла колесами.

– Ну, сократили, называется, время и путь, – бросил Дакка, сидевший рядом со мной на заднем сиденье.

Шахруддин, на правах старшего занимавший место рядом с водителем, молча заправил штанины в резиновые сапоги, которые он надевал каждый раз, приезжая на рыбалку, открыл дверцу машины и сразу же погрузился в липкую лужу, еще не успевшую подсохнуть после дождя, прошедшего неделей раньше. Мы трое оставались в салоне, озираясь по сторонам и чувствуя, что сели основательно, пока сзади не раздался голос Шахруддина.

– Вылезайте! – скомандовал он. – Попробуем дружно подтолкнуть.

Мы с Даккой неохотно выбираемся из салона, Ильман остается за рулем. Начинаем раскачивать машину. Сзади, спереди. Надрывно ревет мотор, а из-под задних колес бешеной струей летит грязная жижа. Толку – никакого. Словно спасаясь от погони, в какой-то миг набегают ночная темь. Хотя до села – рукой подать, но ждать помощи в это время дело, прямо скажем, безнадежное.

– Может, мне сходить в село? – робко предлагает Дакка, вытирая об куртку заляпанные грязью руки.

Мы окончательно убедились, что наши физические усилия тщетны и далеко не достаточны, не то чтобы вытащить, но и сдвинуть с места машину.

– А тебя кто-нибудь ждет там? – вопросом на вопрос справляется Шахруддин, который только что выбрался из ямы и теперь всем видом подчеркивает, что готовится к чему-то.

– Насколько известно, нет.

– Тогда вот что: перетащи весь наш скарб вон туда, – распорядился он, указывая на большое тутовое дерево с пышной кроной. Подумав, добавил: – В село утром сходишь, если к тому времени кто-нибудь нас не выручит...

Совсем в недалеком прошлом были времена, когда в любом месте – вдали ли от дома или вблизи – без разницы, можно было ни о чем не беспокоиться, ночевать прямо на улице, где угодно, лишь бы погода позволяла. Домашние тоже особо не волновались, если кто-то куда-то отлучался. Если на транспорте, делали для себя успокаивающий вывод:

– Наверное, машина сломалась...

Нынче же небезопасно ночью не только где-нибудь в пути, но даже на родной улице.

Но нас все-таки четверо, хоть не амбалы какие-нибудь, но и не хлюпики беспомощные. Мы удобно устроились вокруг полыхающего ярко-красным пламенем костра, под густой кроной дерева. Здесь тепло и сухо. Такое ощущение, что сюда не попала ни одна капля дождя. По-своему тихо и уютно в ночном лесу. Не слышно бесконечного посвиста птиц, ни шуршания веток, ни шелеста травы, ни стрекота цикад – предвестников рассвета и конца напряженного дня. Только иногда тихий и ласковый ветерок доносит отдаленный треск сухостоя

– это лесной зверь, вспугнутый бомбежками в горах и поселившийся здесь, на равнинной части. Особенно много нынче развелось диких кабанов, потому как местных охотников им бояться нечего – мусульманский обычай не позволяет даже дотрагиваться до этой животины, ни дикой, ни домашней.

Рыбалка на реке – это постоянное движение в поиске удачного места, клева значит. От такой нагрузки к вечеру тело настолько устает, что буквально валишься с ног, не выбирая особые удобства. Здесь, в лесу, освежившийся воздух после короткого дождя; тепло, обжигающее лицо после каждой вспышки огня; мириады звезд на безоблачном чистом небе; легкое и ласковое дыхание ветерка, напоминающее дыхание ребенка перед погружением в сон – все располагает к покою и отдыху.

Пламя костра сплошной темной стеной отделяет нас от окружающего мира. Новые вспышки огня на несколько шагов отодвигает от нас эту темь, но как только пламя ослабевает, надвигается еще плотнее, еще угрожающе. Можно только представить себе все разнообразие запредельного за этой стеной мира живой и неживой природы. Но наш узкий мирок ограничен до предела нескольких шагов в радиусе.

О самом старшем из нас, Шахруддине, никак не скажешь, что он удался ростом. Но в подвижности ему нет конкурента, несмотря на свои семьдесят с лишним. Шахруддин и здесь не может найти себе покоя. То хватится за какой-нибудь дрючок, попавшийся под руку, то за топорик, которым он уже достаточно помахал: наколот целый ворох дров, чтобы удобно было подкладывать в огонь. Он и сам частенько замечает:

– Умру, но воле телесной не подчинюсь!

Между тем Дакка сцепился с Ильманом по поводу постигшей нас неудачи и прочих жизненных перипетий.

– Видишь ли, брат мой, – распалется он, – не зря говорят: без труда – не вынешь и рыбку из пруда...

– Открыл Америку... тоже мне – Колумб! – резюмирует Ильман, отмахиваясь от собеседника как от назойливой мухи и продолжая раскладывать на походной скатерти наш скудный провиант, оставшийся с обеда.

– Не спеши, слушай, – не унимается тот. – Думаешь, для чего создаются проблемы? Конечно же, чтобы преодолевать. А для чего человек рождается на свет? Чтобы страдать. Это, брат мой, целая наука. Сечешь? А помнишь, когда ты в первый раз на ноги поднялся?

Тут нервы Ильмана не выдерживают:

– Нет! – резко прерывает он Дакку. – Спроси лучше, помню ли я день своего рождения?

Но Дакка хорошо знает, что в следующую минуту Ильман по-прежнему будет добродушно улыбаться. И это еще больше распалает его:

– А знаешь, сколько усилий ты потратил, чтобы научиться ходить? Не знаешь. Много. Иначе лежать бы тебе по сей день, скорчившись. Так что не волнуйся, машину твою мы вытащим. Хотя и загнал ты ее в ту колею сам, по собственному, так сказать, почину...

Дакка постоянно подтрунивает над обычно молчаливым Ильманом. Но тот только добродушно улыбается.

Кто знает, сколько бы еще продолжалась попытка Дакки просветить Ильмана, если бы Шахруддин не предложил более занятое и полезное дело. Он пристроил свой топорик на подвернувшейся под руку сухой коряге, разложил свой походный стульчик и деловито заключил:

– Давайте ужинать. Разговорами сыт не будешь.

Молча поужинали. На какое-то время замолк Дакка, готовый заговорить снова, как только освободятся челюсти. Что же делать, коль только разговорами в таких ситуациях можно скоротать и хоть как-то скрасить время. Впереди целая ночь и... душевные беседы о жизни, сокровенных мыслях. Если копнуть глубже, мы же мало знаем друг о друге, хотя часто встречаемся.

Я почему-то больше наблюдаю за Шахруддином. Мне всегда импонирует

его неумность, постоянное движение, целеустремленность. Он исколесил множество дорог, начиная с далекой Семипалатинской области. Если бы с них свить веревку, то она в несколько раз, наверное, опоясала бы земной шар. Дороги – это жизнь, познание человеческих душ, характеров, привычек, нравов. Куда бы дороги его ни приводили, он стремился не уронить честь и достоинство своего народа, сохранить чистоту горских нравов. Однако в последнее время произошли изменения в поведении и нравах людей. Именно это больше всего волнует Шахруддина и заставляет искать уединения в тихих и безлюдных местах. Я точно знаю, что после ужина эта тема обязательно всплывет, потому что она волнует не одного Шахруддина. Когда и она (уже в который раз!) будет «пережевана», беседа, наконец-то, перейдет на житейские частности.

Самое мучительное для человека – это затаенная, неотступная, постоянно гложущая боль, которой не со всяким поделишься.

Шахруддин с Умисой вырастили большую семью: четверых сыновей и пять девочек. Сыновья поженились, дочери вышли замуж. Но и теперь дом Шахруддина полон голосами – подрастают внуки. Старшие в них души не чают. Что еще нужно человеку? Сына вырастил, дом построил, дерево посадил...

И все же в природе редко найдешь человека, который не радовался бы приятным воспоминаниям или же не терзался бы горькими разочарованиями. Иной постоянно скорбит и стонет, другой молча, безропотно уносит свою боль в могилу.

Только я один знаю давнюю тайну Шахруддина. Знаю, какие мысли бродят в его голове, когда он сидит неподвижно, уставившись в одну точку, не замечая даже, когда на его крючке бьется долгожданная рыбешка.

...Давно это было. Точно при таких же обстоятельствах, при свете костра далеко от дома, во время вот такой же вынужденной ночевки раскрыл он мне свою тайну.

...Зима, лето, жара, холод – в любое время года, при любой погоде находятся в пути водители большегрузных машин, прозванные «дальнебойщиками». Для них нет никакой разницы: далеко ли ехать, близко ли. Был зимний месяц, когда мы выехали с грузом из Грозного в Тамбов. (Я решил воспользоваться своим отпуском, чтобы повидать «свет»).

Погода – явление непостоянное. Это хорошо знают водители дальних рейсов. Только в пути, чем дальше вторгаешься в северные районы, ощущаешь, что здесь, на юге, практически не бывает настоящей зимы. Выезжаешь ясным солнечным утром, а к вечеру оказываешься во власти свирепой метели. Случается, даже горячее в баках замерзает. Поэтому «дальнебойщики» никогда не расстаются с паяльными лампами, примусами или газовыми мини-плитами. Ну и само собой – с теплой одеждой тоже.

Самое неприятное в пути – это когда гложет двигатель. Его не выключают ни на коротких, ни на долгих стоянках, тем более, вдали от населенных пунктов, где ждать помощи неоткуда. Поэтому «дальнебойщики» тщательно готовят свои машины техническими и прочими необходимыми в пути средствами.

...Метет метель свирепо и жутко. В каких-то пяти шагах впереди ничего не видно: ни дороги, ни придорожных знаков, ни кустика, ни дерева. Ни впереди, ни позади ни одной машины вместо обычного бесперерывного потока. Слишком уверенным должен быть человек, пускающийся в путь в такую погоду, да еще на фуре длиною в двадцать один метр. Шахруддин будто угадал мои мысли.

– Почему бы тебе не перебраться назад и не попробовать уснуть? – предлагает он.

– Не хочу.

Я буквально прилип к стеклу дверцы, пытаюсь разобрать хоть что-нибудь из этого сплошного марева, чтобы не сбиться с пути и не влететь в кювет.

– Может, остановимся, передохнем? Не легче было бы продолжить путь днем? – осторожно намекаю я водителю, стараясь скрыть свое беспокойство.

– Доедем до населенного пункта...

Такой ответ меня, надо признаться, мало успокаивает, потому что я хорошо знаю привычки Шахруддина. Если он и остановит у какого-нибудь населенного

пункта, только для того, чтобы выпить стакан горячего чая. После стакана чая он опять тронется в путь, невзирая на погоду. На этот счет у него свое мнение:

– Ночью транспорта меньше и трасса менее загружена...

Не думаю, что мой напарник имеет в виду ночь, похожую на нынешнюю, когда свет дальних и ближних фар не только не создает видимость, наоборот, почти к самому лобовому стеклу притягивает эту серую сплошную массу. Если подвернется встречная машина – жди беды. Я не нахожу подходящего повода, кроме как заметить:

– Пора бы перекусить...

Давлю, так сказать, на жалость. Вдобавок знаю, что это как раз большое место моего «шефа» – после перенесенной однажды операции он ест совсем чуть-чуть, зато часто.

Даже такой, на мой взгляд, веский довод Шахруддин оставляет без внимания. Я тоже замолкаю, потеряв надежду быть услышанным. В ушах только однотонный гул мотора. В такой тиши слух легко улавливает посторонний шум. И он появился, неожиданно и очень некстати. Донеслось слабое постукивание, которое постепенно усиливалось. Шахруддин широкими глазами впился в меня:

– Что это?

– Ерунда. Сзади шланг ударяется по металлу, – замечаю я, больше для самоуспокоения, хотя нутром чувствую: плохи наши дела.

– Стрелка давления масла падает...

Теперь уже я больше всего рассчитываю попасть к людям и советую:

– Попробуй ехать на малом ходу, внатяжку.

И в этот самый момент явилось наше спасение: впереди по левую сторону недалеко от трассы мелькнул огонек. Чуть дальше – еще один. Судя по широким воротам и высокому забору, это какое-то учреждение. Собственно, для нас тут не было никакой разницы, лишь бы найти спасение на крайний случай. Остановились.

– Мы хоть съехали с проезжей части? – спрашиваю Шахруддина, не отрываясь от стекла правой дверцы.

– Думаю, здесь никому мешать не будем, – резюмирует он. Не раз слышал от него: положи где угодно спичечную коробку и предложи мне провести любую из четырнадцати колес фуры в миллиметрах от нее, увидишь, как мне это удастся. Действительно, мне не раз приходилось быть свидетелем, когда он на этой «колымаге» на всем ходу проскакивал между застрявшими на подъемах в гололед машинами в каких-то миллиметрах от них.

– Ты же мог их зацепить, – удивлялся я, дрожа от страха.

– Не мог, – коротко бросал он. – Я знаю, что делаю.

Повальный снег все вокруг превратил в один цвет. Теперь при выключенном двигателе источником тепла остается походная газовая плита. От пара с кипящей кастрюли и угарного газа стекла покрылись испариной, наглухо закрыв от нас весь остальной мир, и неизвестно, где мы находимся на вторые сутки пути.

А пурга метет. Безостановочно, без передышки, яростно. Свет от той лампочки едва пробивается сквозь мрак. Кругом – ни души. Как ни прислушивайся, не слышно даже отдаленного признака движения. Наверное, все, кто сегодня оказался в пути, точно так же, как и мы, в стороне от большой трассы выжидает наступления дня или перемены погоды.

Только что заваренный горячий чай, несмотря на поздний час и пережитое напряжение, начисто изгоняет сон. Теперь глаза моего визави горят ярче плафона прямо над головой – признак того, что он готов был бы тронуться в путь, если бы не обстоятельства. Зная его привычки (теперь он все равно не заснет), напоминаю ему событие, о котором он когда-то давно начал было рассказывать мне, но не успел поведать до конца. Это была повесть, которую хоть раз в жизни испытал на себе любой человек, – повесть о первой любви.

– Расскажи, Шах (так мы его прозвали в детстве, и это усеченное имя так и

закрепилось за ним на всю жизнь), чем закончилась эта история с Тамиллой.

Он во все глаза уставился на меня:

– А ты откуда знаешь? – на вопрос прозвучал вопрос.

– Помнишь, в ночь землетрясения мы сидели на лавочке у твоего дома? Ты начал рассказывать...

– Возможно, – перебивает он меня, – хотя этим я редко с кем делюсь. Мы-то не чужие друг другу. Вот и потянуло, может быть, на откровение.

Шахруддин отставил свой стакан на наш импровизированный столик и на какой-то момент погрузился в глубокое раздумье.

Проходит минута, другая. Я догадываюсь, о чем он думает и где сейчас витают его мысли. Наконец, печатая каждое слово, Шахруддин начинает грустную повесть из далекой юности.

– Ты жил в Алма-Ате и, наверное, слышал упоминание о станции под названием Аягуз, что в Семипалатинской области. Это было проклятое место. Голодное и холодное. Из мальчиков я был единственный в семье. Три сестры, мать с отцом всячески угождали мне, баловали безмерно. Так с детства я и прослыл баловнем из рода Айдамировых. Правда, в моих действиях и поступках не было ничего предосудительного. Просто мальчишеские забавы – вот и все.

Тем не менее я рано познал тяжелый труд: носил дрова на собственном горбу, таскал воду (сестры были моложе меня), тягал в карманах или за пазухой уголь с железнодорожной станции. Словом, поспевал везде: где нужно и не нужно. Но отношения со взрослыми у меня всегда были «на высоте», меня уважали за то, что в лепешку готов был разбиться, лишь бы выполнить поручение или просьбу старшего. Вот учился я так себе – ни шатко, ни валко. Мои родители до выселения учились в разных школах. Отец – в светской, а мать – в духовной. Хотя, казалось бы, должно было быть наоборот. Они очень хотели, чтобы я учился. Но мне не достало усидчивости, и это привело меня на курсы шоферов, едва я окончил семь классов.

От нашей станции водительские курсы находились в двенадцати километрах.

Двенадцать километров... В то время и в тех условиях это был путь неблизкий. Транспорта было совсем мало, передвигаться приходилось в основном на своих «двоих».

К счастью, мое поступление на курсы совпало с периодом предоставления спецпереселенцам права на свободное передвижение. Но я уже сказал: с транспортом было туго. Лишь изредка на дорогах попадались грузовые машины: если удавалось проехаться на них, считай, тебе здорово повезло. Нынешних автобусов и такси в те времена не было совсем. Но, если бы и были, платить за проезд было бы нечем. Голь, да и только.

Тут мне явно повезло: на соседней станции жил двоюродный брат моей матери. Я поселился у него и мог только раз в неделю приезжать домой.

Шахруддин наклонился, запустил руку под сиденье, достал оттуда какую-то ветошь и стал тщательно протирать лобовое и боковое стекла, но заметив, что это занятие абсолютно бесполезное, бросил тряпку на прежнее место, склонил голову на рулевое колесо и призадумался. Наступила длинная пауза, после которой все так же, не оборачиваясь ко мне, он продолжил прерванный рассказ:

– Это случилось после нескольких дней моей учебы на новом месте, когда я впервые заговорил с чеченской девушкой-незнакомкой. Хотя я слыл в какой-то мере настырным, мне сейчас трудно объяснить, откуда у меня взялась такая смелость. Если, скажем, я во всех других случаях «преуспевал», то в отношении девушек у меня, да и всех моих ровесников, было твердое убеждение: здесь, в изгнании, всех «своих» мы считали братьями и сестрами.

В начале шестидесятых годов прошлого столетия люди, ни на минуту не терявшие надежду на возвращение, все-таки стали понемногу обживать, строить жилье, обзаводиться домашним скарбом. У двоюродного брата матери к тому времени тоже был свой собственный, хотя и недостроенный, дом. Дядя Муса и его жена Тоита с радостью приняли меня в свою семью,

отвели гостевую комнату, а сами остались ютиться в маленькой комнатке с шестилетним сыном.

Мне, признаться, в первое время было очень неловко, но вскоре свыкся со своим «привилегированным» положением – ведь я для них все-таки был гость, – Шахруддин вновь умолк, но через несколько секунд, видя, что я весь превратился в слух, продолжил: – Родственники определили меня в гостевой комнате, которая окнами выходила на улицу. Во дворе стояло лето. Вернувшись с занятий, я открывал окно и с книгой в руке садился на подоконник. Отсюда я мог видеть всю улицу, кто входил и выходил из соседних домов.

Как бы я нынче не распиался, садился я на этот подоконник не ради того, чтобы просто глазеть на улицу. Причина была вот в чем: как раз напротив моего окна, на противоположной стороне улицы находился водопроводный кран. Там вечерами собирались девушки за водой.

...Я уже несколько дней наблюдал за ней. Она выходила за водой позже всех, дождавшись, пока женщины разойдутся, наполняла ведра и исчезала за калиткой дома напротив. Раз, второй... Когда я начинал думать, что сегодня больше не увижу ее, она выходила снова, все так же неторопливо набирала воду и начинала сбивать пыль вокруг своего дома, с улицы. День за днем я все чаще стал ловить себя на мысли, что постоянно думаю о ней. Она незримо и неотступно повсюду следовала за мной. Я стал каким-то рассеянным и растерянным. Даже преподаватели курсов это заметили.

Тамила, действительно, была... не то, чтобы красавица, но стройна, свежа и привлекательна.

Я зачарованно тайком следил за ней, не решаясь заговорить. Меня сковывал какой-то необъяснимый страх, язык мой словно онемел. Позже понял: я просто боялся испугнуть ее, потерять, не увидеть больше.

В один из вечеров она вышла, как обычно, перед самыми сумерками, когда у колонки никого уже не было. Я заметил, что на этот раз у нее одно ведро в левой руке, правой свободной рукой она поправляла платок на голове, повязанный узелком у подбородка. «Ну вот, – подумал я, – наберет ведро и удалится. Так быстро...» И тут я не удержался:

– Девушка, – обратился я к ней, бросив взгляд по сторонам улицы, боясь, что кто-нибудь услышит, – закончишь себе таскать воду – нас не забудь.

Она повернула ко мне ясное, чистое, чуть загорелое лицо и, как мне показалось, нисколько не смутившись, ответила:

– Отчего же? Можно.

С этого все и началось. Каждый день после занятий я торопился на свою квартиру, садился на подоконник, и мы с ней подолгу говорили, перебрасываясь словами и при этом остерегаясь посторонних ушей и глаз.

Наши отношения развивались стремительно и бурно, так что вскоре мы уже не могли пропустить ни одного дня, чтобы не встретиться.

Был понедельник, когда я окончил курсы, получил водительские права и, наполненный чувством большой любви и счастья, предстал перед Тамиллой. В тот день мы договорились: я уезжаю домой, а в субботу возвращаюсь за невестой.

Если бы было возможно заглянуть вперед, увидеть, что тебя там ожидает?.. Не дано. Может быть, это и к лучшему. Иначе, что это была бы за жизнь, без любви, без сладостного трепета и даже без боли, горечи разлуки? Наверное, каждому человеку суждено пройти через это. Я не смог дождаться условленного дня – субботы, возвратился днем раньше, чтобы лишний раз встретиться с Тамиллой, а заодно и обсудить планы на завтрашний день.

Первой этот жестокий удар нанесла мне наша сноха Тоита, которая догадывалась о наших с Тамиллой отношениях.

– Умой руки, – прямо с порога встретила она меня, – твоя избранница вчера вышла замуж. Отец выдал...

Откуда Тоите было знать, какую боль она наносит моему сердцу?.. Я плохо разобрал ее слова. В эту минуту я так возненавидел весь белый свет и свою сноху тоже, что готов был вцепиться ей в горло. Но она невозмутимо продолжала:

– Она теперь – твоя соседка по Аягузу, перебралась к тебе поближе...

Я возвратился в ту же ночь, прошагав все двенадцать километров пешком, не разбирая дороги, не чувствуя усталости. Домой я не зашел, всю ночь исходил свой городок вдоль и поперек в поисках ловзара в честь невесты. Крамольные мысли бродили в моей голове. «Она увидит меня, и мы сбежим!» – твердил я себе, нисколько не задумываясь о последствиях.

Ошиблась сноха наша: Тамилу, как потом выяснилось, выдали замуж за жителя местечка в шести километрах от нас, которое называли «Мясокомбинат». Отец Тамилы сдержал данное когда-то слово.

Спустя две недели сноха Тоита нарочной прислала мне весточку: «Тамила находится в отчем доме, хотела бы встретиться с тобой», – сообщила она.

Я долго колебался: «Нет, не поеду. Все кончено. Прошлому возврата нет!» – твердил мне разум. А вот сердце победить не смог. Я прибыл в дом Мусы и Тоиты, откуда две недели назад бежал и дал слово больше сюда не возвращаться.

– Тамила очень хотела видеть тебя, – прежним текстом напомнила Тоита. – Я сейчас же схожу к ней.

Возвратившись, она сообщила:

– Будет ждать на прежнем месте.

«Прежнее место»... Конечно же, я знал, где это. Большой больничный комплекс, огороженный металлическим забором, где обычно мы встречались, находился в конце соседней улицы.

...Я узнал ее издали. Как всегда, голова ее была покрыта платком, завязанным в узелок, одета в красное с крапинками легкое платье... Если бы она и поменяла одежду, я все равно узнал бы ее среди тысяч.

– Приходи свободной.

– Живи с добром...

Трудный у нас состоялся разговор. Не «разговор», а обрывки бессвязных слов. Мне мешал говорить подступивший к горлу ком, она не могла удержать слез, катившихся из небесных глаз. Не помню, сколько времени длилась эта наша последняя встреча. Я знал ее прежде с гордо поднятой головой. Теперь же она стояла передо мной, потупив взор. Плечи ее слегка дрожали. Она пыталась объяснить мне, что не хочет возвращаться обратно к человеку, которого она в глаза не видела, что он еще где-то отбывает срок, что ничего пока не изменилось.

Я собрал все свои силы:

– Нет, Тамила, – с трудом выдавил я, – не судьба нам... Не подумай, что моя любовь к тебе остыла. Вовсе нет. Я лишь хочу сохранить твою честь, честь твоих родителей. В противном случае людская молва все равно не даст нам спокойной жизни. Для них ты навсегда останешься вдовой, это будет для нас обоим немым укором на всю оставшуюся жизнь, и неизвестно, чем может кончиться. Прости меня, я не хотел причинить тебе боль...

Никогда не забуду ее тяжелую походку по пешеходной дорожке вдоль больничной ограды. Я долго, как завороченный, смотрел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом. Плечи ее беспрерывно вздрагивали.

...Недалеко раздался сухой треск. Откуда-то из чащи вспорхнула напуганная ночная птица и, хлопая большими крыльями, пронеслась над нашими головами. Шахруддин вздремнул. Он лежал лицом к огню, подстелив на траве поношенный пиджак и положив правую руку под голову вместо подушки. На шум он едва заметно приоткрыл глаза и сонно и невнятно произнес единственное слово:

– Прости.

Не может он расстаться с прошлым. Не может забыть и простить себе, что когда-то отверг самого близкого человека, не протянул руки, не поддержал.

Когда огонь начинает догорать, столб дыма вырывается высоко вверх, пока слабый ночной ветерок не начнет раскачивать его из стороны в сторону. При каждом таком порыве передо мной встает далекий образ Тамилы, навсегда исчезнувшей за углом той высокой железной ограды с тоской и болью.

Малика Газиханова

Родилась в селе Романовка Целиноградской области Казахской ССР. В 1980 году окончила филологический факультет МГУ по специальности «русский язык, литература и психология». Пишет стихи, рассказы, а также статьи по этнологии. Публикуется с 1994 года (рассказы в газете «Курская правда»), в журнале «Вайнах» – с 2003 года.

Какие мне найти слова

Какие мне найти слова,
 Чтоб, друг мой, радовать тебя?
 Какие звуки, ароматы,
 Какие краски оживить,
 Чтоб этот миг земной отрады
 С тобой в согласии прожить?
 Тебе я в кубке поднесу
 настоящее ожиданье
 И долгожданное свиданье...
 Наполню нежностью его.
 Мечтами счастье расстелю...
 На долголетия тропу ты ступишь
 От любви моей. А вслед
 Я ангела пришлю в молитвах:
 И да хранит Аллах тебя!
 И ангела крыло укроет...

Мечту свою я призову.
 Сложу об этом листья песен,
 Да четки мыслей соберу...

Бабочка влетела, закружилась,
 И радость поселила рядом...
 Но не взяла тоски моей о нем...
 Лишь пестро краски лета
 расстелила...
 А может, это весть о том,
 Что так же и Он тоскует?
 А значит, вместе мы
 Дождемся счастья...
 Вот бы... Я не устану ждать...

Так Создатель устроил:
 Растаял мой лед.
 Благодатной весной я пришла
 В твои дали...
 Ты – отметина в сердце
 Наивном моем.
 Ты – мое сновиденье.
 И радужны дали...
 Я с тобой заключу
 Перемирие во всем
 И с молитвою путь
 расстелю за тобою.
 Ты – гора.
 Я – Равнина – Продолжение твое,
 И угодно мне все
 Под прохладой твоею.

Долго-долго ожидала:
 А разорвется ль этот круг,
 Что одиночества недуг мы называем
 Меж собою...
 Родной мой, я не знала боли,
 Что поселится под сердцем,
 Пока не встретила тебя.
 И жжет, и теплится она,
 То разума лишив, то сна.
 То делает меня безбрежной,
 То крохой делает меня.
 Возможно ли познать себя?
 Возможно ль в этом оглянуться?
 О, как об чувства не разбиться
 И как не потерять себя?!

Башир Тимурзиев
Республика Ингушетия

Родился в 1936 г. в селе Мочки-Юрт (ныне с. Чермен Пригородного района РСО-А). Окончил Ленинградский политехнический институт. Длительное время работал на назрановском заводе «Электроинструмент». Прозаик, публицист. Автор пяти книг рассказов и повестей.

Загубленный талант

Рассказ

Во время моего детства, а это было давным-давно, жил в нашем селе Базоркино некий кузнец по имени Гоаси; у него была удивительно легкая рука, так что он мог проделывать самые невероятные глазные операции, причем столь искусно, что слава о нем долетала до самых отдаленных горных селений. Сколько охотников и камнетесов он сделал вновь зрячими, сколько людей было ему благодарно! Ему обычно хорошо удавалось снятие зеленого бельма с глаз. Перед этим самым Гоаси пасовал даже сам Зусман, глазник – тогдашняя владикавказская знаменитость.

Сидя как-то с пятигорскими коллегами в ресторане «Зори Кавказа» в городе Нальчик этот самый Зусман упомянул о знаменитом базоркинском кузнеце. Пятигорские глазники – Шабат, Телерман и Петровский – в своем деле, как говорится, собаку съели.

– Это вздор! Что невозможно, то невозможно. Как может сельский кузнец, который целый день орудует кувалдой, делать такие тонкие глазные операции, за которые и мы редко беремся?! Нет, это вздор! Абсолютная чушь, бред!

Зусман усмехался и пожимал плечами.

– Однако, коллеги, все же это так. Лично сам, правда, не видел, но зато те, кому я вынужден был отказать в помощи, считая их безнадежно ослепшими в результате этого заболевания, смогли увидеть меня после того, как он их прооперировал. И мне, представьте, было очень стыдно за свой отказ этим людям.

Мне, автору этих строк, очень жаль, что я не знаю латинского названия этой болезни, ведь когда пишешь о врачебных делах, необходимо вернуть и нечто такое, чтобы простому смертному было не совсем понятно, – поэтому не смогу передать и их спор, скажу лишь, что под конец пятигорцы предложили Зусману, владикавказскому профессору:

– Давай сделаем так, colega. Пригласите-ка вы как-нибудь этого кузнеца к себе в клинику, мы тоже приедем к вам во Владикавказ, да и посмотрим, как он оперирует. Поглядим на этого эскулапа. Ха-ха.

Зусман согласился, дал слово и, дождавшись пациента с соответствующим заболеванием – это был знаменитый охотник Хунсаг из Таргима, положил его в клинику и тотчас же дал телеграмму коллегам. Одновременно он оповестил и кузнеца Гоаси из села Базоркино, прося его приехать послезавтра делать операцию – снимать зеленое бельмо с глаз.

В свое время этот случай наделал много шума в городе, старцы и поныне хорошо об этом помнят. Кузнец Гоаси оставил вместо себя своего подмастерья подковывать лошадей, надел новую гимнастерку и галифе, обул яловые сапоги, заточил на тонком бруске свои инструменты.

Нацепив к наборному поясу небольшой кинжал, перекинул через плечо

переметную сумку, Гоаси в полночь отправился в город на своих двоих. Об окулисте Зусмане он много слышал.

Очень надеялся у него кое-чему научиться.

Разглядывая ночные горы и ежесекундно поминая Аллаха, наш кузнец к утру честь честью прибыл на улицу, где находилась клиника профессора Зусмана.

Узнав у сторожа, что профессор уже на месте, кузнец тут же почтительно вошел к нему.

– Ассалам алейкум. Я кузнец Гоаси из Базоркино. Мне нужен доктор, который делает людей зрячими.

– Я доктор Зусман. А вы, значит, кузнец Гоаси. Спасибо, что приехали. Кстати, на чем вы приехали? Ведь сейчас еще очень рано. Где оставили свой транспорт?

Перед профессором стоял приземистый крепыш с юркими и ясными глазами.

– А я пешком, – простодушно ответил Гоаси.

– Как пешком? Ночью пешком?

– Ну да.

– А как же вы возьметесь теперь оперировать глаза? – спросил разочарованно ученый доктор.

– Да что там, подумаешь! Сниму бельмо, из-за которого меня вызвали. Мне еще нужно на базар – купить гвозди для подков, а сыновьям сладких петушков.

– Скажите, уважаемый, вы считаете, что ваши руки будут достаточно спокойны во время операции?

Кузнец Гоаси недоуменно смотрел на профессора:

– Они же не твои, чтобы беспокоиться, – ответил кузнец.

– Ну вы же говорите, что пришли пешком с Базоркино, значит не спали и устали с дороги.

Гоаси улыбнулся – что за дела!

– Не на руках же я шел. На руках я ходил, когда мне было лет десять-одиннадцать.

– Я предупреждаю вас, уважаемый, что на вашей операции хотят присутствовать пятигорские ученые доктора, и мне было бы очень неловко, если вы здесь у меня оскандалитесь.

Гоаси подбодрил профессора – пустяки, мол. Он многократно проделывал эти операции. Более-менее успокоившись, Зусман послал гонца в гостиницу, где остановились пятигорские доктора. В операционной уже дождался бывший знаменитый охотник из Таргима с ослепшими глазами. Это был крупный человек, словно сказочный Калой. Гоаси еле доходил этому охотнику до подмышек. Чтобы заглянуть ему в глаза, он посадил его на низкий стул и внимательно осмотрел его левый глаз. Поворачивая голову пациента в разные стороны, Гоаси достаточно долго разглядывал роговицу, где перламутровым блеском разлилось зеленое бельмо с расходящимися в виде колесных спиц трещинами. Правый глаз был не лучше левого. Пятигорские глазники тоже внимательно осмотрели бельмо сквозь свои очки.

– Это очень сложная операция, – сказал профессор Шабат.

– Вы правы, коллега, – подтвердил его слова профессор Телерман.

– Я с вами солидарен, – изрек профессор Петровский.

Кузнец Гоаси преспокойно положил свою сумку на стол и один за другим стал вынимать из него разные свертки. Развернув несколько свертков, он выбрал один нож и ловко поправил его лезвие на небольшом кончике своего поясного ремня.

– Да вы что! Бог с вами! – побледнев, воскликнул Зусман. – Не этой ли железякой вы собираетесь делать эту сложную операцию? Дикость! Что вы!

– Да, именно этой, – кузнец был невозмутим.

Зусман среди разложенных на столе настоящих медицинских ножей быстро отыскал замысловатый инструмент и протянул кузнецу.

– Нет, нет. Это не годится, – сказал тот презрительно, он решительно подошел к охотнику и что-то сказал ему на ингушском языке. Окружающие его доктора ничего не поняли, но услышали слово «Гоаси». Охотник послушно лег на спину, закрыл правый глаз правой рукой и тихо повторял:

– Гоаси, Гоаси. Хвала Аллаху! Хвала Аллаху!

Кузнец несколько раз провел свой нож над пламенем спиртовки, тихо произнося суры из Корана. Несколько минут Гоаси стоял, давая ножу остыть, но чтение сур не прекращал. Доктора даже ахнуть не успели, как сверкнуло лезвие, и вот оно с игривой легкостью, будто очищая плод от кожуры, скользнуло по главному яблоку; одно мгновение – и бельмо было снято.

– Невероятно! – воскликнул пораженный профессор Шабат.

– Что за чертовщина! – ахнули профессора Телерман и Петровский.

Гоаси спокойно вытер свой нож чистой салфеткой и аккуратно завернул в белую тряпочку. Он был невозмутим.

Снова что-то сказав охотнику на ингушском языке, Гоаси показал ему три пальца. Охотник четко сказал:

– Тари.

Гоаси показал четыре пальца. Охотник снова четко сказал:

– Чатыре.

Зусман торжествовал. Он оказался прав. И, подражая Гоаси, он показал охотнику все пальцы на обеих руках.

Охотник тут же сказал:

– Десят.

– Фантастика! Сверхъестественно! – продолжали восклицать профессора из Пятигорска.

– Так вот, одно окошко мы открыли, второе откроем через несколько минут, – спокойно изрек кузнец.

Беспреданно повторяя суры из Корана, Гоаси какой-то жидкостью намочил салфетку, наложил ее на глаз, с которого было снято бельмо, и ловко забинтовал марлевым бинтом.

– Три дня не снимать, – сказал кузнец Зусману.

– Это что за жидкость? – указал профессор на бутылочку с жидкостью.

– Святая вода из Мекки, – ответил Гоаси. – Лекарство на все века.

Тут в разговор вступил профессор Шабат.

– Скажите, уважаемый, вы русским языком владеете?

– Достаточно, – с достоинством ответил кузнец. – Я семь лет жил и работал в Ростове-на-Дону. Там научился и кузнечному делу. А что? Вас что-то не устраивает?

– Вы все-таки ужасный, отчаянный человек! Да знаете ли вы, пещерный человек, что представляет собой человеческий глаз?! Вы хоть сознаете, какую ответственность несете перед Богом и людьми? Да вы гладиатор! Вы хоть отдаленно представляете, что такое глазное яблочко, сосудистая оболочка? Оболочка зрительного нерва? Что такое слезный мешок? Знаете ли, какой из нервов откуда и куда идет? Что такое афания? Что такое глаукома? Мне кажется, что вы об этом понятия не имеете. Дикость, дикость!

– Мне это и ни к чему. Я лечу только тех, от которых отказались врачи, и потому они вынуждены прозябать во тьме. Вот я и здесь. А эти ваши мудреные

штучки я не знаю, но те, которых я лечил, видят. И они бесконечно благодарны мне. И их достаточно много.

– Минутку, минутку, – замахал руками профессор Шабат. – Стоит вам чикнуть на сотую долю волоска правее или левее, и вы погубите и другой глаз! Навсегда, навечно.

Гоаси внимательно слушал профессора. Улыбался.

– А что касается бельма, только что снятого вами, – продолжал глазник, – то это удастся, согласно статистике, один раз на две тысячи случаев.

– Да что вы говорите?! – задумчиво перебил его Гоаси.

– Вы знаете, уважаемый, что если сморщится хрусталик, то во время операции легко могут порваться волокна цинновой связки, и в рану вольется стекловидное тело, или же разрушится его сумка, и тогда легко может получиться полный вывих хрусталика, более того, он может погрузиться в стекловидное тело.

Профессор Шабат еще долго описывал кузнецу волшебную страну глаза, как будто перед ним был глобус с нанесенными руслами рек и озер. Гоаси смотрел на профессора не отрываясь, до рези в глазах, и слушал.

Холодный пот выступил у него на лбу. Он торопливо собирал свои вещи и укладывал в сумку. Окончательно пав духом, он пробормотал:

– Все, Гоаси, с этого дня ты заканчиваешь свои операции, этим делом должны заниматься доктора-профессора, а ты кузнец и куй свое железо. Это твое дело. В этом деле ты мастер.

У Гоаси было такое ощущение, будто он свалился с высокого минарета или чего-то в этом роде и будто это уже вовсе и не он, а только дух прежнего Гоаси.

Все доктора-профессора отошли в сторону и тихо о чем-то спорили. Когда же, закончив шушукаться, профессор Зусман попросил Гоаси прооперировать, наконец, и второй глаз охотника, то кузнец заупрямился, стал отнекиваться и только после горячих уговоров взялся снова за нож, но, Боже ты мой, что это с ним стряслось? Дрожащей рукой с ножом он наклонился над больным охотником, но тут голова его закружилась, и он, побледнев, бессильно опустил руку.

– Вот что, доктора, – сказал он, – я плохо вижу, у меня уже беснуются руки. Нет, не могу. Не посмею я больше притронуться к человеческому глазу. Это, оказывается, очень сложный прибор. Из многих частей состоит.

– Тогда в горах много людей будет слепой, – грустным голосом сказал охотник, которому кузнец успел прооперировать один глаз и который продолжал лежать на операционном столе.

После того, как кузнец узнал, каким сложным механизмом является глаз и какими опасностями чревата малейшая неточность его руки, незаметное отклонение его ножа, он больше не брался врачевать даже «ячмень», не то что делать операции на глазах. Своими учеными разговорами эти доктора-профессора загубили доморощенный талант кузнеца Гоаси, моего односельчанина. Очень доброго человека.

А охотник Хунсаг из Таргима так и остался слепым на всю жизнь на один глаз.

Джамиля Мамаева
Республика Дагестан

22 года. Стихи пишет с 11-ти лет. В 2005 году заняла 1-е место в областном конкурсе «Слово юного поэта Дона» в номинации «Я люблю красивый наш язык». В настоящее время – студентка 5-го курса филологического факультета ДГУ.

Не о том

Это я пишу о тебе,
А может быть, и нет...
Снова кружит метель,
И где-то падает снег.
Я прочитать тебя прошу
Всего лишь пару строк.
Кто-то бродит по мосту,
А я тут слушаю рок
И пишу совсем о другом...
Разве не всерьез?
Просто нет тебя давно,
А я верю, что все-таки поймешь.
Лучше «сегодня», чем это «завтра»,
Тебе не все равно, чем живут принципы
касты?
И неужто это не в твоей власти?
Взять меня на руки...
Вот тебе, здрасти!
Брось, я давно не верю в эти сказки.
Скажешь, люблю?
Я, кажется, знаю...
Несколько секунд в бреду,
И снова все вспоминаю...
Что еще для счастья надо?
Нет, еще оставьте место для моего
репертуара...

**Зарисовки
детских воспоминаний**

Я иду по улице, и пусть невесела...
Солнце свои лучики
бросает мне в глаза...
Игриво улыбаюсь я и ускоряю шаг,
Кидаю на прохожих
свой непонятный взгляд...
А разве им не нравится,
что я хочу мечтать?
Взгляните, как меняется
погода в небесах!!!
Нам солнце улыбается,
и мы должны в ответ!!!

Оранжевое счастье
я помешу в конверт!
Я нарисую чудо и добрые глаза!
Родительскую ласку
и море без конца...
Те письма, что искала
я в ящике порой...
И часто огорчалась,
возвратясь домой...
Тот свет в погашенной комнате
из детства моего...
Теперь лишь понимаю:
нет со мной его...

Закричи вместе со мной.
Мы станем чуть больными.
Унесем эти ветры с собой,
Что до сих пор казались пустыми.
Помнишь небо мое голубое?
Этот путь, что нас долго качал.
И что-то непонятное, немое,
Что мой взгляд совсем не понимал...
Не смотри на меня столь жестоко,
Я ребенок еще, поверь.
Мне бы верить в прощение Бога,
Чтоб не знать о цене потерь.

В темное

Куда иду я ночами темными,
Измеряя надеждой шаги.
Не дарили букеты мне с розами,
Видно, знали, что не нужны.
И луна затаилась в сумраке
Моих самых заветных надежд...

Кто-то дернул плечом, задумавшись
 И даже не глядя мне вслед...
 Что в глазах моих черных
 видишь ты? –
 Очертанья наивных высот...
 Ты не сможешь
 оставить в них истины,
 Там осколки от высохших слез...
 Ухожу я куда-то в темное...
 И уносит меня тишина...
 Не проси – я забыла, не помню я...
 Эта ночь необычно темна...

Дружба

Что означает для меня дружить?
 Осмыслить это слово очень сложно.
 И научиться дружбой дорожить,
 Скорей всего, непросто, но возможно.
 Когда подставлено знакомое плечо
 В ненастный час у твоего порога,
 В глаза посмотришь другу горячо,
 Поймешь: друзей
 не так уж в жизни много.
 Когда в душе ликующе весна
 Прольет капелью счастье и веселье,
 И в радости я буду не одна –
 В ответ знакомое услышу пенье.
 Умейте, люди, дружбой дорожить,
 Цените тех, кто к вам в жару и стужу
 Прийти готов и голову сложить,
 И жизнь отдать, конечно, если нужно.

Тишина...

Ищу твои руки в пустой тишине...
 Вновь эхо разлуки ловлю в темноте.
 Я знаю: ты рядом, ты в каждом окне.
 Я чувствую взглядом –
 ты нужен душе...
 Я знаю: ты видишь, лишь делаешь вид,
 Что будто нет линий сплетения лиц...
 Все будет жить в сказке и каждое слово.
 Не нужно усилий – и так будет больно!
 Запутай остатки – осталось немного...
 Хотелось жить в сказке, под крыльями Бога...
 Ты веришь в молчание? Это ведь просто...
 Как призрак венчания, ходит вновь в гости.
 А мне тяжело, и завязаны руки...
 Отдай мне тот ластик, что стирает все муки.
 Роняешь вновь слезы – они молчаливы
 И не способны придать тебе силы.
 Ты верить умеешь? Зачем научили...
 Теперь только ветер сквозь скорость машины...
 Куда на ночь глядя уйду растворяться.
 И будто я верю в пустые проклятья...
 Кто разбил мое небо? Ответ просто дай...
 Кто-то должен быть первым – иначе все в рай...

Элита Дадакаева**Тетя Малика**

Рассказ

Мне рассказали эту историю как-то вечером, когда я была в гостях в селе. К моим родственникам приехали их знакомые, и по этому поводу приготовили вкусные жижиг-галнаш и, как всегда в таких случаях, после вкусного плотного ужина никому спать не хотелось. Все стали рассказывать свои истории, и речь зашла о выселении, репрессиях... И вот мужчина преклонных лет, опустив седую голову, начал свой рассказ:

– Да, трудное это было время, полное испытаний и унижений. Мы старались выстоять, как могли. Помню то морозное утро в горах, на улице еще не рассвело. Мы, совсем еще маленькие дети, проснулись от криков людей и лая собак. Солдаты что-то кричали на непонятном нам тогда языке. Потом мама заплакала, а отец побелел как снег. Через несколько минут нас, одетых в самые теплые вещи, которые у нас были, усадили в арбу, и мама дала каждому из шестерых в руки по кусочку лепешки. Родители уложили скарб в уголок арбы, и отец хотел привязать корову, нашу кормилицу, к телеге, но ему этого не разрешили. Так как на улице было еще достаточно темно, отовсюду виднелись огоньки факелов. Было что-то ненастоящее в том, что происходило. Таких, как мы, набралось несколько десятков арб. Люди стояли как замороженные. Лица многих выдавал ужас, который их сковал. Что можно требовать от неграмотных крестьян, некоторые из которых и за всю свою жизнь не выезжали за пределы своего села?! Стоял рев скотины, лай собак, плач, крики... Холод был на улице и в душе. Мы, дети, не понимали всего кошмара происходящего, нам было любопытно и страшно одновременно. Мы пристально рассматривали солдат, их одежду, ружья. Один из низ пригрозил мне кулаком, когда я состроил ему гримасу, другой его одернул:

– Дитя ведь...

Нас вывезли за село, потом все дальше и дальше. Я всегда мечтал уехать далеко-далеко... но сегодняшняя поездка меня не радовала. Многие женщины плакали, мужчины были печальны и суровы... Мы спускались с гор. Я глянул вниз и увидел множество огней. Теперь я все понял. Я умер! А это был ад! Мне мой друг рассказывал, что в аду люди горят, там множество огней в яме, а люди плачут, боятся и просят Всевышнего о помощи, но Он им не поможет, так как они заслужили это... Одного я не мог понять, чем же я заслужил такое? Я ведь еще маленький и ничего плохого, в принципе, никому не сделал. Сделал! Я вспомнил, что как-то украд яблоки у бабушки Айшат и отец сказал, что плохо воровать, а плохие люди попадают а ад. Я осмотрелся и увидел рядом отца и других односельчан. Значит, мы все плохие. А солдаты – это черти, которые нас будут сжигать в огне и варить в огромных котлах с кипящим маслом.

– Дада, это ад? Мы умерли? – спросил я отца, дернув его за рукав. Он странно посмотрел на меня, потом чуть-чуть улыбнулся уголками губ.

– Нет, – ответил он, – не переживай, мы в руках Всевышнего.

Потом нас загрузили в вагоны. Плотно, по несколько семей в вагоне. Мне казалось, что едем мы так всю жизнь, и нет конца этой дороге. А может, мы кружим по кругу и никогда никуда не приедем, а так и будем до конца своих дней ездить?! Быстрее всего заканчивалась вода, ее всегда не хватало, тогда мы

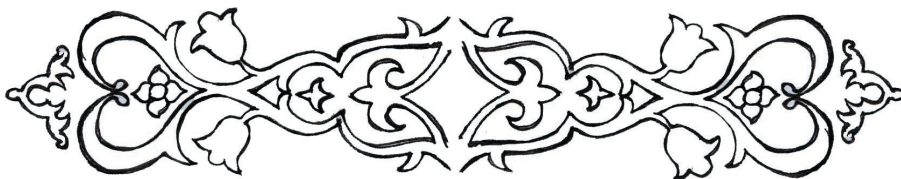
на станциях вытягивали тощие руки и просили у прохожих воды.

– Хи, хи ло... – просили мы, но нас никто не понимал, они не знали нашего языка и чего мы от них хотим, некоторые сочувственно разводили руками, а другим вообще было не до нас. Взрослые поближе перезнакомились и помогали друг другу, чем только могли: едой, одеждой, морально. Дети играли в одном углу, который для них освободили. У всех завелись вши. На станциях, когда разрешали выходить, люди передавали друг другу новости. Поговаривали, что специально запустили тифозных и туберкулезных вшей, чтобы люди поскорее умерли. В нашем вагоне тоже несколько человек заболело и двое из них умерло. Мама запретила нам играть с больными детьми. Лекарств никаких не было, и люди умирали на глазах у всех. Мертвых и тяжелобольных солдаты забирали и больше их никто не видел. Говорили, что их просто выбрасывают в снег, который огромными сугробами лежал на протяжении всей дороги в неизвестность. Не иметь могилы было очень страшно. Это не укладывалось в умах людей. Умер и десятилетний сын тети Малики Мовсар. Она будто потеряла рассудок от горя, не хотела верить в смерть сына и не выпускала его бледные тощие пальцы из своих изможденных рук. За остальными ее детьми присматривали соседи и мои родители.

– Скоро будет остановка, – сказал кто-то из мужчин, – поезд притормаживает.

И тут случилось страшное. Тетя Малика, осмотревшись по сторонам, схватила свой чемодан, выпотрошила оттуда свои вещи. – Не отдам этим собакам, не отдам! – она отвернулась. Все услышали хруст костей. Она сложила своего малыша пополам и аккуратно, словно боясь сделать ему больно, уложив в чемодан, отодвинула к холодной стене вагона. Первый раз я видел, как плакали мужчины. Никто ее не выдал. Сказали, что мальчик потерялся, когда выбежал на станции из вагона. Никто из солдат не обеспокоился судьбой пропавшего, никому это было неинтересно.

– Много чего я видел после этого, но когда я вижу эту уже старую женщину, я всегда вспоминаю тот случай. Она похоронила своего сына в Казахстане, – мужчина, отвернувшись, смахнул рукой набежавшую слезу.

Давлетукаев Анзор

Оцу дийнахь

Дийцар

2002-чу шарахь санна, шийла аьхкенан юьхь дага ца йоглура суна бевзачарна цхьанна а. Хлора денна обьчучу догланаша шийла латтайора арахь. Июньь беттан чаккхенехь свитер, пиджак йоьхна лелаш адамаш оцу шарахь дуьххьара гуш дара, тилманчаша дуьне дохлуш ду бахахь а. Бакьду, цхьа дика доцуш, вон ца хуьлу, олуш ду. Тлаьхьарчу шерашкахь Нохчийчохь нефто инзаре бехдина латта, ша говзачу лобро санна, цлан-м дира йочанаша. Шайна Дала белла бос ийцира дийнаташа. Июль-баттахь кхачо йоллуш хийцабелира хенан хлоттам: це санна, бовхачу малхо вала а, вола а меттиг кьиййинера.

Оцу дийнахь иштта йовха яра. Хлуьа дина а, кабинет чохь кор диллина, чехк мох кхетийта глерташ со воллуш, байн пелг тоьхна, чу ян мегар дуй олуш, чохьаелира радион арахецаран декьан куьйгалхо Мадаева Марха.

– Схьяяло,– хиьна лачу глантахь дла-схьа таьлира со.

– Хьяжахь,– лаьтта бляра а хьобжуш, йистхилира иза,– ас вайн белхалошка шен хеннахь аннотаци схьало, аьллера, хлунда аьлча, и ца хилча, сан программа хлоттайойла дац. Массарна а хезаш, ас шегга болх бе, аьлча, вайн керла еанчу Кисас соьга ца олуш хлума ца дити-кх.

– Ахь, хьайн болх бе алар бен, кхин хлумма а аьллерий цуьнга?

– Ас кхин хлун бохур дара цуьнга!

Редакцехь хилларг гларадаьлча, Мархас мохь хьекха ца оьшу олург а велира. Амма дукхахболчара Киса бехке йира. Собар гуттар а хьекьале лерина дела, хьал ас кега ца деш, дижийтира, шен накьосташна юккьехь, дийр дуй-даций, бохуш, билгаиййла ца оьшура иза. ладгийча дика дара. Даьржина хи, жимма сатоьхча, хьяа, букьарша бухахь шайн меттиг длаоцу, аьлла, йист якккхина со лаш, не л тохар доцуш, кьяьрзина ши бляьрг болуш, чохьаелира белхало Даимат. Цуьнан сихчу саделарехь хаалора, иза хлумма а клезга оьглазьяхана цахилар: «Завгаро суна машен хлунда ца ло? Ма клордийна суна цуьнан хлумнаш!» Хлетяхь цуьнан бляьргаш, бляьргара хлума яккха санна, суна тлебоьглна бара.

– Оьй, машен ца ло бохург хлун ду? И мила ву, и ца яла? Машен ца хилча, вайн болх сецна буй, ца хаьа цунна?

Хлоразза хлобьттина хьал собарца дижийтича, болх длаглур бацара. Оьглазвахана юьхь а йина, со завгар волчу хьяьдира. Бухахь завгарца телевиденин белхало Зулпаь яра, шен сийна ши бляьрг хьяжа юккьерачу шадана тле а керчош, луьйш. Даима тхан шоферо, шашь схьадоглучу новкьахь и лаьтташ хиларна, схьяялош яра иза. Бакьду, гуттара шегга хьобжуйтуш ледал дара Зулпаан. Тахана шофер, цуьнга хьежа клорда а дина, и йитина веана хиллера, шен белхан кхин болу накьостий тле а ховшош. Цо и, хазанеха санна, ца лайнера. Зулпаа хьяжо пелг лестабора, кара тлоьрмиг бара карахь хуйцуш сих-сиха. Цундела, аьрру аглор пелг ластош, цхьа таза сеттара цуьнан гезо куьг. Хлетяхь мьоттур дара, тхо цкьа а девзаш а ца хилла, оха хлора денна цхьяьна чай мийлина йолу уьйр-марзо, тлекаре ца йийцича а. Тхо вовшийн девза итт шо ду, эр дацара и сург гинчо. «Вай дезачарна ма гойла хьо!» – боху хьал дара хлобьттинар.

– Шопар новкьахь мел верг дласалело декхар вац! – меран буьххьерчу куьзганаш тлехула кегий бляьргаш а кьярзийна, мохь хьяькхира завгаро. – Новкьахь маршрутни автобусаш, газелаш ю шуна, деза а ца деш, тлеховший, схьадуьйла, хлорш-м белхан машенаш яй! Хлара дара аш лелоза дисинарг! Цхьа

а вуьгур вац хлинцачул тлаьхьа, цхьа а, новкъахь лаятташ верг а. Кхетий хьо?

– Машенаш пачхьалкхан ю. Хьайна луьбург хьайн цаьхь лелор ду ахь! – ца къарлора Зулпаь.

И шиь, мохь хьекхар бен, вовшашка ладуглуш дацара. Белхан накьостий хлумма доцчу хлуманна хьобкхучу маьхьарша холчу хлитгийнера. Цу шиннан маьхьарий къар деш, стоьла тле буй а тоьхна: «Хлун ю аш лелориг? Аш хлара кеп хлиттор ю бохург бакъ дац шуна! Лелаяхь, со боьрша а вац-кх, шуна!» – аьлла, мохь тоьхна, со неларехьа хьаьдира, дукха обьлазвахана гиначунна.

Ас нел йобллушехь, тлехьа: «Деллахь, вац-кх...» – дешнаш хезира. Сихха юахьаьдда, завгарана чуглоьртира со. Шофераша со сацийра, эххара а, дешан толам а баькхина, со аравелира. Суна хаьара, болу бехк тхан хьаькиман буйла. Цо балха тлехь, шен глоьнчин санна, я сан дарже хьаьжна, дош лелиятахьара, цхьа а белхало хлуттур вацара сан дош кагдан, дуьхьала лен-м муххале а. Ша воцчуьнгахь урх цайитар– уггаре доккха кхачамбацар дара цуьнан. Оцу хьоло тлаьхьара а воха а вира иза балхара.

Обьлазе хьалахьаьдда воьду со, лами тлехула шолглачу глат тле волуш, радион дикторна тлаьхьакхира. Хьуьхьвоьлла, хьаьдда воьлу со вайча, юьстах а таьлна, ела а къежна, беснеш тлехь ши клэг а хлоттийна: «Де дика хуьлда хьан», – элира цо.

– Далла езийла, – дуьхьал къежира со, ца къежийла а дацара.

Ма-ваггара, сайн кабинет чу а ваьлла, кресли чу вуьйжира. Бухахь лачу коьртачу редактора Мухлажарс: «Хьо хлинца мохь хьобкхуш хезаш ма вара, хлинца, гленах эппаз карийча санна, велакъежна ма ву хьо?» – элира.

– Дахар ду, сан йиша, дахар, – жоп делла, со кресло чохь, аркъал а сетташ, парглатвелира. Хлетяхь сан хьажар Мухлажарна тлехь сецира. Иза, жимчу тлоьрмиг чуьра жима куьзга схьа а даьккхина, цу чу хьобжуш, юьхь тле цхьаь-м хьобкхуш яра. Эххара, куьзга юхнехьа тлоьрмиг чу а диллина, шен сийна бляьргаш, шалго топ санна, суна тле а доьлна: «Лалелай, ма боьха хлумнаш ю хлара нах! Юй?» – элира цо. Мухлажар, шина куьйга плелгаш чучча а доькхина, наггахь цаьрга къарш дойтуш, хьаж хабош, бляьргаш къарзош, къамел деш яра. Цунна, хетарехь, ца хаалора, ма-дарра аьлча, бала а бацара луьйренца сан дохийначу деган. Цуьнан хабар хаддане ца хьадча, суна дагадеара ши бутт хьалха, евзаш дика хан хиларна, ас, хьаькиме дехар а дина, ша коьрта редактор хлоттайитина бутт баьллачул тлаьхьа: «Со хьан куьйга клел яц, ахь суна омранаш ма де», – схьаьедира цо. Хлаь, хьесап дира ас хлетяхь, селхана суна баркаллаш баьхна, совглаташ дина йолу, хлинца юьхь йоцуш къамел деш ю. Тлаьхьа дагадеара, пусур доцу дика ма де, аьлла, вайн дайша. Хлун дийр ду? Хилларг хилла даьллера. Хьаькиме даьлча, хлара хьан куьйгалхо ву, цо бохург дан хьо декхарийлахь ю, ала дезачу меттана, тарлойша ший а, элира цо. И яра цуьнан амал, бакъдерг ца толош: «Тарлойша!» Оцо гойтура, тхойшиннан барт ца хилча, хьала-охьа, тхоч цхьаь мотт бетта безаш вара, иштта масла лат дора цо. И саннарг тлаьхьара а кхетара, амма хилларг хилла даьллачул тлаьхьа эрна хуьлура, кхетча а. И дерриге карладаьлла со лаш, цхьа ларамаза: «Хлей!» – элира ас.

– Хлун дагадеана хьуна? – къежира Мухлажар.

– А-а, клур бу, клур, – дладерзийра ас, меттан буххьехь дерг ца олуш. Мухлажар, ас цхьаь олу бохуш, ладоблна йолуш, со программа зен хлоьртира. Бакъду, программа йобшийла-м ца хилира сан. Эццахь чохьаиккхира тхан коьрта бухгалтер: «Сан машин ма хьехаелахь, кхетий хьо?» – мера клел веана, лен хлоьртира. Кхечу глоьнчина, коьрта бухгалтерна (цайоглушехь), машин елла хилча, ас сайна лахьара машин аьлла, дехнера, цхьанне цле а ца йоккхуш. Делахь, девза дош аьлча кхетта и ца лайна, веьнера иза со волче. Эххара, со шеца эвхьаза ца волий хьича, юсаелла, ши мера луьрг лекхна, чувоглуш санна, сихха араиккхира иза.

И ара валлалц ладоблуш лийначу Мухлажара: «Хьенех, тергал а ма де ахь и хлумнаш, – элира, – къонахаша и тайпа къамелаш деш ца хуьлу, хьайн болх бе, шадерриг дланислур ду, хьуна. Дерриге хьайна тле ма леца, холчу ма хлитта! Харцлуьйчийн глуклаш гена ца доьлху, хьуна», – элира.

– Ма бакълоь хьо, – корга талош, Мухлажарна дуьхьал къежира со. ХIетахь «Хьенех, Хьенех», сайн цIе йохуш, мохь бетташ хезира суна. Корехула охьахьабжча, оргдекъан куьйгалхочо Салмана куьйгаэшара охьакхайкхира соьга, цуьнца лаьтташ завгар а вара. Со тIе ма-кхеччи: «Валол, кафе доьлху вай», – элира цо. Стоьла гонаха дIа ма хIитти, Салман: «Шайш цIога дайина девлলেখь, куьйге гIол цкъа», – олуш, хьалаглаьттира. Завгар а, со а маракхийтира.

«Собардел, охьа ма ховшал. Оцу тIера ирахь мала деза», – тIевирзира Салман. Цо бохург дина, куьйге вахана волчу тхойшинна, и цуьнан дехар кхочуш дар, хIумма а доцу хIума дара. Цул тIаьхьа, цкъа а хьагI-мода тхайна юккъе ца еача санна, вовшийн доцуш йиш йоцу доттагIий хилла, юх-юха мар-мара лелхаш, вуно мерза дIасакъаьстира тхо.

– Собардел цкъа, – элира юха а Салмана, тхо гена довлале, – дуьне горга ду, бах, хьйзаш а ду, бах, – массо а велавелира аьллагх.

Тхо балха тIе кхаьчначу хенахь де суьйренга лестинера. ЯлхолгIачу сохьтехь тхан шофер а, коьрта редактор а, видеооператор а цIадогIуш, микрорайонерачу базара кхочуш, гулделла адам а, севцца лаьтташ машенаш а хилла, тхан совца дийзира. ХIун хилла, хатта ас аьлла, неI елларца, тIех йолучу зудчо: «Цхьана зудчунна герз туйхи-кх, мичара туйхи а ца хууш. Нана яла, хьо белхан! Вай, нана яла, хьо мисканан, ма йоьхна зама ю-кх хьо», – маьхарца йоьлхуш, тIехьяьлла дIаяхара иза.

Машен чуьра охьа а воьссина, гулжеллачу тобанна тIевахча, шовзткъа шарел совьяьлла хир йолуш зуда Iуьллура, лаг дерриге цIийш дуьзна а долуш, сауьйзуш. Хала садаккхар доцург, цуьнан меттахйолуш меже яцара. Iуьллучу зудчунна тIе а хIоьттина, маьхарца доьлхуш кхо шо хир долуш бер дара.

– Кьилбехьа ерзаейша, еса дешийша! Мичара ю-те хIара миска? Вай, нана яла хьан, делаI, – шайн-шайниг дуьйцуш, лаьттара гонаха тIегульелла адамиьн тоба. Бакьдерг хIунда ца олу, суна дуьхьара гуш дара дала сауьйзу адам. Iадийна лаьтгачу адамиьн гIар къарьеш, мела ладар хилла, хаддаза доьлхура жима бер, леш йолчу нанна тIе а хIоьттина.

– ХIай, адамиш, хIара бер мукъане дIадаккхийша кхузара, – вистхилира со, гонаха болчарна хозуьйтуш. Цхьана зудчо, пхьарс лаьцна, со волчухьа схьаозийра бер, амма доьлхачуьра соцуш дацара бер. ОхьатаьIна, кIант маара а воьллина, юьстах велира со. «Ма велхал, ма велхал, мама хIинцца схьайогIур ма ю. Хьажал, мел дика кIант ву иза, цо шега аьлларг а ма до». КIант гIехьа соцунгIа хилира. Ас ша лаьтта вайн охьавиллича, шен цIийх дуьзна ши куьг а гина, хьалхачул а чIогIа велхаран мохь белира жимчу кIанте.

– Хи дайша, кхуьнан куьйгаш дила! – мохь туйхира ас гонаха. Цхьана Iаьржачу аматахьчу зудчо, мара а воьллина: «Ас дIо будки чохь цIанвийр ву хIара», – аьлла, некъал дехьа дIавигира кIант.

Оцу суьйранна сан хIумма а дан дог ца догIура. Сан бIаьргашна хьалхара ца долура, шен цIийх дуьзна ши куьг ирх айбина, яла сауьйзучу нанна тIе а хIоьттина, доьлхучу хьаьрсачу беран амат. «Маржа, дуьне яI-кх, – ойла кхоллаелира сан, – воккха хилча, дагадогIур дуй-те оцу кIантана жимчохь шена гина ирча сург?» Хаац, хаац. Косиора урамерчу тхайн цIийнан сонерчу коьллагIна юккъе вахана, вехха Iийра со, хорам хилла. Сан бIаьрг тIехIоьттира цхьа боккха мохь гибоьллина доьдучу жимчу зингатна. Суна гонахарчу коьллийн генаш тIехь, кхийсалуш, зевне декара олхазарш. ДIо, дIанехьа нехийн баьрзнаш кегош йоллу цхьа жIаьлийн арданг. Хаддаза амал-гIад дайьина тIехьийзара чуьркаш, тIаьхь-тIаьхьа чIогIа кьийзош. Доцца аьлча, лаьттахь, хIаваэхь кIадо йоцуш, садолу хIумнаш хьийзара, шайн ма-хуьллу, хене йовла гIерташ. Сан бIаьргашна хьалхахула тилира балха тIехь хилла кег-мерза дегабаамаш, дагазаллаш. Церан хIокху доккхачу дуьненахь цхьа а тайпана маьIна ца хетара. ХIумма а доцучу хIуманаш тIехь вовшийн дохо дегнаш – эрна хетара.

ХIетахь, суьйре елахь а, къегинчу малхо доттура дуьне, балхара цIа оьхучу адамех дуьзнера гIалин урамаш. Мелчу махо лестадора сийна гIаш.

СоцунгIа хила янне а йиш йоцуш, дIадоьдуш дара дахар.

Адам Ахматукаев**Образ солнца золотой**

Рассказ

- Надо бы похлопотать о чурте¹...
- Отправим в горы телегу за камнем.
- Не стоит. Для ребенка его можно сделать и из акации...

Продолжение разговора Бали не слышал. Вопреки его воле, соседка завела его в дом, где собрались одни женщины.

«Как их много», – подумал мальчик. Никогда он не видел у себя дома столько женщин.

- Вай, Децина виса хьо², – Бали растерялся после этих слов тети по отцу.

«Не хочу я доставаться никакой Деце, лучше я с наной останусь», – подумал он, но промолчал. Знал, что тетя обидится.

– Нана, завяжи это мне, – попросил мальчик, указывая на зеленую ленту, которой была обвязана голова брата.

- Тогда Сулим будет плакать.

- Он же спит?..

Но он не спал. И это знали все, кроме него. Мальчика смущало, что брат был завернут так, как никогда до этого его не пеленали.

Выйдя во двор, Бали увидел дядю по отцу, который обтесывал и ровнял древесину.

- Воккха ваша³, что это? – спросил он.

- Это чурт, – глубоко вздохнув, ответил дядя.

– Дада на телеге нам тоже привез много чуртов. Но их никто не чистит, поэтому в печке остается мусор... А почему ты на нем пишешь?

- Повзрослеешь – узнаешь.

В тот день Сулима, завернув в одеяло, куда-то увезли. «Повезли в больницу», – объяснили Бали. «Но провожать в больницу так много народу не выходит, – думал мальчик, – меня же никто не провожал, когда мне скрутило живот и меня везли к врачу. И никто не плакал, кроме меня. А теперь у всех женщин слезы в глазах».

Мать не открыла ему правду и после похорон. Но обещала, что скоро поведет к Сулиму. И повела. То была долгая дорога. Мать часто брала сына то на руки, то сажала за спину. Когда шел пешком, он рвал цветы с желтыми головками, похожими на солнце, чтобы подарить их Сулиму.

Наконец, дошли. Попросив сына, чтобы он повторял за ней «амин», мать воздела ладони на уровне плеч и, словно выпрашивая что-то, долго стояла и шептала на непонятном Бали языке. Потом они подошли к могильному холмику.

- Вот здесь и находится твой брат.

Бали не понял...

– И под землей бывает больница? – спросил он удивленно, но дожидаться ответа не стал, так как его внимание остановилось на деревянном чурте у изголовья могилы. – Это же древесина, которую чистил Воккха ваша, почему она здесь? – недоумевал мальчик.

Мать поведала правду... Он сильно расстроился, когда она сказала, что его брат больше никогда не вернется:

– Он был бы дома, если бы ты не позволила привезти его сюда, – причитал Бали, маленькими кулаками размазывая по лицу прозрачные крупинки слез.

После этого они каждую неделю приходили на кладбище. Там бывало много других женщин. И все они ругали его мать.

«Не приводи сюда ребенка... Он же ангел, – разъясняли они, – говорят, что покойные зазывают их к себе. Ведь и алимы не рекомендуют приводить сюда детей». Мальчику не нравились эти разговоры...

Однажды, проснувшись рано утром и не найдя рядом мать, Бали позвал ее... Заглянул в смежную комнату... Засуетился... Выскочил босиком во двор... Дома никого не было... Уже научившийся считать дни между походами к брату, он догадался, что мать сама отправилась к нему... Бали долго-долго плакал, заглывая прерывистые рыдания соленоватыми слезами.

С тех пор он не был на этом кладбище...

Еще один день запомнился Бали, такой же мрачный, как день проводов Сулима в «больницу». В тот день забирали всех из их села, и никто не знал – куда. А когда услышал, что «навсегда», тогда подумал, что едут туда, где находится Сулим.

Бали сравнивает свои воспоминания с одеждой из разноцветных лоскутков, которая вся в заплатках. Но, как бы ни была печальна мелодия этих воспоминаний, он не может избавиться от них. Наоборот, со временем у него появилась болезненная потребность в этой печали. Относился к ней как к желанной спутнице. Он не нашел бы ответ на вопрос «кто я?», если бы, подобно обветшалой одежде, считал эту печаль излишней.

Как сегодня, о том же он думал и в день смерти матери. Ее похоронили на казахском кладбище. Спустя неделю скончался и отец. Новую могилу ему копать не стали. Рыть ее в мерзлой земле было тяжело. Мулла пожалел и без того слабых, тощих, немощных от тяжелой жизни людей.

– Эта пара прожила жизнь в мире и в согласии, они и в одной могиле уживутся, – сказал он, словно в оправдание.

Бали разрешили посмотреть на мать... Она лежала, закрыв глаза, без заметных изменений на лице. Бали подумал, что тела всех покойников сохраняются, не разлагаясь. «Если бы было разрешено вскрывать могилы при желании... чтобы взглянуть на родных, пусть и неживых», – думал он.

...С этими же мыслями пришел он теперь и на это кладбище – на чеченское кладбище. «Вот оно, то место. Как много детских могил... Деревянные чурты... Неужели они были здесь и раньше?..

Этот?.. Или тот? Нет, чурт Сулима был не такой... Некоторые чурты прогнили, опали. Вот так... лучше быть тебе поближе к холмику. Может быть, и тебя кто-нибудь ищет. Да смилостивится над тобой Всевышний... Здесь чурта нет. И здесь нет. Здесь один пенек торчит... А этот чурт лежит в сторонке, не отсюда ли?.. О Боже, он рассыпается. Прости, Всевышний!»

Бали замечает абрикосовое дерево. Узнает. Вспоминает, как просил у матери, чтобы та сорвала ему абрикос.

Поговаривали, что это дерево возшло от саженца, посаженного одним стариком перед переселением в Турцию. Мать не называла его имени. Сколько благородства было в женщинах тех времен! Невеста, пришедшая в дом из соседнего хутора, становилась снохой всего села...

Вновь он перевел свой взгляд на дерево: «Уже постарело ты... Но все еще

плодоносишь. От корней зависит многое. От корней... Да возрадст Всевышний сторицей...» Бали замер на мгновение, пришло озарение: он узнал чурт, прислоненный к абрикосовому дереву. Узнал издали. Вначале его сердце налилось огромной радостью. Но эту радость тотчас поглотил удушливый ком в горле.

Как он нашел бы могилу? Кто бы ему мог помочь?.. И чурт у основания был прогнивший. Примеряя его к изголовьям могильных холмов, Бали, не теряя надежды, долго зывал к помощи Бога...

Снова прислонил чурт к дереву. Снова вспомнил мать. Была бы она жива, могила нашлась бы, думал он.

«Не предполагал я, что обернется болью день, которого я ожидал с надеждой так много лет, – думал он. А следом другая мысль пришла в голову: – По какому праву ты расстраиваешься? Это же могилы твоих отцов, односельчан. Посмотри вокруг. Благодарю Бога, который вернул к ним тебя».

«Могилы... вокруг...» – пульсировало в голове Бали, подобно перестуку вагонных колес, то звонче, то глуше. Перед глазами завесой образовалась пелена боли, словно готовя его к плохой вести. Сквозь эту пелену он с трудом начал различать могильные холмы: один, два... много-много. А потом... как бы пристально он не искал, только у редких холмов виднелись чурты. Ему даже не успело показаться, что они сгнили, как голову закружило вопросом: «Не могли же каменные чурты сгнить?..» Ничего не было понятно. Мысли путались...

Бали долго ходил по кладбищу, читая все молитвы, которые знал.

И вышел, наконец, на дорогу, ведущую в село – в его родное село...

Издали виднелись новые дома на окраине. Он ускорил шаг.

«Так, я не одинок в селе, – подсказывали мысли, – оказывается, и до меня возвратились люди...»

Дойдя до домов, Бали увидел, что их основания выложены из каменных чуртов, которые он искал и не находил у могильных холмов... Он нашел ответ на свой мучительный вопрос, и пелена боли вновь затуманила его взор... Миражи, которые теперь блуждали перед его глазами, были как призраки во мгле. Среди них четко выделялся один призрак, похожий на образ солнца, которое золотыми лучами – будто руками и ногами – упиралось в горы, пытаясь усилием воли продлить время своего заката.

¹ Чурт – могильный камень, надгробный памятник.

² Вай, Децина виса хьо – ласковое обращение к ребенку, букв.: Ой, чтобы ты достался Деце (тете).

³ Воккха ваша – уважительное обращение к старшему, букв.: Старший брат.

Перевод с чеченского автора.

Маргошвили Султан**Шовда**

Ламанах духдуйлу шовда,
Иштта и кхуыллина ду.
Дарц леткьарх, шена тлекховда,
Хих кьурд бан вайн таро ю.
И леда дегийха лепаш,
Шен накха лаьттана ло.
Мел мийларх, мийларх ца лебаш,
Шена ял ца йобху цо.
Шовданан йистехь а сецаш,
Д1аяхна оьмар вайн дайн.
Кьурд бича бицло цатемаш,
Байло-кха баланаш вайн.
Х1ай Дела, кьинхетам бехьа,
Луо цуьнан комаьршо а
Тхан дегнаш хишца ц1андехьа,
Д1аэккхош хьаг1-гамо, кьахь.

Казбеги Александрана

Гуьржийчохь гуьржийн нанас вина,
Хьо вара вуьззина кьонах.
Вехара кьоман сий хьо айбина,
Кхоблличо ларвора вонах.

Хьо нохчо лара а тхан ю бакьо:
Дуй биьна тха ваша хилла,
И цкьа а ца кьарбеш, д1аваха хьо,
Хьомсарчу хьайн лаьттахь 1илла.

...Б1ешерийн кьобжалла
д1ашарийна,
Шен корта хьуна т1е товжош,
Тахана Мкьинвари¹ д1ах1обгтина,
Сий айа, цкьа а ца дожош.

Ненан мотт

Маржа я1 хьо, ненан мотт сан!
Деган суйнаш мерзех огуш,
Хала киртиг мухха х1отташ,
Бека, балех хьалхадохуш.

Эга тарло т1еман ц1ергахь,
Аьхна техкош, ахь кхиййна,
Хьомсара хьан кегий бераш,
Амма хир бу уьш хьан дийна,

Хьо мел беа, бека иштта.
Йиш ма яц хьо бицбан, литта.

Со волчу х1ун дохьуш веьна?
Ахь суна х1ун деьна? Ала.
Нахана кхиэл яр ца дезна, –
Барт хьобга хоттур бу Дала.

Иза а вицвина ваьхна,
Ахь 1амалш ца йина Цунна.
Миэл лучух ламазаш даьхна,
Марханаш ца эшна хьуна.

Бурконах, шелонах ларвеш,
Адам дан г1иртира нана.
Цуьнан кьа дити ахь дай деш, –
Барт хьобга хоттур бу Дала.

Хьох стаг ван г1оьртира дада,
Цо хьегна кьа хили эрна,
Ойланаш евлла хьайн пана,
Йорт егташ ах дахар текхна.

Ца г1оьрти хьо дохковала,
Кьиношна юьстаха вала.
Х1ораммо жоп лур ду ша-шех,
Кхиэл йийр ю кхоблличу Дала!

Ширлуш яц сан нохчийн б1аьвнаш,
Мотт карчац ала сан: хернарш.
Уьш ларьеш лаьтташ ду лаьмнаш,
Ловш хенан дера т1елетарш.
Ас нохчий б1аьвнашца бусту –
Т1улг санна, ч1ог1а ду дегнаш.
Сайн иллеш ас б1аьвнех дуцу,
Ч1аг1вала б1аьвнех 1емаш.

Дахаран чолхечу новкьахь,
Баланаш лайна вай шортта.
Х1етте а кхолламна дов дан,
Валлах1и, со вахьац х1отта.
Сайн некь бу хаьржинарг ас,
Лан езаш муьлхха а вас!

Ма д1атели сан бералла,
 Г1айг1а йоцу жималла!
 Къона шераш даха стенга,
 Лелинарш ког байбина?
 Къаналло сан талий белшаш,
 Стенга кхачо г1ерга-ге?
 Ма к1айелла коьртан месаш,
 Д1айовш лаьтта деган це.
 Аса тахна сайга хобту:
 Дахар къиза х1унда ду?
 Къаналло со стенга тоьтту?
 Я иза сан чаккхе ю?

Де кхолуш, 1уьйренаи малх хъалаг1аьтти,
 Жил-1алам дашочу з1аьнаршлахь лийчо.
 Шира шо, керланиг сан кет 1 ахь лаьтта, –
 Со – да а, сан к1ант а – шиь цхъаьнакхийти.
 Шерийн мохь базбелла таь1на сан белшаш,
 Ткъа к1ентан б1аьргашчоьх це йогу сийна.
 Цо ниць луш, сайн кханех со ч1ог1а тешош,
 Дахаран некъ ас бо, кхолламо зийна.
 Дика а, вон а сайн оьмарехь лайна,
 Амма ас ца лору суо миска пекъар.
 Сайн шераш сайн к1ентан юьхь т1ехь а дайна,
 Баккъала хили-кха тахна со декъал!

Къамеле ваьлла, кхин къамел ца дог1уш,
 Вог1у шиь юьртахойн кешнашка кхаьчна.
 – Кто за них в ответе? – цхъаь хилла бохуш,
 Г1азотан х1олламеьх шайн б1аьрг д1акхетча.
 – Хъайн къамел дехъа соь вайн нохчийн маттахь,
 Элира шозлаг1чо, до1а чекхдаьлча. –
 Дуьйцуцух кхета а хир дара агта,
 Хъекъало дегнашка д1акхачош аьлларг.
 Вукхо мотт буьйцура, 1емминарг бийца,
 Дош доцуш ша вуьсий шен маттахь ала.
 – Я тебе надоел? – эли цо х1инца,
 Дуьйцуцух шена а хиларна бала.
 – Х1ан-х1а, ца к1ордийна, к1ордор вац, дийца,
 Баттахь а, шарахь а ахъа мел дийцарх.
 Ва амма пурба дац вешан мотт хийца,
 Ненан мотт кхехкийта хъайн нохчийн ц1ийца.
 Меттанаш хаар-м пох1ма ду доккха,
 Иштгачух бехк баккхар амалехь дац-кха.
 Ненан мотт тесначо ша дакъазвоккху,
 Наношка геч деха и цхъаь бен бац-кха...

¹ Мкъинвари – цкъа а ша бешаш боцу лам (гуьрж.), Башлам (Казбек).

Кристина Елекоева

Северная Осетия-Алания

Родилась в 1979 году. Живет во Владикавказе. Окончила Северо-Кавказский горно-металлургический институт. Пишет стихи. Участница Форума молодых писателей в Липках (2008). Публикации: в журналах «Дарьял», «Владикавказ», в сборниках стихов поэтов северо-осетинского литературного клуба «Мирдеста» и молодых поэтов Северной Осетии «Владикавказ – мелодия, звучащая во мне».

Где же ты...

Солнце мартовское плавало
И палило, как назло.
Не могла никак я правильных
Подобрать и нужных слов.

И поэтому печальная
Около тебя брела.
Птицы черные кричали,
Обезумев от тепла.

Я наивна и бездетна.
Мне с тобой одна беда –
Лучше б мы когда-то где-то
Не встречались никогда.

И тебе со мной морока
И мучение одно.
Вместе мы, но одиноко
Нам обоим все равно

Где же ты, где ты, где ты?
Знаешь, я скоро умру.
Будут струиться ленты
На ледяном ветру.
И незнакомые люди
В землю спускать гроб
Неторопливо будут,
Не уронить чтоб.
Хочется веселиться,
Думая о плохом.
Огромные черные птицы

Кричат под моим окном.
Я закрываю уши,
Я закрываю глаза,
Чтоб ничего не слушать
И ничего не сказать,
Но называю снова
Имя твое и опять –
Станет бессмысленным слово,
Если его повторять.
Станут бесцветными звуки,
Станут глухими цвета.
Видимо, о разлуке
Думала я неспроста.

Таблетки толку –
А толку?
Пора наряжать елку
Шарами и нешарами.
Ну что я скажу маме
Об этих проклятых лекарствах,
О мертвом своем царстве,
О принце своем мертвом
И о его коне?
Железными стали иголки,
Пластмассовыми стволы.
Зубастые серые волки,
Кажется, очень злы
И за бочок тащат
Тех, кто уже на краю,
В густую темную чашу
непроеходимую....

Сулиман Мусаев

Запах подснежника*Ибрагиму К.*

Рассказ

За окном идет снег – зима в этом году ранняя. Приглушенная музыка. Слов не разобрать. Пронесются редкие машины. Темнеет. В кафе – небольшом уютном помещении – тепло. Официантка – симпатичная, смугленькая девушка с коротенькой стрижкой в красной кофте и черных брюках – говорит по телефону. Ее грудной голос часто сменяется тихим смехом. Она то и дело повторяет:

– Ньюуадз ма!*

На столе остывает кофе. Ее – со сливками, а я люблю черный.

– Все хочу спросить тебя, – теревит Зарема скатерть. – Что означает твое имя? Оно, кажется, очень редкое.

– Леча? – я улыбаюсь. – По-чеченски это – сокол.

– Что-то подобное я и думала услышать в ответ, – она опускает голову.

– Это почему?

В ответ она долго молчит, опустив голову. Потом вдруг резко вскидывает взгляд, обдав меня лазурью:

– А почему ты до сих пор не женат? Ведь тебе уже тридцать пять.

– Не знаю, Зарема, – не могу найти сигареты и подзываю официантку. – Пачку «Кента».

– Сейчас, – девушка отключает телефон и приносит сигареты.

– Спасибо, – я разрываю целлофан и, покрутив какое-то время пачку в руках, кладу ее на стол. – После начала войны уехал в Питер... Вернулся только год назад.

– Понятно, – откидывает она назад волосы.

Мне очень нравится это ее «понятно» с тягучим «я», которое она произносит по поводу и без...

А снег все идет. В свете тусклого фонаря он блестит. Ночной мрак все ближе подступает к окнам.

– Тебе уже пора ехать, – говорит она.

– Нет, я сегодня останусь – дорога скользкая, – я делаю глоток холодного уже кофе.

– А где остановишься?

– В «Плазме», наверное.

В кафе появляется какой-то помятый мужик в кепке и старом пальто, заказывает сто грамм водки и, опустошив ее прямо у стойки и кивнув официантке, исчезает. Нас он даже не заметил.

– А давай поедem в Хетагу? – вдруг произносит Зарема. – Ты когда сможешь приехать в следующий раз? Это недалеко...

– Куда?

– В Хетагу. Это у нас так роща называется в Алагирском районе. Священная роща. Да ты не улыбайся, это правда. Все, что там ни загадаешь, сбывается.

Летом там наплыв, но и зимой много людей приезжает. Вот послушай, какая история произошла прошлым летом. Приехали туда одиннадцать человек, все родственники. А на обратном пути забыли ребенка, лет пяти – когда ехали домой, все думали, что он в другой машине. Поняли, что оставили мальчика, только поздно ночью, когда добрались. Рано утром вернулись обратно...

– Что же они вернулись только утром?

– А они сами были из Моздока, так что доехали к себе только к утру. Мальчик был цел, невредим. Он сказал, что ночью к нему подошел старик с длинной белой бородой в белом одеянии и спросил: «Ты почему один, мальчик? Где твои родители?» А голос такой ласковый, нежный. Мальчик ответил: «Сейчас за мной придет мама». – «Конечно, придет, не беспокойся», – старик погладил его по голове, и тут настало утро. Там такие высоченные деревья, нигде больше не видала таких. И еще...

– Что?

– Оттуда нельзя ничего забирать. Ни веточки, ни цветочка, ни камешка... Поедем туда? Сможешь через неделю?

– И ты веришь этому?

«Ассалам алейкум, салам алейкум!» – замигал ее телефон.

– Алло? А-а, Фиалка... – дальше она говорила по-осетински.

– Фиалка? – деланно удивился я, когда она закончила говорить. – Тебе звонили из оранжереи?

– Ну ты артист! – Зарема улыбнулась: – Нет, конечно. Это моя подруга звонила, Фиала. Очень красивая.

– Ее так и зовут?

– Да. По паспорту она Фиолета. У нее сын приболел, Рустем. Просила завтра посидеть с ним, пока она на работе.

– Тебе же тоже на работу?

– Да, но я могу отпроситься. Вообще-то, я думала завтра проводить тебя. Теперь вот, видишь, как получается...

– Ясно...

Салон неожиданно зажигается задорной лезгинкой – звонит мой телефон.

– Алло!

Смотрю на дисплей: Зарема.

– Да?

– Ты уже где?

– Подъезжаю к «Плазме».

– Приезжай ко мне.

– Как это, к тебе?

– А вот так. Поставь машину на стоянку и приезжай.

– Хорошо, Зарема... Просто неудобно как-то.

– Да ладно тебе. Вот адрес...

– Подожди. Продиктуешь потом таксисту, я все равно не запомню...

– Добрый вечер! – на пороге девочка лет одиннадцати, за ней появляется Зарема:

– Проходи. Это моя дочь, Мадина.

Снимаю туфли, захожу в гостиную и сажусь на диван.

– Я сейчас, поставлю чайник, – Зарема исчезает.
Мадина стоит в дверях, смотрит какое-то время на экран большого телевизора и вдруг, обернувшись ко мне, говорит:
– Моя мама очень хорошая.
Я удивлен этим выпадом, но нахожу в себе силы ответить:
– Я не сомневаюсь... Я знаю.
– Она так любит меня, а я ее только огорчаю... Уже две двойки за неделю...
– Это плохо, – облегченно вздыхаю я. – Надо исправляться. Сможешь?
– Да, – на лице Мадины появляется улыбка. – Послезавтра контрольная, одну уже исправлю.
– Вот и молодец!
– А вам нравится эта певица? – сменила она неожиданно тему.
На экране кривляется какая-то бледная девица на высоких каблуках.
– Нет, не нравится. А кто это?
– Как? – она поражена. – Это же...
– Пошли на кухню, – появляется Зарема.

К рассвету мороз отступил. Утро сыро. Зябко. У выезда из города в такой ранний час голосует молодой парень. Я торможу.
– Спасибо, брат! – парень садится. – Мне до Чермена.
– Ты слышал про Хетагу? – неожиданно даже для себя спрашиваю я, когда мы уже доехали до кольцевой.
– Это про рошу нашу святую? Конечно, слышал... Как бы вам объяснить? Это место, где загадываете желание, и оно сбывается...
На дороге стоит гибэдэдэшник, он поднимает жезл, и мне приходится тормозить...

* Ньюуадз ма! – прекрати, перестань (осет.).

Мусаева Малика**Байташ**

Дерриге а дIа дер ду.
 ХIара дуьне дуьссур ду.
 И шайн ду моьттинарш
 Юьхь Iаьржа хIуьттур бу.

Духур дац моьттина
 Лаьмнаш дIа шарлур ду,
 Карзахе екийна
 Аренаш кьарлур ю.

Массо а дIа вер ву:
 Ахь ган сатийсинарш,
 Ахь безам латтийнарш,
 Ахь гамо кьийлинарш.

Ахь йина ойланаш
 Есаллехь дIа йовру ю.
 Ахь дозалла дина дегI
 Лахьтичу дуьллур ду.

Эхарт дуй хууш верг
 Ша Деле кхойкхур ву.
 Дуьненах дош хеттарг
 Иманах вухур ву.

Ижуна тессина
 Гезгамаша санна
 Ду хьуна хIара дуьне,
 Хьо Iеха ма лолахь

Цунах ца тассалуш
 ТIех вала хаалахь
 Цуьнца ца кьиссалуш
 Хастам бай диталахь.

Ахьа Деле дехалахь
 Садалар ийманчохь.
 Ахь Эхарт дехалахь,
 ПаргIато лахьтичохь

Ша цигахь йоцург
 ПаргIато яц хьуна
 Цигахь хьан хилларг бен
 ЮьхькIам а бац хьуна.

Ирча Iуьйре йогIур ма ю,
 Йа хир иза ирча суьйре,
 Да-нана доцуш вуьссур ма ву –
 Дохко вийларх тIаьхьа хир ду.

Хьо гуттар а жима хеташ
 Хьуна дикнаг Деле доьхуш
 Яьхна нана дIа ер ма ю.
 Цуьннан дог хьастар хьуна тIехь ду.

Хьуна пайдехь хин дерг лобхуш,
 Дайха дисна гIиллакх хьобхуш,
 Хьох стаг хила лиьна Дада
 Таро мел ю реза вехьа.

Дуккхьаь адам гуллур ма ду,
 Боьлхуш-тийжаш зудрий хир бу,
 Кадамаш беш, хьан дог оьцуш,
 Хьуна дуьхьал уьш хIуьттур ма бу.

Адам шайн-шайн цIа доьрзур ду,
 КетIа ваьлчун хьо вицлур ву,
 Хьан ков-неIарш дIа кьовлур ю,
 Тезет хьан даг чохь дуьссур ду.

Дагалеца дукха хир ду,
 Дохко вийларх тIаьхьа хир ду,
 ТIаккха хьуна хуур ма ду
 Декхар хьайна тIехь диснийла.

Хьо цу балех вера ма вац,
 Дерш даим дехар ма дац
 Хиндолчуьннан ойла ехьа
 Хьай дай-наний реза дехьа.

Далла дуьхьал хьо хIуттур ву,
 Барт-хаттам мел чIогIа хир бу,
 Бехкара вийла юьхь хир яц хьан
 Кханен тахнехь гIайгIа бехьа.

Окаров Ийса

Нехан махкахь некъаш

Дийцар

Гурахь, дуьххъара охьадилланчу лайно хьулбора некъ, ткъа луьйрре яханчу машено, я говран салазо керлачуьнан лар юьтура кледачу, клайчу лай тлехь. Юха, хье ца луш, дарц хьекха а долалора. Масех дийнахь хьийзара иза тхан эрна арахь лаьтгачу жимачу ценна гонахьа. Глорийначу коран блаьргех млараш хьокхуш, ара хьожура тхо, дарц сацаре сатуьсувш.

Дарц тийча, тракторо клоргачу лайлахь, шинна а аглор лекха бердаш деш, некъ боккхура. Оцу керлачу новкъахула водий, шина-кхаа дийнахь чохь Ийна со, денда волчу вьдурда.

Юхавоглуш, дланехь, айначохь лаьтгачу лекхачу зезийн хьуьнхарчу татанашка ладобгура. Цунах цигарчу обьраса «бор» олура. Хьуьнан боданан клоргенера схьазара кьийгийн ирча «кьар-р». Нагахь, тоьпан санна тата долура хьуьнхахь. Доккхачу лайлахь сихха довра и. Шелонна зезнаш этлаш ду олура иза баккхийчара.

Валенкаша хьоьшу ло цийзара боларан эшарехь. Со некъан берда тле волий, лайла эккхара, мел доккха ду хьажа. Юха, клоргга чувахача кхералора, хьала ца валалуш виссарна. Верриг лайх вузий, четарчуй, валенкаш чуьрчуй лайно вагош, цлехьа водура...

Блаьста, лайш дешаш, лаьнан некъ хиллачул жимма схьанехьа я дланехьа ши сийна тача хлуттура. Оцу тачанех хин кор даьлча, бухахь гора, куьйга йиллича санна, машенан члурган стохкалера лар. Тамашийна хетара, гурахь ло охьадиллале тлаьххъара чекх яьллачу машенан лар иштта, ша ма-ярра, доккхачу лай клелахь, блаьстенга ялар.

Кхано, гучаболучу некъан апари чохь дуьззина хи хлоьттича, хлуманаш юьтгучу ванех кема а дой, меллаша дласахьийзара со новкъахь, хи тлехь. Сайн клоргга хи чу хьйначу кемана тлера, хлинца дуккха а, тайп-тайпана а йолчу лерашка хьожура со. Цленачу, лаьржачу хи тлехь кегийра тулгелеш хьовдура дуьхьал, мох баьлча. Тлаккха корта хьовьзара, кема длахьаьдда доьдаш хетара. Хиш дладевлла, якьаелча, шина лорана юккьехула сийна бай болура. Аре можачу зезагаша кечйора. Уьш дладевлча йовха аькхе а тлехкочура, тхо аренан кегийчу а, даккхийчу а некъашкахула кхерста дуьйлалора...

Генахь аренан доза хлоьттина длайоьдаш цхьа, куьйга йина лаьттан раг1 яра, тлехула машенан некъ а болуш. «Линия» олура цунах оха. Цул дехьа а яра аре (ткъа Казахстан ерриг а ма яра иштта шера).

Довхачу аьхкенан дийнахь тхайн уьйтлара дла веьха хьожура со. Геннахь, латтий, стиглий хотталучохь, сийначу, лелачу хлаваэьхь и «лини» эгош, сеттара. Суна ца хаара иза хлун ду. Лаьара цига ваха, муха хоттало стиглий, латтий хьажа...

Ткъа «сусликаш» олу оьпанаш льоцуш аре мел ю лелара тхо, даккхийчу берашна тлаьхьахлуттий. Гураш дласа деллал ницкъ бацара тхоьгахь.

Луьйранна хьовса дахача, аьггачу гуран шина мочхало лаьцна, цлийзаш, тхуна ира клумсарш а кьедош, лаш хуьлура оьпа. Амма цхьаццадолчу гураш чохь цлокий, длаьлахкаш бен ца карайора. Тхол хьалха глуеттура куьйранаш

тхан гурашка хьовса. ЧIогIа дог детIара тхан и кьола гича. Цхьана цIоканах сийна кехат долу пхи сом лора дIаелча. Оцу ахчанах тхан юьрта йистехь йолчу туькканахь дуккха а кампеташ, пираьнгаш а эцалора, луларчу йоккхачу юьрта кино а доьлхура сарахь.

Оха оьпанаш лелош гича, нанас дуйцура, масех шо хьалха, мацалла йолуш, наха уьш муха юура. Ткьа оха-м хIинца жIалешна лора жижиг, цIока схьаяьккхича.

Наггахь болучу байчу махо, чилланан санна, кьегаш хьесий долчу бецийн датон бос оьцу тулгIеш йовда йора аренгахь. Малхо ягийначу бецийн хьожанаша хьобстура меран са.

Пушлакхехь болчу малха кIелахь цхьана эшшарехь декара оьрсаша «жаворонок» олуш долу хьоза. Суна цунах хIун олу ца хаара нохчаша, ткьа хаан а геннахь хиллера. Суна малха кIел оьллина дашо горгали бекаш тарлора цунах.

Со дукха хьобжура некьаца дIа. Генахь чан гIаьттича, дада воглIуш хиларе сатуьсура ас. Иза Симпалатехь автобазехь балхахь вара, басаран хьожа дIаялаза йолчу шен цIеначу машенахь воглIура да. Ас, номеран терахьаш дагахь латтадора, ткьа элпаш суна ца девзара. Ишколе эха ца волавеллера оцу хенахь.

Нохчийн цIенош ков-керташ йоцуш дара, тхевнаш латта тесна хуьлура. Оьрсийн цIенош ханнийх дина, наьIарна-корана басар хьаькхна дара, дечкан кевнаш а, керташ а яра церан. УьйтIара даккхийчу акхтаргашна кIел гIанташ а долуш.

«Вай цIа дахача...», «Кавказ», «Шуьйта»... Оцу дешнийн маьIна суна хIун ду ца хаара. Цхьа генара меттигаш юьйла-м хаара уьш.

Амма тIаьхь-тIаьхьа цхьа синтем бойу синхаамаш хьуьйра даг чохь. Малхбалехь кьайлаболучу некьаца яра дог-ойла, хьажар. Суна хаара ЦIа оцу агIор дуйла. «Нохчий» боху дош а тамашнийна хетара, цхьа доккха, довза хала долу маьIна дара суна оцу дашехь. Ткьа наггахь цхьаца долчу хIумано ойланца воккха хуьлуьйтуш хетара.

...Кхин цхьа некь бараюьрта тIебоглIуш. Иза дIанехь ара аренгара, ишколаний, юьртган гIуний юкьехула болий, юьртахула боьдачух дIакхетара. ГIум-лаьттах охьакIаргбеллера иза. Аренга дIахьаьжча, ган а ца гора иза, машин йогIуш хаа ца елча. КIорга хуьлура оцу новкьахь дама санна кIеда йолу чан. Оцу некьан йовхачу ченалахь когаш хьобстуш Iара со оцу дийнахь, ишколана юххехь. Кхетта малх а болуш, довха де дара.

...ЦIехьана, некьо голатухучура гучаевлира матцикалш. Со сихха некьа йисте хьалавелира. Хьалхарчу матциклахь пхийттара ваьлла хир волуш кIант ара. Цунна тIехьа хиьна цхьа жима стаг а вара. Хьалхарчеран ченийн кIуьрлахь воглIура, тIаьхьахIоьттина кхин цхьаь, воккханиг, иза ша вара матцикал тIехь.

Сан дагчу жимма кхерам тесира, уьш сел чехка боьлхуш хиларна. Матцикл суна цхьа кьайле йолуш хIума хетара, ши чIург бен йоцушехьа, охьа а ца кхеташ, дIаяхарна. Ткьа цунна тIехь чехка воьдург – гуттар а майра хетара. ТIехьавогIучо воккхахволчуьнга мохь туьйхира, ченашлара цхьана муьрана гуча а волуш: «Воха ма вохалахь...», аьлла.

Уьш кьайлабевлира матцикалийн буьрса тата а эцна. Со дуккха а лаьттира царна тIаьхьа а хьобжуш. Хетара и кIант матцикал саца ца луш хьош ву. Дендеца цхьанхьа воьдуш ворданахь, говраш кьаьхкина тхойшиь хьош, хIинца санна кхеравелира со...

Цул тлаьхьа масех бутт белира, гуьйре а еара. Суна кхин ца гира и майра кIентий. Ткъа цъхана кхоьлинчу дийнахь, уьш сайна тIехлилхинчу меттехь, суна юха а дагабаьхкира уьш...

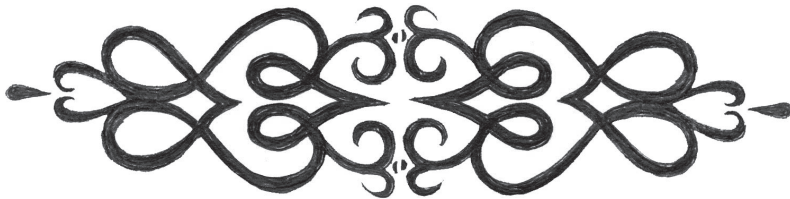
...Нанас ведар мIерах дIа а тесна, чу хобций, боккха къегаш го хIуттура гIунан тIам хьийзаш. Вукха агIор а волий ведарна тIаьхьа чухьожура со. Йоккхачу гIовгIанца тIаьхьа зIе такхайой доьдура ведар Iаьржачу кIоргалле, доккха, къора тата доккхий, бодашкахь хи чу кхеташ хезара.

Юха нанас меллаша, куьйгаша къагийна тIам хьийзош, хьалайоккхура ведар, зIе, могланаш беш, стоммачу, къегачу хенна тIе хьерчара. Чохь хи а къегаш, жим-жима серла долуш, хьаладогIура ведар, ластва а лестахь. Наггахь тIедачу ханнийн гонна тIе хи Iенара, тIадамаш кIоргенехь декара, чуййзош санна хетара гIуно.

Иштта, цъхана кхоьлинчу дийнахь гIу чу а хьезна, со юха а некъа йисте вахара. Аренгара схьайогIура гата тоьхна «ГАЗ-51» машен. Иштта машенаш яра Симпалате лелаш, хIинцалера автобусаш санна. Гатанаш кегий деха горга кораш а хуьлура цуьнан. Машен жимма тIехььялча, тIулг ластийра ас цунна тIаьхьа. Машен цIехьхана сецира, дехьа агIорхьара шофер схьайккхира. Иза жима стаг вара, коьртахь цъха лаба а йолуш. Амма суна тIаьхьахьаьддачохь сецира иза.

Суна хиира иза воьхнийла. Нана схьахььожуш лаьтгара гIу йистехь. Шофер цуьнга дIахьаьжира, юха неI а тоьхна, машен йолаялийтира.

Тхан ненах-м ца кхеравеллера шофер. Цунна хиьна хир дара и майра кIентий оцу минотехь схьакочур буйла, шайн Iаьржачу сихачу матциклаш тIехь, шайна тIаьхьа еха, ченийн тача а юьтуш.

Дарья Шомахова

Кабардино-Балкария

Родилась в 1988 г. в г. Майском, живет в Нальчике, работает редактором-режиссером в ОАО ОРТК «Нальчик» и документоведом в Представительстве ГФФ РФ на территории Северного Кавказа. Публикации: в журналах «Итаго», «Вайнах», «Литературная Кабардино-Балкария», интернет-журнале «Пролог», газетах «Владикавказ», «Книжная вселенная».

Рассказы

Из цикла «Цвета»

Бирюзовый

(Клоун)

Под большим деревом, что растет у моего подъезда, стоял клоун. Поравнявшись с ним, я приостановилась, и наши взгляды встретились. Странного, очень редкого цвета глаза были печальны. Бирюзовые печальные глаза... Я опустила взгляд. Клоун протянул мне один из воздушных шариков, которые он держал в правой руке. Я мельком глянула в его покрашенное гримом лицо еще раз и ушла. Клоун остался стоять на месте, держа в поднятой руке печально покачивающиеся воздушные шарики.

– Подумаешь, клоуна увидела, – пожалла плечами подруга, которой я рассказала об утренней встрече. – Тоже мне событие!

– Ну да, – согласилась я. – Ничего особенного. Клоуны ведь каждое утро разгуливают по дворам и дарят шарики первым встречным...

– Хорошо, пусть это будет особенный клоун...

Особенный или нет, клоун не шел у меня из головы весь день. Что-то в нем было смутно знакомым.

Желтый комбинезон с полосатыми разноцветными рукавами, три красно-оранжевых пушистых пуговицы, надетый поверх комбинезона цветной жилет, наложенные один на другой пышные воротники, лысая выбеленная макушка, торчащие по бокам от нее ярко-красные волосы, похожие на крашеную сладкую вату, огромный красный нос и красные же губы.

В моей памяти вспыхнуло слово «ПЕННИВАЙЗ».

И глаза цвета бирюзы... У клоуна Пеннивайза не может быть таких добрых, грустных, прекрасных глаз... Или?..

Клоун шел мне навстречу, опустив голову. Казалось, он боится – не хочет – встретиться со мной взглядом. Его движения были угловатыми. Шарики, которые он, как и в прошлый раз, держал в правой руке, были черными. Ногти на глазах превращались в длинные когти. Клоун замедлил шаг, затем остановился. Он наконец поднял голову и посмотрел мне в глаза. От бирюзового не осталось и следа. Зрачок был окружен желтым и красным.

Не раздумывая, я повернулась к нему спиной и побежала. Он не собирался гнаться за мной. Поворачивая за угол, я посмотрела в его сторону. Он стоял на месте и махал мне рукой. Инстинктивно я подняла руку, чтобы помахать в ответ, и обнаружила, что держу в ней шарик.

Я села в постели. Нашарила выключатель на стене. С легкой дрожью

спустила ноги с кровати – после кошмарного сна это невозможно сделать без дрожи. Хотела умыться, но в ванную заходить было страшно. Вспомнились фонтаны крови и призывы «Давай летать с нами!»

До утра я просидела на кухне при включенном свете с чашкой кофе и ноутбуком, старательно не глядя в окно. Казалось, стоит повернуть голову, и я увижу прижатое с другой стороны к стеклу выбеленное гримом лицо с красно-желтыми глазами. А когда я вышла из подъезда утром, я увидела под деревом клоуна. Чертыхнувшись, я пробежала мимо него в сторону остановки. Мне очень хотелось еще раз заглянуть в бирюзовые глаза. Но я боялась увидеть вместо них красно-желтые.

Весь день мне мерещились желтые комбинезоны и красные глаза. Вечером я зашла к подруге.

– Кино посмотрим? – спросила она. – Я как раз купила диск с подборкой фильмов по Кингу.

– Ставь что-нибудь на свой вкус, – с натянутой улыбкой ответила я.

Когда на экране клоун Пеннивайз высунул руку из фотоальбома, я невольно подпрыгнула в кресле. Подруга ничего не сказала, только ехидно усмехнулась в огромную чашку чая. Она-то ничего не знала...

Когда фильм закончился, я сухо попрощалась и вышла в темный подъезд, вызвала лифт. В кабине перегорели обе лампочки, и нажатая кнопка первого этажа горела в темноте, как глаз Терминатора. Или Пеннивайза...

Я начала спускаться по ступенькам к входной двери подъезда. Справа от меня были убегающие вниз – в подвал – ступеньки. За решетчатой дверью капала вода. Казалось, кто-то приближается ко мне оттуда, из тьмы подвала. Кап-кап-кап. От этого звука во мне стала расти паника. Я бросилась в сторону двери, и тут кто-то коснулся моей руки. Я резко повернула голову и увидела... желтый комбинезон, красные волосы...

– Аааа! – я даже не сразу осознала, что это я кричу. От животного ужаса, лопнувшего внутри меня, ноги стали ватными, я оступилась и пролетела бы последние пять ступенек головой вниз, если бы клоун не ухватил меня так крепко. Восстановив равновесие, я все же вырвала у него руку и некрасиво плюхнулась на пол.

Он подошел ко мне, наклонился и заглянул в глаза. Бирюзовые. Я облегченно выдохнула.

– Привет, – улыбнулся он.

– П-привет, – выдавила я, даже не пытаясь улыбнуться. Все равно кроме оскала ничего бы не вышло.

Клоун помог мне встать и протянул букет красных роз.

– Извини, что напугал. Это тебе, – в его взгляде было столько тепла, что у меня перехватило дыхание.

– Я уже подумала, что Пеннивайз пришел по мою душу, – сказала я, нюхая цветы. Он приподнял нарисованные брови и расхохотался.

– Не так уж и много людей помнят имя этого персонажа, – сказал он. – Обычно обходятся противным местоимением.

– У меня хорошая память на имена, – сказала я, уже выходя на улицу, ярко освещенную фонарями.

– Тогда запомни – меня зовут Роб, – крикнул мне вслед клоун, ухмыляясь. Я кивнула и убежала.

Роб... Роб... Роберт... Роберт Грей... Роберт Грей, более известный как Танцующий клоун Пеннивайз...

Я уже было бросила букет, но он нагнал меня.

– Вижу, и это ты помнишь.

Я кивнула, улыбаясь.

– Эл, – он опустил голову в церемонном кивке.

– Просто Эл?

– Да. Бывает. Так уж меня называли родители.

– Ти, – еще шире улыбнулась я. – Тоже бывает.

– Встречу тебя завтра утром, – сказал он. – Узнаешь меня по шарикам в правой руке.

– Хорошо!

Утром под деревом у моего подъезда стоял парень в потертых джинсах, клетчатой рубашке и с шариками в руке. Из-под светло-русой растрепанной челки на меня смотрели глаза редкого, даже странного, бирюзового цвета.

Красный

(Драконы)

*Бабушкиной подруге, которая помнит горы,
драконов и еще многое из того,
о чем все остальные давным-давно забыли*

Из окна моего кабинета виден лес. И горы. Но горы видны только в хорошую погоду и если вывеситься по пояс, а лес – всегда.

Я назвала его Красный лес.

Еще в раннем детстве я обзавелась своеобразной привычкой давать имена всему, что вижу. Когда-то в школе мы играли в игру «Называйка». На учительский стол выставлялись картинки с самыми разными предметами. А ученики должны были придумать название для предмета и рассказать, для чего он нужен. Естественно, предметы были нам абсолютно незнакомы. Там были и разного рода измерительные приборы, и экзотические животные, и языческие идолы... и чего еще только не было...

Процесс называния показался мне ужасно увлекательным. Каждая игрушка в моем доме имела собственное имя, иногда даже двойное. Много позже я наградила именем-фамилией-отчеством собственный личный дневник. Ну и, конечно, вещи и места, которые я видела ежедневно. Небольшой сад за домом назывался «Зарешетка», потому что отделялся от двора решетчатым забором. Лесистые горы, которые было видно из окна на кухне, назывались Темный лес.

Снежные горы, которые видно из любой точки города, я называла Драконьи горы. Я почему-то была уверена, что там живет целое стадо драконов – красных, бронзовых, золотых, серебряных, белых – и только того и ждет, чтобы прилететь и съесть меня (а уж тогда непременно наступит конец света, так мне казалось).

Однажды зимой моя бабушка и ее подруга решили погулять. Они нарядили меня – еще совсем маленькую – во что-то очень теплое и страшно яркое, усадили на санки и повезли гулять в сторону некоего загадочного «НЗПП». По пути я мечтательно рассматривала горы. Тогда я еще не звала их Драконьими. Вдруг я спросила:

– Бабуля, а драконы живут там? – и указала пальцем на горы.

– Да, – хитро улыбнулась бабушка, пихая свою подругу в бок. Та усиленно закивала: мол, там, конечно.

– А они оттуда прилетят?

– Может, и прилетят. А может, и нет.

– Ты не знаешь? – для меня было откровением то, что бабушка может чего-то не знать.

– Они ведь драконы. Откуда я могу знать, что они собираются делать...

Было – и есть – еще очень много названий.

Так вот. Лес, который загораживал вид из моего окна на Драконьи горы, я назвала Красным лесом. Хотя, строго говоря, он был частью того Темного леса, что виден из моих домашних окон.

Деревья в нем не были красными. Даже осенью они сначала становились

золотистыми, потом пегими, а потом черными, но никак не красными. Я, вообще-то, далеко не всегда могу объяснить, почему прикрепляю то или иное имя к месту или предмету. Но в данном случае все очень просто. Сидя у окна, я все время видела боковым зрением, как в лесу мелькает что-то красное. Много раз я пыталась поймать это что-то взглядом, но стоило мне повернуть голову в ту сторону, как оно исчезало. Сначала я назвала лес Лесом, в котором живет кто-то красный. Но название не прижилось – длинноватое оно получилось, как на него ни посмотри. Так этот лес и стал Красным лесом.

Обычно зимой красный обитатель леса почти не появлялся. Конечно, зачем же ему светиться на всю округу в черно-белом лесу? Весной он будто просыпался и начинал неохотно ползать. Летом он мог подолгу слоняться по лесу, замирать и по несколько минут греться на солнышке. Осенью он, по всей видимости, чувствовал себя лучше всего. Увидеть его было сложнее – из-за ярких листьев. Но его присутствие ощущалось ежесекундно.

Я старалась не всматриваться в просветы между деревьями, а если и наблюдала за ним, то делала это как можно незаметнее. Нужно ведь уважать чужое личное пространство. Мне даже показалось, что существо из леса стало более активным и менее скрытным.

Однажды – где-то в середине марта – я решила прогуляться до леса. До того меня подобная мысль почему-то не посещала. А тут она просто завладела мной полностью. Надо признаться, сопротивлялась я недолго. Нацепила куртку, вышла из здания и пошла прямо к лесу. Дойдя до его кромки, я остановилась. Что дальше?

– Ну и чего встала там? – послышался голос откуда-то из-за деревьев.

– А где мне встать? – возмутилась я.

– Тебе что, непременно стоять надо?

– Ну, не то, чтобы...

– Тогда топай сюда.

Я и потопала, особо не уточняя, где оно, это самое «сюда», находится. Лес был очень странным. В реальности такого просто не бывает. Огромные деревья, кроны которых сплетались, не оставляя никаких просветов, но темно при этом не было. Все окутывал мягкий розоватый свет. А со стороны ведь лес выглядел совсем иначе... Я пошла по тропинке, вдоль которой росли кустики земляники и голубики, создавая чуть ли не клумбовые узоры, наклонилась, чтобы сорвать пару ягод, и обнаружила, что часть из них – это обычные ягоды, а часть – самые настоящие драгоценные камни. Воздух пах травами, цветами и горячим металлом. Куда я попала?

– Привет, – раздалось откуда-то сверху. Я вскинула голову и увидела в нескольких метрах над собой огромную голову дракона. Казалось, голова эта отдельно от всего висела в воздухе. Присмотревшись, я поняла, что все остальное тело дракон прятал за крыльями, которые, оказывается, служат драконам не только для полетов, но и для маскировки.

– Привет, – ответила я. – А ты кто?

– Красный дракон Акай.

– Очень приятно. Я.

– Что «Я»?

– Меня так зовут, – смутилась я. – Только не начинай сейчас издеваться над моим именем...

– А зачем мне издеваться? Имя как имя. Чего пришла-то? – спросил Акай.

– Просто пришла и все. Захотелось мне... – пробурчала я.

– Вот и ладно. А то сидишь все за своим стеклом да делаешь вид, что не замечаешь меня, – усмехнулся дракон. – Я уж думал, никогда не соберешься прийти. Пряталась от меня, что ли?

– Это ты от меня прятался, – возмутилась я. – Мелькал тут красными боками...

– Если бы я прятался от тебя, ты бы и этого не увидела, – заметил дракон.

- Так ты пришла меня поискать?
- Да нет вроде, – протянула я. – А ты тут, вообще, откуда?
- А ты тут откуда? – прищурился Акай.
- Вон оттуда, – я, не глядя, махнула рукой примерно в сторону места, где работала.
- Ну а я оттуда, – дракон неопределенно махнул головой в сторону и вверх.
- А что там? – спросила я.
- Драконьи горы, – весело ответил Акай. Я закашлялась. – Плохо себя чувствуешь? – с деланным состраданием в голосе произнес дракон.
- И много вас в Драконьих горах? – я старалась звучать, как ни в чем не бывало.
- Много. Целое стадо, – хитро сощурился Акай.
- Сумасшествие какое-то, – пробурчала я и развернулась, чтобы уйти.
- Вот так сразу убегаешь? – искренне удивился мой собеседник. – Даже не спросишь, откуда мы взяли в этих горах?
- А надо?
- Ты же хочешь спросить? А если чего-то хочешь, значит, это тебе зачем-то надо. Раз уж мы решили, что тебе надо, спрашивай.
- Железная логика...
- Драконья.
- Что драконья?
- Драконья логика, – мне показалось, что Акай улыбается. Правда, я, конечно, не специалист в драконьей мимике, так что...
- Ну, хорошо. А откуда вы взяли в... Драконьих горах? – я все же споткнулась о название.
- Тебе, правда, интересно? – спросил дракон.
- Ты сейчас это серьезно? – взорвалась я. – Сам же требовал, чтобы я спросила...
- Не хотела спрашивать, так и не спрашивала бы... – надулся дракон.
- Да ты просто не в курсе, откуда вы там... – заподозрила я.
- Это вы, люди, не в курсе, откуда вы здесь, – холодно сказал Акай. – А наше стадо отлично знает, что оказалось здесь по милости одной впечатлительной девочки. И стадом-то мы себя называем именно из-за нее... – в голосе дракона появился намек на раздражение и обиду.
- Извини, – тихо сказала я.
- Чего уж... – снисходительно ответил дракон. – Ты это... иди уже, наверное...
- Угу, – закивала я. – Пойду. А вы... драконы... ну, в смысле, вам тут нравится жить?
- В общем-то, да. Поначалу нам тут, конечно, страсть, как не нравилось. Еды опять же никакой... Вот только, чтоб ты знала, мы маленьких девочек не едим. И больших, по преимуществу, тоже... у нас вот уже пару тысяч лет, как вегетарианство в моде...
- Я запомню.
- Ты в гости заскакивай иногда, – невпопад сказал дракон. – Поболтаем.
- Обязательно, – я улыбнулась и начала пятиться. Поворачиваясь к дракону спиной мне почему-то не хотелось. По пути на работу я заметила ручеек, в котором наверняка жили... нет, нет, нет и нет. Никаких больше предположений!

21 марта – 4 апреля 2011 года

Засуха

Рассказ

Посреди огромного – от горизонта до горизонта – зеленого поля танцевала девушка в сером льняном платье.

Сквозь чугунные грозовые тучи пробивался один-единственный луч солнца. Он падал точно на то место, где девушка отбивала босыми пятками завораживающий своей простотой и какой-то первобытностью ритм, делал ее почти белые волосы волшебными-золотыми. Она вскидывала загорелые, словно выточенные из благородного камня, руки, резко опускала их, затем снова вскидывала, рисовала в воздухе ладонями замысловатый узор, запрокинув голову и замерев, выкрикивала в небо странные отрывистые слова и снова пускалась в свой полудикой танец.

После каждого ее выкрика луч солнца становился чуть увереннее, просвет между тяжелыми тучами увеличивался. В руках девушки появился маленький плоский барабан, она стала бить в него основанием ладони, меняя ритм, резко упала на колени и застучала по нему обеими руками в бешеном темпе. В какой-то момент она вскинула голову, выкрикнула длинную фразу на угловатом языке, бросила барабан в сторону и упала ничком на зеленую траву.

Несколько секунд она лежала неподвижно, а затем ее тело стала бить мелкая дрожь, постепенно переходящая в подобие еще одного рвано-ритмичного танца. Девушка поднялась, подобрав барабан, и стала бить в него, медленно крутясь на месте. Оборот вокруг себя – удар. Оборот – удар. Оборот – удар. Под ее ногами трава стала желтеть. Сначала это было несколько засохших травинок, затем небольшой кружок. С каждым оборотом-ударом его диаметр увеличивался, как увеличивался просвет между тучами.

От тела девушки начал исходить сухой жар, она ускорила темп. Удар – удар – оборот. Удар – удар – оборот. Когда вся трава – от горизонта до горизонта – стала сухой, золотистой, а тучи окончательно покинули небо, будто их никогда в нем и не было, под босыми ногами девушки появились первые языки пламени. Барабан вспыхнул и исчез. Вскоре она запылала ярко-оранжевым огнем и, не прекращая танца, начала повторять руками его движения. От ее тела огонь стал распространяться по полю лучами, раскручивающимися от центра по спирали. Чем яростнее и резче были ее движения, тем ярче горела трава. Горизонт заволкло дымом.

В реве пламени слышались крики птиц, стоны людей, вой животных. Над головой девушки раскручивался огненный смерч. Она смотрела вверх, и в ее синих глазах светилось счастье.

– Пусть все горит! Сгорит дотла! Пусть все горит! Сгорит дотла! – в чуть слышном упоении шептали ее губы.

Она не заметила маленькую девочку, показавшуюся за ее спиной. Белая кожа, длинные черные волосы, короткое платье из зеленых лохмотьев.

– Не сгорит! – сказала девочка. Она выкинула вперед руку, и танцующая в языках пламени резко остановилась. Она опустила взгляд и едва успела заметить прозрачное лезвие, тут же обратившееся в воду. – Загорится. Еще не раз. Но не сгорит.

Девочка посмотрела на осыпающееся пеплом тело Засухи и принялась исполнять новый танец. Танец дождя.

Мусейп Висенгереев**Викинги на Кавказе**

В первой половине IX века в Восточной Европе сформировалось новое государство, которое получило в Скандинавии и Европе название Гардарика («Страна городов» – так в ранний период называлась Киевская Русь). Возглавили это княжество скандинавские (датские, шведские) конунги (князья), захватившие со своими боевыми дружинами викингов торговые пути из Скандинавии в Византию. Их отличала воинственность, свойственная молодым объединениям, и мобильность, обеспеченная умением плавать на судах. Направление их завоеваний шло вдоль ключевых торговых путей. Один, как выше упоминается, связывал Северную Европу с Византией («Путь из варяг в греки»), другой – со странами Востока (Волго-балтийский путь). В 80-е гг. IX века арабский географ Ибн Хордадбех описал путь восточно-европейских викингов, который шел от северных областей Гардарики по Черному морю через владения Византии в Крыму, затем по Дону и Волге к столице Хазарии. Оттуда викинги выходили в Каспийское море и свободно высаживались в любом месте побережья, либо по суше достигали Багдада. Экономическая значимость Каспийского региона в рассматриваемый период резко увеличилась. На это изменение повлияло образование в VII в. Арабского халифата и перенесение иудейскими купцами западной Европы традиционного торгового пути, ранее следовавшего вдоль побережья Средиземного моря, на север Европы. Новый торговый путь начинался уже во Франкском государстве, шел в Чехию, далее до Гардарики (Киевской Руси), через Хазарию в Среднюю Азию, Иран, Индию и Китай. Таким образом произошло перемещение мирового торгового пути, превратившего регион Каспия в магистральную артерию между Европой, Средней Азией и Китаем. Портовые города на его берегах: Итиль, Семендер – на севере, Дербент – в центре, и Джурджан, Рей, Казвин и др. – на юге, стали крупными торговыми центрами. Безусловно, в рассматриваемые торговые отношения были вовлечены племена Северного Кавказа. В политическом отношении побережье Каспия в этот период не обладало единством. Его северо-западный участок контролировался Хазарским каганатом, чья столица Итиль располагалась на Волге близ ее впадения в море. Некогда мощное государство хазар утратило свой наступательный потенциал и с начала IX века не вело крупных войн, хотя время от времени конфликтовало с близлежащими мусульманскими владениями. Рядом с Хазарией, по побережью современного Дагестана, находилось несколько мелких государств христианского, мусульманского и языческого толка. Южное и восточное побережье Каспия номинально входило в состав Арабского (Багдадского) халифата, но к IX в. здесь завершился процесс его распада на отдельные небольшие эмираты, возглавляемые собственными династиями. К началу X века они вошли в орбиту влияния персидского государства Саманидов. Традиционные интересы в регионе были и у Византии. Существенно, что ни одна из стран не имела здесь сильного военного флота. Его использование викингами стало новой страницей в истории региона. Первый набег викингов из Гардарики состоялся между 864-м и 884-м годами, или, как сказано у историка XIII века Ибн Исфандийара в «Истории Табаристана», во времена правления эмира Табаристана Алида ал-Хасана ибн Зайда. Викинги напали на город Абаскун в Астрабадском заливе, бывшем крупнейшим портом на южном побережье в то время. Ибн Исфандийар ничего больше не сообщает об этом набеге, за исключением того, что эмир «перебил всех разбойников». Наиболее масштабная экспедиция викингов в Закавказье состоялась в

913/914-м гг. Ее обстоятельства известны лучше других по рассказу аль-Масуди, получившем сведения от местного населения. Согласно аль-Масуди, это было первое появление морских разбойников на Каспии, для местных жителей оно стало неожиданностью. Это утверждение необязательно опровергает факт предыдущих походов, так как они были локальными. Поход состоялся вскоре после 300-го года по мусульманскому календарю (912/913-го г.). Историки, анализируя текст аль-Масуди, сходятся на дате похода 913 года. Флот из 500 скандинавских кораблей, каждый из которых вмещал от 50-ти до 80-ти воинов вошел в Керченский пролив, находившийся под контролем хазар. Викинги связались с хазарским царем, попросив у него разрешения пройти по Волге в Каспийское море, предложив за это половину будущей добычи. Царь согласился, так как накануне в 909-м или 912-м хазары в союзе с дагестанскими и нахскими старейшинами воевали с прикаспийскими государствами Дербентом и Ширваном. Через Дон викинги переправились на Волгу, откуда спустились вниз до Каспийского моря. Проникнув на Каспий, они разделились на отряды и начали грабить города на южном побережье. Удару подверглись Гилян, Дейлем, Табаристан, Абаскун. Затем викинги сместились к западному побережью, напад на Азербайджан и Ширван. Аль-Масуди так описывает эти события: «И викинги проливали кровь, брали в плен женщин и детей, грабили имущество, распускали всадников (для нападений) и жгли. Народы, обитавшие около этого моря, с ужасом возопили, ибо не случалось с древнейшего времени, чтоб враг ударил на них здесь, а прибывали сюда только суда купцов и рыболовов». Напротив Баку викинги остановились на соседних островах, где на них организовал нападение царь Ширвана Али ибн аль-Хайтам, собрав местных жителей. Те на лодках и куческих судах устремились к островам, но викинги убили и потопили тысячи мусульман. После этого разбойники оставались на островах в течение «многих месяцев» в окружении следивших за ними окрестных народов. После того, как совершать набеги стало затруднительно, викинги решили прекратить поход и отправились к истокам Волги. Прибыв в Итиль, они выполнили условие договора и вручили хазарскому царю его долю. Однако царская конная гвардия, состоявшая из мусульман Средней Азии, потребовала мести за единоверцев. Царь не смог этому помешать. Ослабленное войско викингов сошло в битве с мусульманами (15 тыс. всадников), к которым присоединилось и местное население, в сражении на суше. Место сражения точно не указано, но можно предположить, что хазарская конница подстерегла разбойников в месте волока судов с Волги на Дон. Битва длилась три дня, в итоге удалось уйти на кораблях вверх по Волге 5-ти тысячам викингам. Остатки, бросив корабли, сошли на берег в стране буртасов (западный берег в Среднем Поволжье), где их окончательно истребили буртасы и волжские болгары. Всего, по словам аль-Масуди, насчитали 30 тысяч убитых, и с той поры до 943-го года (время написания сочинения аль-Масуди) о набегах на Каспий викингов не было слышно. Очередному походу предшествовало гардарико-хазарское столкновение в Причерноморье, описанное в так называемом Кембриджском документе. Около 939-го года гардарейский конунг Хелг (вероятно, князь Олег), подкупленный Византией, захватил хазарскую заставу Самкерц, контролирующую Керченский пролив. Хазарский полководец Песах освободил город, затем догнал и нанес поражение Хелгу. Если верить хазарской интерпретации, Песах принудил Гардарию пойти войной на Константинополь. Из-за неудачи этого четырехмесячного похода (гардарейский флот был сожжен греческим огнем) Хелг будто бы устыдился возвращаться в свою страну и с дружиной отправился в Персию. Этот набег на Византию по описанию совпадает с неудачным походом конунга Гардариинг Ингвара (князя Игоря в современной интерпретации) в 941-м году. Поход в прикаспийские государства в 943/945 гг., упомянутый в Кембриджском документе без даты, довольно подробно изложен восточными авторами по следам свежих событий. Арабский писатель Ибн Мискавейх (начало XI века) определяет дату похода в 943/944-м году, а сирийский историк XIII века Бар-Эбрей сообщил, что набег на Бердаа состоялся «в том же году, когда воцарился Мустакфи, сын Муктафи (халиф аббасидской династии)», то есть в 944/945-м годах. Основной целью похода викингов Гардариинг стал богатый город Бердаа – бывшая столица Кавказской Албании, расположенный на притоке Куры в Азербайджане. Викинги, числом до 3-х тысяч, легко разбили вышедший им навстречу небольшой гарнизон и наспех собранное 5-тысячное ополчение, после чего захватили Бердаа. Грабить город они не стали, а заявили местным жителям, что гарантируют безопасность и свободу вероисповедания, если те будут им подчиняться. Однако сочувствующие

нашлись только среди знати, основная часть жителей подчиняться отказалась. Город, занятый викингами, осадили подоспевшие войска (до 30-ти тыс.) дейлемского правителя Азербайджана Марзубана ибн Мухаммеда, но и он не смог выбить гардарийцев. Завоеватели отличались исключительной жестокостью. Так, чтобы подавить волнения горожан, викинги предложили всем желающим покинуть город за 3 дня. Уйти решились только те, кто имел вьючных животных. По истечении срока гардарейцы перебили большую часть жителей, до 10 тысяч заточили в крепость и предложили выкупить себя. Тех, кто не смог или отказался внести выкуп, убили. Из-за выступления мятежников на юге правитель Марзубан был вынужден уйти с войском в Сирию, оставив для блокады Бердаа 4 тысячи воинов. В стане викингов вспыхнула эпидемия желудочного заболевания с большой смертностью среди них, и они приняли решение отступить. Под покровом ночи они покинули город, взяв всю добычу, какую смогли унести на плечах, и угнав часть женщин с собой. Затем гардарейцы достигли своего лагеря на Куре, где сели на корабли и ушли в свою страну. Всего они провели в Бердаа полгода, оставив его безлюдным и опустошенным. Около 960-го года хазарский царь Иосиф в письме к сановнику Кордовского халифата в будущей Испании Хасдау ибн Шафруту отметил, что ведет с гардарейцами «упорную войну», не пуская их в море и по суше к Дербенту, иначе они, по его словам, могли бы завоевать все исламские земли до Багдада. Под контролем хазар находились и другие ключевые цели экспансии викингов: Керченский пролив и Подонье. Эти обстоятельства сделали неизбежным открытое столкновение между Гардарией и Хазарией. Оно разразилось во время конунгства Свендослейва (князя Святослава). Поход гардарейцев, возглавляемый Свендослейвом, начался в 965-м году. В ходе военных действий викинги разбили хазарское войско во главе с каганом, захватили г. Саркел, подчинили ясов и касогов (предки кабардинцев) в Прикубанье, разграбили города Итиль, Семендер, вышли на территорию страны буртасов на Волге, взяли штурмом г. Булгар. Хазарское население в панике разбежалось, укрывшись на островах реки Волга. Царский двор покинул столицу. Результатом похода стал полный разгром Хазарии. Княжество Гардарика (будущее Киевское княжество), возглавляемое датскими и шведскими викингами, еще не оформилось как Русь. Однако постепенное формировалось гражданское общество из племен, населявших среднее течение реки Днепр. В основном скандинавами привлекались ко двору представители племени полян (антов), отличавшихся высокой культурой. Именно из антов в будущем будут сформированы дворовые люди (дворяне). Анты постоянно помнили о своем происхождении и имя их легендарного царя Уруса (Руся). Себя они называли русами. Именно им было суждено сформировать в будущем русский этнос.

Литература

1. Абу-ль-Хасан Али ибн аль-Хусейн аль-Масуди. Мурудж ад-Дзахаб (Глава XVII). История Ширвана и Дербенда. Текст под редакцией Минорский В.Ф. — М., 1963. С. 192—196, 198—201.
2. Голб Н. Прицак О. Хазарско-еврейские документы X в. — М. — Иерусалим, 2003. ISBN 5 – 93273 — 126.
3. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе, ч. 1. / Древняя Русь в свете зарубежных источников». Под редакцией Е.А.Мельниковой. М. 1999 г.
4. Ибн Хаукаль. Китабсурат аль-ард. (Книга картин земли). Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 38. — Тифлис, 1908. С. 115—116.
5. Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. — Л., 1932.
6. Микаэлян С. Г. История Ширвана и Дербенда X—XI веков. — М., Издательство восточной литературы, 1963.

Адиз Кусаев

История села Шуани и шуанинцев

По следам одной этнографической ошибки

На месте, где сегодня находятся села Большие и Малые Шуани (с 80-х годов с. Малые Шуани стало называться Чаройн-Мохк), люди жили с незапамятных времен. Это подтверждается данными ученых, археологов и этнографов. Так, в топонимии с. Большие Шуани до сих пор сохранились названия местечек, где в древности жили люди. Например, Чуьрча ирзие (Внутренняя поляна), где часто находят орудия каменного века: скребла, каменные топоры, «мастерские» древнего человека (в которых «по-видимому, изготавливались эти предметы жизнедеятельности – А.К.), древнейшие зернотерки¹.

А вот еще топоним: Кожжалгие (или Кожжалган-дукъ – А.К.) – Хребет, на котором обнаруживаются предметы каменного века, стоянки древнего человека². И совсем удивительное местечко Тгерча Шобна (Щит-Шена или Верхний Шена)... Место это носит и другое название – Наьргаш даьхна чох, т.е. Место, где жили нарты. Тут обнаруживаются древние могильники и предметы материальной культуры: каменные топоры, железные мечи, предметы из бронзы и меди, каменные зернотерки, кремневые ножи. Раньше на этом месте (на вершине Кожжалган-дукъ – А.К.) находилось селение Шобна³.

А историк В.Б. Виноградов писал: «Курчавые от буйных лесов горы окружали нас. Мы в Ичкерии, в легендарной Нохчой-Мохк (Страна нохчей – исторический центр вайнахских племен). Археологам юго-восточная часть Чечни известна давно... На месте раскопок собираются люди разных возрастов...»⁴

«Так было, – продолжает ученый, – везде – в Ялхой-Мохке и Ножай-Юрте, в Балансу и Центорое. Так было и в небольшом селении Шуани, где мы сделали непродолжительную остановку.

Через несколько минут после начала беседы с сельчанами научный сотрудник Сераждин Умаров сказал мне, что в семье школьного работника Ш. Курбанова хранятся древние вещи:

– Люди говорят, он давно собирает их...

Встретил нас сам хозяин, невысокий седой человек. Не дожидаясь расспросов, он сказал:

– Знаю, ваш институт пишет историю чеченцев и ингушей. Большое дело. Важное.

И, обращаясь к сыну:

– Принеси-ка все, что у нас есть для них. Покажи...

Вскоре мы уже разбирали коллекцию находок. Здесь наконецники стрел разных типов, несколько монет, среди которых одна серебряная золотоордынского чекана, бронзовые украшения. А что звенит в отдельном конвертике?

Курбанов хитро подмигивает:

– Это для вас, наверное, самое интересное.

С видом заправского фокусника он выкладывает на стол великолепные наконецники стрел и ножевидные пластинки, обработанные мелкой ретушью.

Нам трудно скрыть свою радость. Такие кремневые орудия характерны для всемирно известной так называемой Майкопской культуры (III тысячелетие до новой эры). Их находили при раскопках древних поселений Западного и Центрального Предкавказья. Теперь такие вещи впервые обнаружены и в горной Чечне. Это событие в нашей науке.

А хозяин смеется, довольный:

– Специально в музей ездил, смотрел. Таких нет на выставке. Один только похожий, из Сержень-Юрта.

...Когда следующим летом наш или другой отряд приедет в Шуани на раскопки, проводниками у археологов будут не только эти – отец и сын, но и многие другие.⁵ А копать есть что: на самом высоком месте с. Шуани есть старинное кладбище, заросшее высокой травой, с замшевыми от времени надмогильными камнями...

О древности и развитии с. Шуани и росте и широком расселении шуанинцев в пределах Чечни, Ингушетии и так далее (и даже, возможно, в заграничной Европе. – А.-К.) говорит неоспоримый факт. Этнограф и писатель А.С. Сулейманов писал: «Селение, представляющее собой этническое общество шуной, расположено на

склонах хребта Кожалган-Дукъ... Населенные пункты с аналогичными названиями встречаются в Карачае, Балкарии, Ингушетии, Грузии... Шуоной широко расселились в плоскостных селах, особенно в бассейнах рек Бас и Хул-Хулау...»⁶

Правда, этот список переселений шуанинцев неполный: или информаторы этнографа не знали всего, или он записал не все. Дело в том, что шуанинцы расселились не только в указанных бассейнах, но и в долинах других рек (Гумс, Мичик), на склонах Качкальковского хребта, в станицах и селах Шелковского, Наурского, Надтеречного районов. А в бассейне реки Терек шуанинцами заложены три больших села: Ломаза-Юрт (в Надтеречном районе), Азамат-Юрт (в Гудермесском районе), Акхболат-Юрт (Хасавюртовский район, Республика Дагестан). Населенный же пункт с таким наименованием встречается даже во Франции (смотри название романа великого французского писателя Оноре де Бальзака «Шуаны, или Бретань в 1753 году»)!

Новая и новейшая история с. Шуани начинается в первой половине XVIII века, потому что оно неоднократно упоминается в связи с событиями середины и конца его и Кавказской войны XIX века. Об этом говорят и рассказы старожилков, записанные автором этих строк и шуанинскими любителями-краеведами. О том, что в ходе Кавказской войны село было неоднократно разорено, уничтожено, но снова возрождалось, как Феникс из пепла, или на том же месте, или на новом.

Об одном факте такого варварства и его участнике автор этих строк узнал совершенно случайно. В 1968 году, будучи студентом факультета журналистики Ростовского-на-Дону университета, свое скудное свободное время я посвящал изучению исторических городов этой области. Очередную экскурсию я совершил в негласную столицу Донского казачества – город Новочеркасск, расположенный на невысоком холме у реки Дон. Есть там широкая центральная площадь, на которой стоят памятник Ермаку, казаку-атаману, покорителю Сибири, музей Донского казачества и величественный старинный византийский храм. Возле него, на склоне, опускающемся к железнодорожному вокзалу, – могилы казачьих атаманов, павших в боях и усопших своей смертью. В том числе и участников Кавказской войны, например, могила полковника Бакланова с высоким надгробием. Так вот, по округности его постамент была сделана надпись: «Атаман-полковник Бакланов в годы Кавказской войны принимал участие в сожжении и уничтожении 16 сел Горной Чечни: Шуани, Гордали, Центорой, Ялхой-Мохк... (далее перечисляются все села – А.К.)». И все это ставится в заслугу варвару!⁷

О новом ауле Шуани А.П. Берже пишет в своем подробном списке существовавших и ныне существующих (1859 г. – А.К.) чеченских аулов по течению описанных рек, с указанием главных изменений, которым они подвергались, и с обозначением их населения. Ныне существующие аулы напечатаны в списке курсивным шрифтом...

...В Ичкерии. Р. Аксай. На левой стороне: ...Шуани (всего переислено 11 аулов. – А.К.). Последние пять аулов заселились после прохода наших войск в 1845 году, с тою только разницей, что некоторые из них отодвинулись от Аксая далее в леса...»⁸.

В числе отодвинувшихся «от Аксая далее в леса» было и село Шуани. Разрушенное и сожженное, оно вновь возрождалось, отодвигаясь каждый раз на более безопасное и труднодоступное место. Экспедиции русских войск в Чечню были частыми и многие аулы и селения (в т.ч. и Шуани – А.К.) уничтожались по нескольку раз.

«1852 год, 17–18 февраля – Разорение отрядами под начальством генерал-адъютанта князя А.И. Барятинского аулов по берегам рек Джалка, Хул-Хулау, Гумс...

1852 год, 26 марта – Набег генерал-майора барона Меллера-Закомельского на Мичикские аулы в Чечне...

1852 год, 10–12 августа – разорение отрядом под начальством князя А.И. Барятинского аулов, уничтожение хлебов, посевов в Большой Чечне...

1852 год, 11 августа – Разорение полковником Баклановым аулов Гордали, Шуани и других, его поражение на обратном пути...

1853 год, 17–18 февраля – Экспедиция князя Барятинского в Большую Чечню. Сражение между чеченцами и отрядом князя на р. Мичик и в горах. Разорение аулов...

1853 год, 18 декабря – сражение между отрядами Наиба Талхига и генерал-майора (уже – А.К.) Бакланова у аула Гордали-Юрт. Разорение его»⁹.

Не мог он в этой экспедиции не разорить и аул Шуани, потому что он лежит на пути к Гордали и между ними всего-то километра два расстояния. Это только примеры нескольких эпизодов разорения чеченских аулов в течение одного года Кавказской войны. А сколько их было за все ее годы! Поэтому А.П. Берже еще раз упоминает в своей монографии об ауле Шуани в списке «аулов, выселившихся из гор с 1857 по 1859 годы. Вновь поселены в Большой Чечне аулы, принадлежащие Ичкеринскому

обществу. Среди двадцати сел, расположенных на левой и правой сторонах р. Аксай, назван и аул Шуани с припиской: «Число дворов неизвестно»¹⁰.

По-видимому, это сказано уже об ауле Малые Шуаны. Как происходило и по всей Чечне, количество дворов в Шуани росло, земель, удобных для жизни, стало не хватать, и часть жителей его начала постепенно осваивать другой склон хребта, спускающийся к речке Булкь – так появилось новое село, граничащее по этой речке с землями сообщества Ялхой-Мохк.

Случалось же так потому, что «со второй половины XIX века при закладке нового поселения в горах начали руководствоваться исключительно удобствами для ведения хозяйства. Горные селения стали постепенно «сползать» с недоступных круч в более удобные для жизни речные долины и межгорные котловины, в результате чего появляются многочисленные селения-двойники (Верхние – Нижние, Старые – Новые, Большие – Малые и так далее. – А.К.). При этом новые селения отличаются гораздо меньшей плотностью застройки, но, как и прежде, имеют неправильную планировку, развернутую в вертикальном направлении»¹¹. Так случилось и с селом Шуани – их стало два – Большие и Малые с одним сельским управом.

Случилось это после очередного возрождения села, которое было разрушено и разорено в ходе исторического сражения на хребте Кожалган-дук у с. Шуани в 1845 году, в результате которого окончательно был разгромлен отряд наместника Кавказа и Главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом, генерал-адъютанта, графа М.С. Воронцова, так называемой «сухарной» экспедиции в резиденцию имама Шамиля – в аул Дарго.

Писатель-историк А.А. Айдамиров так пишет об этом: «1845 год, июль – Граф М.С. Воронцов с 3000-й пехотой, с 1200-ми конными и с 22-мя орудиями двинулся на аул Дарго.

1845 год, 10 июля – Разгром колонны генерала Ключки фон Ключенау на подступах к аулу Дарго.

1845 год, 10 июля – Смерть генералов Пассека и Викторова, полковников Ронжевского и Кривошеина на подступах к Дарго.

1845 год, 13 июля – Выступление русских войск из аула Дарго вниз по реке Аксай (Ясси – А.К.) к крепости Герзель-Аул.

1845 год, 14 июля – отряд графа Воронцова достиг аула Шуани. Сражение на Кожалган-дук, между аулами Шуани и Турти хутор. Разгром. Ранение графа Бенкендорфа (Не много ли столь высоких чинов для экспедиции? – А.К.)¹².

Таких больших потерь в одном бою, как в Шуанинском, в царских войсках не было никогда в течение всей Кавказской войны. Историк Юсуп Эльмурзаев (Нохчуа) в своей книге «Страницы истории чеченского народа» (Грозный, 1993) пишет: «В развернувшемся у с. Шуани сражении русские понесли большие потери, были серьезно ранены графы Бенкендорф, Гейде, де-Бальме, князь Эристов, барон Дельвиц, полковники Бибиков и Завальский, но пробить окружение им не удалось.

Даргинский поход завершился полным разгромом русских войск. Только в горах Ичкерии, по официальным данным, русские потеряли убитыми свыше 4000 солдат, 186 офицеров и 4 генерала. Столько же было ранено».

Ну не мог никак граф Воронцов при отступлении из аула Дарго миновать с. Шуани, потому что оно находилось в те годы на перекрестке двух важнейших стратегических дорог горной Чечни, о которых видный русский кавказовед А.П. Берге писал: «По р. Аксай имеются 3 дороги. По левому берегу Аксаа (Ясси – А.К.) (от укрепления Герзель-аул – А.К.) через урочище Мискиит, Шаухал-Берды, Шуани, Гордали и Цонтори в Дарго. Дорога эта известна нам с 1832 года, по левому же берегу Аксаа, вправо от первой (обе эти дороги соединяются у Шуани). По этому последнему пути в 1842 году следовал отряд генерал-адъютанта Граббе, но, встретив здесь непреодолимо препятствие в крутой, глубоко изрытой и лесистой местности, отступил назад в Герзель-аул»¹³.

«Описание дороги от укр. Хаби-Шавдон через Джугурты и высоты Кеттиш-Корт в укр. Ведено. От аула Ялхун-мохк до высоты Кеттыш-корт (у аула Центорой – А.К.) дорога, пройдя 1 ½ в., разделяется на две ветви: (на вершине хребта, на склоне которого расположено было с. Шуани – А.К.): одна отходит влево и на пространстве 12 в. 457 саж. до названной высоты пролегает через аул Гурдалой по гребню лесистого хребта, отходящего от высоты Кеттыш-корт просекою, которая проложена местами на ружейный, но более – на пушечный выстрел. Грунт земли глинистый. Дорога хороша и удобна для вьючной езды»¹⁴.

Эта дорога на вершине хребта между речками Булкь и К1орга-ин встречается у с. Шуани с дорогой от Герзель-аула до Дарго и, пересекая последнюю, уходит по центру села вдоль речки Корга-ин к аулу Саясан. Вот почему, отступая из аула Дарго, отряд

Графа Воронцова и оказался на вершине хребта Кожалган-дук, у аула Шуани, и был блокирован и почти полностью уничтожен чеченцами.

После этого разорения с. Шуани переместилось на вершину одного из отрогов хребта Кожалган-дук и стало называться Тера шена – Верхний Шена. На этом месте до сих пор сохранились следы проживания там шуанинцев – старое кладбище, надмогильные камни, фруктовые деревья, пастбище и так далее.

С Кавказской войной XIX века связана еще одна страница истории с. Шуани. Это – жизнь и борьба за свободу чеченского народа знаменитого предводителя отряда отважных воинов, собранных в селах Шуани, Гордали, Турти-Хутор и других, Уди-муллы. Он был уроженцем с. Шуани и похоронен на старинном кладбище на вершине хребта на окраине Шуани у перекрестка дорог на Гордали, Ялхой-Мохк и Мескеты. Правда, А. Айдамиров ошибочно считает его гордалинцем.¹⁶ Уди-мулла был активным участником многих операций Кавказской войны, сподвижником и соратником наибо имамы Шамиля Ташов-хаджи Саясановского.

Дата рождения Уди-муллы неизвестна, как и дата смерти. Но известно доподлинно, когда он впервые попал в поле зрения русских военных, – в 1836 году. «1836 г., февраль – Первые сведения в переписке русского командования о чеченском предводителе Уди-мулле...» – пишет по этому поводу писатель-историк А.А. Айдамиров.

И упоминает об Уди-мулле не кто иной, как генерал Ф.К. Клюки-фон Клюгенау – австриец, в 1818 году перешедший на службу в русскую армию, направленный на Кавказ, где свыше тридцати лет воевал с горцами, участвовал более чем в ста сражениях, вырос от прапорщика до генерал-лейтенанта; участник Даргинской «сухарной» экспедиции, в ходе которой был ранен в бою на хребте Кожалгин-дук у с. Шуани.

В своих воспоминаниях «Схватка с империей», опубликованных в журнале «Русская старина» (1876 г., №6), он записал в 1836 году: «Перед отправлением в Андию, Шамиль отпустил из Игали в Чечню Ташов-хаджи и Уди-муллу с их партией до 300 человек, но с тем условием, чтобы они прибыли к нему по первому востребованию» (ст. 83).

Генерал упоминает об Уди-мулле еще раз: «Ташов-хаджи по возвращении с партией из Игали в Чечню не предпринял наступательных действий. Он ограничился только распространением шариата и привлечением на свою сторону возможно большего числа чеченцев. Ревностнейшими его сторонниками были : Уди-мулла и Саид-Кадий» (ст. 89).

Воевал он до самой смерти своей от пули кровника-кумыка. О нем еще два раза упоминает А.А. Айдамиров: «1837 г., февраль – По приглашению чеченских предводителей Ташов-хаджи, Уди-муллы, Домбая, Умахана и Оздемира имам Шамиль с отрядом дагестанцев прибыл в Чечню. (Значит, Уди-мулла был лично знаком с имамом и есть гипотеза, что был назначен им одно время наибом некоторых обществ Малой Чечни (Ичкерии). – А.К.)

1837 г., 27 февраля – 1 апреля – Карательная экспедиция генерала Фези в Восточную Чечню. Покорение аулов, расположенных по рекам Аксай, Яман-Су (протекает через с. Ножай-Юрт, впадает в Аксай. – А.К.) и Качкальковского хребта (в т.ч. разорен и аул Шуани. – А.К.).

1837 г., 1 марта – Бой между отрядами генерала Фези и Уди-муллы на берегу р. Аксай у аула Аллерой...»¹⁷

Несколько абзацев отведено Уди-мулле и дана высокая оценка его полководческой деятельности и историками-авторами учебника для 8 класса, которые называют его одним из вождей чеченского народа. Автор статьи в учебнике доктор исторических наук Ш.Б. Ахмадов пишет: «17 октября 1832 года, когда в Гимрах от рук царских карателей погиб Гази-Мухаммад, Ташов-хаджи, считавший себя его мюридом, назвался продолжателем его дела. Он сохранил при себе даже знамя имама и пользовался им в дальнейших походах. Ближайшими сподвижниками Ташов-хаджи были Уди-мулла и Магомед-эфенди»¹⁸.

Упомянув еще раз об Уди-мулле, автор статьи пишет далее, что «с конца 1836 года Ташов-хаджи начал действовать не только в контакте с Шамилем, но и под его руководством. Вскоре он был назначен наибом округа Ауха в Чечне, где был известен под прозвищем «прямоидущего мухаджира» (переселенца). В феврале 1837 года Ташов-хаджи совместно с другим чеченским вождем Уди-муллой приглашает Шамиля с партией мюридов в Чечню «для восстановления между чеченцами шариата»¹⁹.

О том, что в ауле Шуани были и другие почитаемые и уважаемые люди говорит и такой факт. «Начальник Чеченского округа доносил, что беноевцы через посредников обращались к нему и «убедительно просили дозволения поселиться на старых своих местах». В конце мая тот же начальник округа повторно пишет начальнику области, что он к беноевцам послал майртупского старшину Цимако, купца Таша и

Магомед из селения Шони (Шуани – А.К.) уговорить их вернуться к месту их нового поселения»²⁰.

Если еще в 1859 году А.П. Берже пишет, что в обоих селах Шуани количество дворов не установлено, то уже в 1867 году (восемь лет спустя! – А.К.) в «Посемейных списках жителей Ичкеринского округа» «зафиксировано все: и количество дворов в каждом ауле, и число членов каждой семьи мужского и женского пола, и наличие лошадей, коров, овец, улей в каждом дворе. И было в Больших Шуани в 1867 году – 29 дворов, а в них – 116 жителей, а у них – 30 лошадей, 148 коров, 98 овец и 24 улья. И было в Малых Шуани 87 жителей, 19 лошадей, 154 коровы, 395 овец и 35 ульев. Из 116 жителей аула Большие Шуани 57 человек были мужского пола, 59 – женского, а в Малых Шуани – соответственно 43 и 44 человека».

Из этого документа я узнал, например, что моего четвертого деда звали Хасан и что было у него два сына: Акбулат, 70-ти лет и Ханбулат, 60-ти лет. По его году рождения уже можно было, примерно, установить, что, если ему в 1867 году было 70 лет, его отцу было, наверное, в день рождения сына, как минимум, 20 лет, а значит, аул Шуани существовал уже в 1770 году и что в следующем, 2012 году, он может смело отмечать свое 235-летие!

Еще я узнал, что у моего прапрадеда Ханбулата были два сына: Тага (14 лет) и Паша (мой прадед, 10 лет) и четыре дочери: 8-ми, 7-ми, 6-ти и 5-ти лет²¹. От Паши пошла наша ветвь: его сын Куса – мой дед, Джабраил – мой отец. Вообще-то, у Куси было пятеро сыновей моих дядей и две дочери – моих теток. Паша был очень известный в Саясановском районе (упразднен в 1960 году, часть его территории, в т.ч. Б. и М. Шуани, передана Ножай-Юртовскому, другая – Гудермесскому, третья – Курчалоевскому районам – А.К.) личностью, вырос глубоко верующим человеком, единственным был в окрестных селах горцем, совершивший в конце XIX века пеший хадж в святую Мекку, прошедший там в молитвах полгода. Таким же богобоязненным и преданным вере он вырастил сына Кусу, моего деда. Когда его арестовали в 1932 г. вместе со всеми почитаемыми верующими Чечни, Паше было 75 лет. Арестовали его вместе с сыном Кусой. Известно, что несколько дней их содержали в концлагере на окраине г. Грозного, после чего они исчезли бесследно: ни могилы, ни чурта.

Возникает вопрос: почему так мало было в селах жителей и так много вдов, и дворов, в которых жили дети – круглые сироты? Ответ прост: мужчины погибали в боях, а женщины умирали от горя, тяжелейших условий жизни и от болезней. Эта одна из причин. Другая – переезд части дворов (семей) в Турцию, поддавшись лживой агитации о «райской жизни в единоверной стране», которая на самом деле стала адом. И сегодня шуанинцы живут в Турции, Сирии, Иордании.

Есть сведения, что шуанинцы принимали самое активное участие в восстании горцев Нохчамохка (Ичкерии) 1877 года под предводительством Алибека-хаджи Алдамова, что оба Шуани были в числе «47 аулов Горной Чечни с населением около двадцати тысяч человек», охваченных восстанием. Возможно, в числе повстанцев был и мой прадед Паша, которому в 1877 году исполнилось двадцать лет²².

Активно участвовали шуанинцы и во всех событиях, происходивших в Чечне и в XX веке. Так, в тридцатых годах для детей была построена в самом центре села небольшая четырехклассная школа, директором которой назначили моего отца Джабраила, окончившего педагогические курсы в г. Грозном. Рядом с ней вырос небольшой сельский клуб.

В период строительства колхозов в марте 1932 года шуанинцы самое деятельное участие приняли в восстании против насильственной коллективизации. И не только участвовали, но шуанинец и возглавил его. Это событие в истории зафиксировано так: «1932 г., март – Всеобщее восстание в Ножай-Юртовском округе против принудительной коллективизации. Руководство ЧАО вынуждено было признать, что в «округе со стороны ряда руководящих работников наблюдались факты пьянства, взяточничества, мошенничества». Восстание возглавлял житель села Шуани Моцу Салтомурадов»²³. (Во втором томе «Истории Чечни с древнейших времен до наших дней» автор статьи на эту тему, кандидат исторических наук М.Б. Эльжуркаев допустил ошибку, написав: «15 марта 1932 года в ауле Беной избрали нового имама Моцу Шамилева, что не соответствует действительности»²⁴. Избран был Моцу Солтамурадов.

Случилось это так. Когда началось восстание в Беное, Моцу, человек, глубоко верующий, сидел в холбате – специально вырытой в своем дворе глубокой яме, в которую на сорок дней садились верующие, взяв с собой минимум самого необходимого питания. Сидели там безвылазно, проводя время в молитвах, чтении Корана и богоугодных делах. Послышав о том, что Моцу немного понимает в военном деле, и не зная, кому доверить руководство восстанием, беноевцы прислали к нему делегацию с

просьбой помочь им. Получив согласие, восставшие избрали Моцу имамом. Восстание охватило около семидесяти сел Горной Чечни – Нохчмахака, в т.ч. и оба Шуани. Около трех месяцев противостояли восставшие советской власти, но силы и вооружение были неравны, и восстание было жестоко подавлено. Об этой жестокости так писал один из бывших руководителей наркомвнудела (НКВД): «В начале 1930 г. в Чечню были введены регулярные войска и части ОГПУ. Против повстанцев, вооруженных преимущественно «подручными средствами» (палками, вилами, ножами), применялось армейское огнестрельное оружие, вплоть до танков и авиации. На Северном Кавказе в их подавлении (восстании крестьян – А.К.) участвовали вооруженные силы, вплоть до военной авиации»²⁵.

А.А. Айдамиров пишет: «1932 г., май – При подавлении крестьянского восстания в Ножай-Юртовском районе сотни человек убиты, тысячи репрессированы. Среди особо отличившихся – сотрудники ГПУ М. Ушаев, Д. Мурзабеков, А. Козлов, Х. Мочигов. В боях погиб уполномоченный ГПУ А. Козлов, тяжело ранен командир эскадрона милиции Д. Мурзабеков»²⁶.

Был арестован и Моцу-имам. Его отвезли в тогдашний краевой центр Северного Кавказа в городе Ростов-на-Дону, там осудили, присудили высшую меру наказания и расстреляли. И опять – ни могилы, ни чурта²⁷.

В тридцатые годы с. Шуани стало широко известно и тем, что тут были организованы первая в Саясановском районе комсомольская ячейка (Дугу Канзиев) и первое комсомольско-молодежное звено в местном колхозе (руководил им выпускник Владикавказской сельскохозяйственной школы, дядя автора этих строк Минкаил Кусаев). Канзиев Дугу возглавил позже районную комсомольскую организацию, затем стал председателем Саясановского райисполкома. Как лучший организатор работы Советов, участвовал в конце тридцатых годов во Всесоюзном совещании в гор. Москве, встречался с Н.К. Крупской, участвовал в Великой Отечественной войне, в конце 1943 года демобилизован, а в 1944 году депортирован в Ошскую область Киргизской ССР, где до возвращения на Родину работал инструктором Ошского обкома компартии Киргизии.

Активное участие приняли шуанинцы и в Великой Отечественной войне. В 1941–1942 годах из Шуани ушли на фронт около 25 человек, в том числе мой дядя Кусаев Саидбек. Пятеро из них пропали без вести, семнадцать – по ранению и по различным другим причинам были возвращены домой, депортированы и умерли в разные годы. Сейчас в живых нет ни одного²⁸.

Как и весь чеченский народ, 23 февраля 1944 года были депортированы и шуанинцы. В их село заселили дагестанцев, которые переименовали с. Шуани в Шагаду (Саясан стал Ритлябом). Жили шуанинцы, в основном, в Ляйлякском, Куршабском и Кизил-Кийском районах Ошской области Киргизской ССР. Как это происходило, я описал в своих очерках²⁹.

В 1957 году вернулись в родное село. Наладили работу сельского клуба, да так хорошо, что во Всероссийском смотре в 1977 году, посвященном 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, завоевали почетное третье место среди районных и сельских Домов культуры и клубов всей России.

Шуанинская же школа, ставшая средней, славилась успехами своих воспитанников и выходцами из села в области литературы и математики. Директором ее был выпускник Чечено-Ингушского госпединститута Айнди Хамидов, математик по специальности и учитель от Бога – по призванию. Он так увлекательно и интересно преподавал математику, что многие его ученики заканчивали математическое отделение ЧИГПИ и преподавали почти во всех школах Ножай-Юртовского района, а также во многих школах Наурского, Шелковского и Гудермесского районов. Некоторые из них впоследствии стали учеными: Таус Юнусова, кандидат математических наук, Решед Белалов, Саид-Хасан Мусхаджиев и другие.

Село Шуани – единственное в Чечне, пятеро уроженцев которого стали писателями и журналистами: автор этих строк и Шерип Цуруев, Хамзат Юнусов, Малика Дагалаева и Саид-Магомед Косумов. Все они – члены Союзов писателей и журналистов России и Чеченской Республики.

К сожалению, в XXI веке, по причине репрессий двух чеченских войск, из-за многочисленных и разрушительных оползней, села Большие Шуани и Малые Шуани (Чаройн-Мохк) почти полностью обезлюдели. Большинство шуанинцев сегодня живут в Новом Шуани, что в Гудермесском районе, немногие – расселились по другим селам нашей республики.

И, наконец, об одной грубейшей и оскорбившей национальную гордость и достоинство членов тейпа шуоной, входящего в один из девяти чеченских тукхумов –

Нохчмахкахой – жителей «Земли чеченцев – Нохчмохк» (см. М. Мамакаев, С. Дауев, Ю. Эльмурзаев (Нохчуо) и других). Ю. Нохчуо, например, пишет: «Более многочисленная чеченская народность сложилась в результате союза девяти крупнейших этно-территориальных объединений тукхумов: ч1аантий, аьккхий, маьлхий, нохчмахкахой, ч1ебарлой, эрштхой-орстхой, т1ерлой, шарой и шуотой».

И, описывая эти тукхумы, историк продолжает далее: «Тукхум нохчмахкахой состоит из тайпов белг1атой, беной, билтой, билгтой, гендаргеной, т1ордалой, гуной, дишний, зандакьой, ихирхой, ишхой, курчалой, сесанхой, чермой, ц1онтарой, чартой, эг1ашбатой, элистанжхой, энакхалой, энганой, харачой, шуоной, ялхой, Галарой»³⁰.

Совершил эту ошибку человек очень мудрый, с которым я дружил всю жизнь, которого уважал и которому поклоняюсь и сейчас, хотя вот уже около двадцати лет, как его нет с нами. Это – известный писатель и этнограф. Когда он собирал материал для своей книги «Топонимия Чечено-Ингушетии» в с. Шуани и добросовестно записывал подлинное, ему один из информаторов сказал в шутку, что у них в селе был человек острого ума и отчаянный храбрости, которого в знак уважения называли русским словом «джигит» с чеченским произношением «жугут». Был он человеком мудрым, деловитым, хватким и дошлым, умеющим жить. За это и прозвали его в шутку и по созвучию «жуьгги санна, ваха хууш волу стаг», хотя евреев никогда в жизни не видели, а только слышали о них от бывалых людей. Да и как они могли видеть их (даже татов) в маленьком горном селе, не игравшем никакого значения ни в политической, ни в экономической, ни в культурной жизни страны и поэтому не представлявшем никакого интереса для евреев?

Но автор книги принял все всерьез и при написании ее выдал «на-гора» ничем не мотивированный, не подтвержденный никакими документами и фактами плод своей разыгравшейся фантазии в жажде сделать сенсационное открытие. Он ничтоже сумняшеся написал, в каждой фразе противореча самому себе: «Среди шуаноцев имеется тейпа жуьгги. Кроме того, обнаружен «жуьггий тайп», отдельный (!) от шуоной, в плоскостных селениях, признающих себя «аборигенными вайнахами». Таким образом, на территории Чечено-Ингушетии отмечены две этнические группы, признающих себя далекими потомками евреев: шуоной, называющие себя «жуьггий тайпа» (вот тебе и обобщение, хотя предложением ранее автор говорит совершенно о другом – А.К.) и отдельно – жуьггий тайпа, которые не связывают себя генетическим родством с шуаноцами. Это обстоятельство позволяет предполагать, что проникновение еврейского этнического элемента в вайнахский массив могло произойти двумя потоками и разными путями и в разное время»³¹.

Когда после выхода книги к автору пришли возмущенные представители шуаноцев и сказали ему: «Уважаемый! Что Вы делаете? За что оскорбляете нас, незаслуженно обвиняя в том, чего нет и быть не могло?», автор искренне раскаялся, попросил прощения и обещал исправить нелепую ошибку. И сделал это, правда, только восемь лет спустя, когда ложь, утвердилась уже прочно в умах «обрадованных открытию» людей и получила повсеместное распространение. В свое оправдание автор написал в четвертом томе своего труда: «Из писем читателей (значит, было немало и других немотивированно оскорбленных людей – А.К.) стало известно, что в Чечне нет ног1и тайп, но был человек по имени Ног1и в гендарганойском роде. Был Ног1и сильным и смелым человеком, рукой ловил одичавших лошадей, седлал их и обучал. От него пошло целое поколение, которое впоследствии выделилось в отдельный род – ног1ин тайп. Нет и тайпа жуьгги. Среди шуаноцев был человек по имени Джигит. Весьма почитаемый и известный, мужественный и доблестный воин, чем и заслужил уважение одних и зависть других»³².

Исправлена ошибка и в новых, доработанных и переработанных изданиях книги: «Топонимия Чечни (Грозный, 1997)», «Топонимия Чечни» (Нальчик, 2006). Там все описано как есть и как должно было быть в действительности. Но, к сожалению, читатель, по привычке и из любопытства прочитав первую страницу, не удосуживается прочесть вторую – ему неинтересно читать все издание, как говорится, «от корки до корки». Он довольствуется сенсацией, открытием, а соответствует это действительности или нет, ему знать неважно.

Надеемся, что с нашим очерком не произойдет этого, что его прочтут до конца и узнают все правду о с. Шуани и шуанинцах.

Литература

1. Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии в 4-х томах. Т. II. – Грозный, 1970. С. 133.
2. Там же. С. 237.
3. Там же. С. 237.
4. Виноградов В.Б. Через хребты веков. – Грозный, 1970. С. 133.
5. Там же. С. 135.
6. Сулейманов А.С. Указ. соч. С. 135–136.
7. Кусаев А.Д. Полевой материал.
8. Берже А.П. Чечня и чеченцы. – Тифлис, 1859. Переиздание. – Грозный, 2008, С. 40.
9. Айдамиров А.А. Хронология Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1991. С. 61–62.
10. Берже А.П. Указ. соч. С. 127,133.
11. История Чечни с древнейших времен до наших дней в 2-х томах. Т. II-й. – Грозный, 2008. С. 113.
12. Айдамиров А.А. Указ.соч.С. 85.
13. Берже А.П. Указ. Соч. С. 74.
14. Берже А.П. Указ. Соч. С. 236.
15. Айдамиров А. А. Указ Соч. С. 44.
16. Айдамиров А. А. Указ. Соч. С. 44.
17. Там же. С. 44–45.
18. История Чечни (XIX век. Учебник для 8 класса. Под редакцией Ш.Б. Ахмадова). – Грозный. 2007. С. 128.
19. Там же. С. 131.
20. Там же. С. 272.
21. Посемейные списки жителей Ичкеринского округа. – Нальчик, 2010. С. 693–700, 700–706.
22. История Чечни. Учебник... С. 379.
23. Айдамиров А.А. Собрание сочинений в 6 томах. Т.6 Хронология Чеченской истории. Грозный,2005. С. 153–154.
24. История Чечни с древнейших времен... Т. 2,С. 377–378.
25. Там же. С. 378.
26. Айдамиров А, А. Собр. соч... Т.6. С. 155.
27. Полевой материал автора. Запись рассказа писателя М. Мамакаева, бывшего в те годы прокурором ЧАО.
28. Память. 1941–1945. Книга 1-я. – Нальчик, 2010. С. 477–503.
29. Кусаев А.Д. Дорога в неизвестность // Вайнах, №6. 2010; его же – От гор Кавказских до гор Тянь-Шаньских // Столица плюс, 2008, 23 февраля.
30. Эльмурзаев (Нохчуа) Юсуп. Страницы истории чеченского народа. – Грозный, 1993. С. 6/
31. Сулейманов А. А. Указ. соч., Т.2. С. 236.
32. Там же. Т. V. С. 218.

Саид-Альви Лулуев**Слово о достойных людях**

Очерк

С глубокой древности у чеченцев сложились свои представления о свободе личности, способной впитать в себя те качества, которые уважаются в обществе и позволяют называться кьонахами. Менталитет чеченцев таков, что, несмотря на свою религиозность, они кьонахалла ставят на первое место, впереди даже религиозного авторитета. Изучив религиозную литературу и наставления, любой представитель общества может считаться обладателем теологических знаний и религиозным деятелем. Но не всегда они могут стать кьонахами. Кьонах обладает более широким спектром общественно значимых качеств, образующихся на базе безупречного поведения – некий кодекс чести – нохчалла. Поэтому в чеченском обществе всегда ценились и уважались кьонахи, составляющие генетический фонд чеченских традиций и их менталитета. Одним из составляющих этого фонда является яхь – совесть, честь, благородство. «Яхь йоцу к'ант нанас дена ма войла» – говорили в чеченском обществе («Пусть не родит мать бесовестного, безответственного сына»). Кьонах всегда несет ответственность перед семьей, обществом, Творцом. Считалось, что люди, не обладающие этой ответственностью, даже не являются людьми, достойными называться нахами, т.е. потомками легендарного пророка Нохъа (Нуохъа), мир ему. «Нах бац уьш», – говорили о них. Но, как справедливо сказал чеченский этнограф-писатель Ахмад Сулейманов: «Мир держится на достойных мужах – кьонахах». Знать о них значит знать историю своего народа, частицу истории общества.

О таких двух личностях хочу поведать в этой статье. Пусть читатели не сочтут за нескромность мой рассказ. Его героями будут мой отец и дед (Дала геч дойла царна). Я горжусь их именами.

Мой отец Лулуев Саидселим Лулуевич родился в 1913 году перед тем, как чеченская земля стала черной от солнечного затмения. Этот год чеченцы называли годом прихода темноты – «бода беана шо». Из-за этого для жителей Чечни этот год был ориентиром во многих исторических событиях. Такое имя моему отцу дали в честь прибывшего в ту пору в Чечню для проповедей и усиления ислама сына арабского шейха из Мекки Джамалайлы, потомка курайшитского рода.

По свидетельству исследователей и ученых алимов, после ареста эвлияа Кунта-хаджи Кишиева из Илисхан-Юрта, многие его мюриды допускали отклонение от заповедей своего устаза, вводили в вирд не признаваемые самим устазом нововведения. Недовольная этими обстоятельствами, дочь Хаджи из Илисхана-Юрта Эсет увидела сон, в котором ее отец просил ее обратиться к вирдовым и всем мусульманским братьям с просьбой о прекращении искажений его проповедей и введении неодобряемых нововведений в религию. Поэтому, по ее ходатайству и просьбе религиозной общественности, в Чечню прибыло в год рождения отца трое сыновей данного шейха.

Отец был третьим ребенком в семье Лулы и Кулсум – представительницы села Алерой. У него было два брата и две сестры. Он был высокого и крепкого телосложения с большими ногами и руками. Все родственники, знакомые и односельчане уважали его и относились с почтением. Связано это было, прежде всего, с его человеческими качествами: он обладал твердым и решительным характером, был волевым и стойким, прямым и порядочным, справедливым и готовым оказать помощь нуждающимся, внешне спокойным. К его мнению прислушивались, за советом к нему приходили многие. Он прожил малую, но насыщенную трудностями, не всегда объективными или сложившимися необходимостью, жизнь в 64 года. Видать, эти трудности сказались на его сердце, которое их не выдержало, несмотря на его физическую силу. Он был лидером в селе, основной уклад жизни которого основывался на традиционном исламе кадарийского тариката и сельском хозяйстве.

Саидселим окончил редкое по тем временам исламское медресе (хьужар) в селе Нойбера, владел исламской грамотностью и теологическими знаниями. Кроме того,

после окончания 7-ми классов, по рекомендации нашего родственника – знаменитого советского писателя и драматурга – Саида Бадиева и известного чеченского поэта Магомета Мамакаева, с кем он дружил, он в 1932 г. в городе Владикавказ (как он говорил БуритIехъ) окончил рабфак по подготовке учителей истории. В том же году начал работать учителем истории России в родном селе. Вместе с ним начала трудовую деятельность, прибывшая из российской глубинки моя бывшая первая учительница Телегина Таисия Александровна, проработавшая в этом селе почти полвека и имевшая несколько поколений учеников и хорошие отношения с нашей семьей.

Отец был непререкаемым авторитетом в семье, умел доступно и беспристрастно говорить, имел хорошую память и логическое мышление. Не любил фальши, двуличности, неискренности и малодушия. Эти качества он старался привить своим детям и тем родственникам, которых он воспитал в самые трудные времена для всего чеченского народа.

В 1933 году, когда его старшего брата признали «врагом народа», он сумел в московском суде снять с него идеологически надуманный ярлык.

В поселке Хайдаркан Ошской области Киргизии наша семья провела 13 лет в связи со сталинской депортацией. Я родился там, но в силу малолетства не понимал многое. Я часто слышал слово «Кавказ», «Когда нам разрешат поехать домой?» (Вай цIа маца дохуйтур ду те?) и т.д.

Отец хорошо отзывался о соседях. Ими были советский немец Герман и крымский татарин Ибрагим. Жена последнего, Зоя, относилась ко мне и к моим братьям тепло, как к своим. Когда в 1957 году наша семья переезжала на родину, соседи просили нас не спешить: им жалко было расставаться с нами. Но тяга к родине, к ее величественным горным вершинам и природной красоте, память об истоках своего исторического прошлого, глубоко осевшая в сознании, отдавая должный приоритет Кавказу, как к географическому месту, близкому душе и сердцу. Кавказ для отца, как и для многих его соплеменников, не просто благозвучное и романтическое слово. Это райский уголок Земли, где его предки тысячами воспитывали в себе все лучшие человеческие традиции, и главным достоянием края стал своеобразный кодекс чести и морали – нохчалла. И этот кодекс поведения высоко оценен и признан не только кавказцами, но и всеми прогрессивными и аристократическими исследователями. «Кавказ – это трон богов, гора языков», – говорили древние.

Чеченцы – древнейшие обитатели и аборигены этого края. Но волей тех, кто имел сатанинские мысли и цели, т.е. врагами Аллаха, они были депортированы из этого края в бескрайние степи Казахстана и горы Киргизии. «Кавказ без чеченцев – не Кавказ!» – скажет современник этих событий российский этнограф Ян Чеснов.

Аллах милостив и справедлив, Он внушил коммунистическим безбожникам о необходимости исправления ошибочного, неправомерного акта о выселении народа, который, как отмечали многие историки, не был склонен сгибать колени ни перед кем или поклоняться кому-то, кроме Аллаха. Эта непокорность чеченцев служителям сталинско-бериевского сатанизма и апологетам их идеологии с удивлением, сарказмом, но с точностью описал в своей книге «Архипелаг-ГУЛАГ» диссидент и «демократ» А. Солженицын.

Проживая в незнакомых местностях, рискуя часто жизнью, чеченцы проявляли мужество, выносливость, смекалку и умение обходить суровые и жесткие предписания и ограничения властей. Не теряли достоинства и *нохчалла*, оказывали завидную взаимопомощь, выручку, дружелюбие и веру во Всевышнего.

В населенных пунктах часто местные жители не знали, как хоронить усопшего. Их учили на примерах и словами чеченцы. Они видели, как бережно чеченцы относятся к своим традициям, исполнению религиозного долга и т.д. В результате на местах возрождался ислам, крепла дружба. Бывали случаи, когда ислам принимали иноверцы. Например, немец Вилли Вайсерт принял ислам, женился на чеченке и создал безупречную мусульманскую ячейку, дав себе имя в честь имама мусульманской уммы – Мухаммада, мир ему и благословение Аллаха. Это не только пример для подражания, но и богоугодное дело, свидетельствующее о праведности уклада жизни чеченского общества и высокой духовной нравственности вайнахского этноса. В плохой общественный дом соседние представители не приходят. Наоборот, из него убегают.

Тяжелые и непривычные условия в чужой и необжитой земле, холод, голод и болезни

физически ослабляли, а порой и косили чеченцев, и почти половина их представителей погибла.

Физические и умственные данные помогли моему отцу быть материально обеспеченными и выжить. При этом он помог многим родственникам и знакомым. Свидетельством тому служат слова многих жителей Энгельюрта, Ишхой-Юрта, Хошкельды, Хоси-Юрта. Мне было отраднo слышать от них о благородных поступках отца. Отец с большим риском поехал в Казахстан и из Караганды привез мою бабушку с тремя ее сыновьями и дочерью – мать братьев и сестру моей матери. В это время на его иждивении были две его сестры, две племянницы и один племянник. Магомед Аниев, сын его дальней родственницы Ирскики, рассказывал, как отец не бросил его, подростка, и его сестру Хаву, в трудное время депортации и по-отцовски заботился о них.

Жители Ишхой-Юрта Масхьуд, Асвад и Гаца рассказывали, что отец руководил чеченской диаспорой в Хайдаркане, помогал им и словом, и делом, был заступником для них. Однажды, когда местные хулиганы убили чеченца и не позволяли его хоронить, отец взял крымское ружье и с угрозой применения к тому, кто помешает, погрузил тело погибшего на арбу и повез хоронить по мусульманским обычаям. Масуд Ахьядов свидетельствовал, что отец помог многим соплеменникам выжить в депортации, двое его братьев подтвердили это.

Энгель-юртовец Нурсолта Касабаев говорил то же самое и рассказывал, что до выселения четыре года Саидселим работал у них в селе учителем, он был его учеником. Это я знал и по рассказам односельчан Адама и Абусупьяна Ахмадовых, Бучу Дугаевой и других. В ту пору он дружил с Решедом Абдулхаджиевым, отцом поэта Шаида Рашидова, Алавди Хайгаевым и другими передовыми жителями села и активистами.

Любопытен и такой факт. В конце XX века, оказавшись на похоронах в с. Алерое, я соблезновал об умершем. Узнав, кто я, один из старожил села, ровесник моего отца, пригласил меня сесть рядом с ним. Рядом с ним сидели ветеран ВОВ 1941–45 гг. Салвади Джанаев, уважаемый в регионе алим Хусейн Тумхаджиев и другие.

«Вот что я хочу рассказать, – начал он. Было это осенью 1964 года. Желая очернить «политику» Хрущева, в то время его противники стали издавать антинародные законы. Запрещалось держать в домашнем хозяйстве живность, кроме одной коровы и трех-четырех кур. Несоблюдение запрета каралось властями Советов изъятием в пользу государства этой живности. Для сельских жителей Чечни это было смерти подобно, ибо основным занятием населения было животноводство, земледелие. Для этого, особенно в горных, труднодоступных местах применялись мулы, лошади, ослы (варраш) и быки (стерчи). Без них невозможно было достойно и сыто жить. Стараясь угодить начальству, чиновники на местах пытались проводить в жизнь эти законы и часто вступали в конфликт с местными крестьянами.

Однажды в наше село приехала комиссия из Грозного для проверки исполнения и соблюдения указанного запрета. Конечно, сельчане по мере возможности подчинялись запрету и освобождались от коз, баранов и лишних коров, делая прирезку или другим приемлемым способом. Получив нужную мзду, составив необходимый акт, комиссия собиралась уехать. Ее провожал работник нашего сельсовета. В это время недалеко от сельского магазина, на месте изгиба речки Мичик, они встретили человека на коне. Этим всадником был твой отец. Его мать была родом из нашего аула, и у него было множество родственников по линии матери. Видать, он посещал Алерой в целях навестить их: он же не знал, что в этот день в село прибыли высокие чиновники власти. Когда застигнутый врасплох и разозленный алеровец начал его ругать непристойно, Саидселим подозвал его к себе поближе. Тот, не зная его намерения, подошел ближе, и всадник одной рукой взял его за затылок, поднял до уровня высоты коня, швырнул, как щепку, к обочине дороги и сказал: «Теперь, как собака, лай там, пока не доберешься наверх!»

Старец одобрительно рассказал о случае, очевидцем которого был, и сказал: «Вот таким сильным и смелым был твой отец. Его знали и уважали многие жители нашего села, да простит его Аллах».

Очевидцем проявления таких качеств у отца был многократно и я. Он всегда был примером для меня. Я видел, как достойные люди – в их числе были Нашхоев Манца,

отец журналиста Руслана, Бердукаевы Бугри и Джамалайла из Шали, Сату из Урус-Мартана, Хасаев Салах из Ишхой-Юрта, Тумхаджиевы Ваха и Саид-Альви из Алероя, Солт-Ахмед из Кошкельдов, Джабраил Кадыров из Центороя (Хоси-Юрта), его односельчанин Дардаил и многие другие приезжали к отцу в гости, и сам он гостил у них. По их прибытию к нам в гости приходили наши односельчане Герихановы Адам и Увайс, Дураев Лечи, Музаев Магомед, Солтмурадовы Алауди и Мовлади и другие. Они долго, иногда до утренних петухов, сидели и рассказывали о жизни, о прошлом, об истории чеченцев, их героях: Адин Сурхо, Жумин Акхтуле, Таймин Бибулате, Ахмеде Автуринском, абреке Зелимхане.

Слушая их, и у меня появилась тяга к истории, любовь к национальным героям, интерес к литературе. Янарсаев Халим, участник ВОВ 1941–45 гг., полковник, советовал мне записывать все, что услышу от интересных людей, а также все, что вычту из интересных книг. В 10–12 лет я завел тетради, куда заносил «хорошие книги, прочитанные мной».

Отец был прекрасным рассказчиком, знал много народных пословиц и поговорок. Он часто приводил слова Ю. Янарсаева и говорил: «Юша говорил... то-то». «Юша говорил: «Стеган деше ла ма догла, дешан юлкхе ла догла!» (Не слушайте слова человека, а внимайте в их значении и подоплеку!) Уже в зрелом возрасте я понял, что действительно важно не то, что сказано, а как и для чего. По рассказам отца, Юша Янарсаев был мудрым, прозорливым, авторитетным и уважаемым человеком не только в селе, но и во всей Чечне. «Из тайпа къонахи к'езиг хилла вайн махкахь», – говорил отец. (Таких достойных людей, как он, мало было в нашей стране).

На съезде народов Терека он был избран руководителем чеченской делегации, направленной в Москву для обращения к вождю пролетариата В.И. Ленину с просьбой оказания, как принято сейчас называть, гуманитарной помощи. Истерзанная жестокой войной против деникинцев и разоренная бандами Бичерахова, голодная Чечня утопала в крови и нужде. Много селений было сожжено, не хватало продуктов питания, жители бедствовали. Благодаря дипломатическим способностям и умению объективно и доходчиво преподнести обстановку, Ю. Янарсаев выполнил миссию, возложенную на него, и вернулся в республику с эшеленом промышленных товаров и продуктов питания и всем тем, что необходимо беднейшим слоям крестьян и рабочих. Об этом факте знают немногие.

В той поездке Ю. Янарсаев решал многие вопросы, связанные с Гражданской войной и установлением советской власти в Чечне. О них не сообщается ни в одном учебнике или другой литературе как советского, так и постсоветского периода. А ведь до недавнего времени Ленин и его деятельность освещались в возвеличенном виде.

Ю. Янарсаев привез из той поездки памятное фото, снятое на Курском вокзале с Лениным, и двенадцатизарядное ружье с дарственной надписью: «Красному революционному стрелку – Луле Канаеву» (фамилию записали искаженно – отцом Лулы был Хана).

Сам Лула был решительным и отважным воином, метким стрелком. Он был помощником Ю. Янарсаева и внес большой вклад в установление советской власти на Тереке, в оказание сопротивления деникинцам в Гудермесском районе. Он дружил с выдающимися людьми того времени, помогал абреку Зелимхану, имел хорошие отношения с Соип-муллой и Юсуп-хаджи. Когда у последнего спросили, годно ли к употреблению мясо птицы, подстреленной охотником, он ответил: «Годно, если стрелявшим охотником был Лула из Нойберды. Он и къонах, и иччархо».

По просьбе Ю. Янарсаева, Лула сопровождал Серго Орджоникидзе, для обеспечения безопасности, из Хасавюрта в Моздок. В то время это было высокое и ответственное поручение.

Юша принадлежал к крупному и древнему чеченскому роду чартой из именитой семьи, был братом матери Лулы. Вместе с двоюродным братом Шейх-Ахмедом Аюбовым, племянником Юши, Лула совершил налет на белогвардейский штаб подразделения деникинских войск, находившийся на железнодорожной станции Кадий-Юрт. В результате этого налета им удалось захватить два пулемета «Максим», которые они вдвоем успешно использовали в борьбе с противниками. Применяя тактические маневры, в 1919 году они спасли свое село от жертв и сожжения деникинцами. Отец рассказывал, что этот пулемет был сдан представителю Красной Армии, когда Луле

вручили вышеуказанную винтовку. Последняя была изъята у Лулы в 1936 году, во время ареста Лулы палачом чеченцев, чекистским зверем М. Колесниковым. Однако, благодаря другому представителю власти, Егору Порванцову (Жорке), Лула был освобожден из-под ареста. Вмешательство последнего помогло Луле избежать более серьезных и непредсказуемо негативных последствий.

Лула и его брат Гада были зажиточными, уважаемыми людьми. У Лулы был большой земельный надел на территории от современной улицы Садовая в Нов. Нойберах до трассы, идущей в сторону Кади-Юрта; большое количество крупного рогатого скота и другой живности. Это послужило основанием для его ареста как «кулака» и «врага» советской власти. Е. Порванцов знал о заслугах Лулы не понаслышке. Он прибыл в республику задолго до революции – по направлению партии большевиков. Жил он у Ю. Янарсаева, знал чеченский язык и дружил с Лулой. Позже, занимая высокий должностной пост, он специально пригласил моего отца в Махачкалу и, рискуя жизнью, сообщил ему о предстоящей депортации чеченского народа. Этим он не только подготовил отца к вынужденному переселению, но и показал верность дружбе, закаленной в борьбе с несправедливостью. Ведь поддержка чеченцами большевиков была связана с тем, что они видели, знали и помнили ту жестокость, обман и несправедливость, которые творило царское самодержавие в их отношении.

После покорения Кавказа лучшие земельные угодья чеченцев передавались казакам. За время Кавказской войны (60 лет противостояния) чеченский народ сократился до критической отметки – более чем в 10 раз. В кабардино-балкарском литературно-художественном журнале, подобном нашему «Вайнаху», за 1990 год я читал, что население Чечни и Кабарды сократилось в 10 раз и составляло соответственно 170 000 и 80 000 человек. Представляется, что это приблизительные цифры, ибо перепись населения не проводилась. Однако следует признать, что эти цифры максимально приближены к реальным. По данным некоторых исследователей, численность чеченцев к началу войны (1816 г.) составляла 1,5 млн. человек, а к моменту ее окончания осталось всего 150 тыс. человек, т.е. 1/10 часть населения (см. «Кавказ», № 267: Словарь Гранат. (М. 1940 г., т. 58 с. 184).

Вот что пишет Рогов в журнале «Революция и горец», №№6–7, 1931 г.: «Население Чечни только за три года (1847–1850 гг.) уменьшилось (сократилось) с полутора миллиона до 700 тыс., а потом семисоттысячное стало четырехсоттысячным». В разных источниках цифры не всегда совпадают. Некоторые авторы умышленно занижают численность народа, чтобы уменьшить число истребленного и уничтоженного кавказского населения. И все же численность чеченцев к началу Кавказской войны у многих авторов не ниже 1,5 млн. человек. Кроме того, в памяти народа, к началу революции 1917 г. было 10 (десять) малых депортаций.

«Первая депортация началась после подавления движения Шейха Мансура в 1792–1795 гг. и ликвидации Северо-Кавказского государственного объединения.

Вторая частичная депортация чеченцев в Сибирь была в 1831–1832 гг. после разгрома повстанцев чеченского государства во главе с Бейбулатом Таймиевым.

Третья частичная депортация чеченцев в Сибирь проводилась царизмом в 1836–1837 гг. после разгрома отрядов сопротивления Имамата под предводительством имама Чечни Ташов-хаджи Саясановского.

Четвертое массовое выселение чеченцев из родных мест осуществлено с 1849 по 1859 годы.

Пятая крупномасштабная депортация царским самодержавием произведена в 1859–1861 гг. в Россию и Турцию после пленения Шамиля, завоевания Северо-Восточного Кавказа и упразднения государственности Имамат Чечни и Дагестана.

Шестая депортация чеченцев в Сибирь проведена царизмом в 1863–1864 гг. после подавления Аргунского восстания во главе с Байсангуром Беноевским, Султанмурадом Беноевским, Агаби Агаевым, Ума Дуевым, Дадой Залмаевым и др.

Седьмая массовая депортация чеченцев была осуществлена царизмом в Россию в 1864–1866 гг. после окончания Кавказской войны. Царские агенты во главе с генералом Мусой Кундуховым спровоцировали массовое переселение чеченцев, в том числе и орстхоевцев (карабулаков), в единоверную Турцию. В этот период был арестован и сослан в Россию выступивший с проповедями непротавления злу насилием шейх Кунта-хаджи Кишиев. Его сподвижники (зикристы-мюриды) были сосланы на каторгу в Сибирь. (Всего было

переселено 5 тыс. чеченцев и ингушей и 200 тыс. карабулаков. – Л.С.)

Восьмая депортация чеченцев в Сибирь и Османскую империю была организована в 1878 году после жестокого подавления восстания под руководством Алибек-хаджи Алдамова. Приказ командующего войсками Терской области гласил: «Беспощадно уничтожить все и всех...» (Казнены были видные деятели сопротивления и сподвижники Алибека Алдамова – племянника Геза-хаджи Зандаковского. – Л.С.)

Девятая депортация чеченцев была проведена после подавления крестьянских выступлений в Чечне и Ингушетии в 1906–1911 гг.

Десятая массовая депортация чеченцев началась в конце 1913 года после убийства абрека Зелымхана Гушмазукаева из Харачоя» (см. Д. Гакаев. «Очерки политической истории. XX век» – М., 1997. С. 48–49).

При таких обстоятельствах нетрудно понять, почему вайнахи отдали свои симпатии большевикам и выступали против царизма. Они не знали, что новая власть безбожников с еще большей силой и масштабностью продолжит депортации и другие экзекуции по их уничтожению. Они не поверили видному просветителю Тапе Чермоеву, выходцу из бильтовского рода из села Хошкельды (Гудермесский район), что большевики обманывают их красивыми лозунгами и лестными призывами. Так и вышло. По мнению Д. Гакаева, было еще шесть депортаций. А среди них, невиданная в истории человечества по масштабам и жестокости депортация – в 1944–1957 годах. Но вайнахи вынесли ее, не потеряли единство и веру.

В 1957 году отец с семьей вернулся на Родину. Он предпочел принцип: «Лучше дома быть пастухом, чем на чужбине князем». Я помню, как плакал, боясь садиться в самолет. Сестра Рехант подняла меня на руки и сказала: «Если бы ты знал, куда повезут нас на этом самолете, ты бы не плакал, а радовался. Мы летим на Кавказ».

Когда приехали домой, в село Нойбера, это село называлось Суворов-Юрт. Дом отца занимала семья лацка, по имени Мама. Три месяца мы жили во дворе, затем отец выкупил свой же дом, и Мама уехал в Дагестан, оставив собаку, которая долго служила нашей семье.

Кто из чеченцев не знает знаменитую песню «Тоска по Родине» в исполнении Турпала Джабраилова на стихи Мохмад-Салаха Гадаева, племянник которого был моим другом. Так же с Родиной встретиться мечтали и все чеченцы. А М.-С. Гадаев выразил эту мечту красиво и талантливо. Мечта вайнахов сбылась в так называемую «хрущевскую оттепель». Чеченцы говорят, что «жима хьакха, йоккха хьакха – цхьа терра ши хьакха ю». Это подобие поговорки «Два сапога – пара».

Хрущев и Сталин – два высокопоставленных представителя одной партократической и безбожной системы. Хрущев представлял меньше зла, чем Сталин, но ставить памятник ему в Грозном не следует. Об их партократической системе и технологии власти хорошо писал знаменитый чеченец Абдурахман Авторханов. В этой системе, проводившей народоубийство в СССР и убийство национального сознания в технологии власти, немалую роль сыграл наряду со Сталиным и Н.С. Хрущев. Правота сказанного подтверждается и тем, что после возвращения чеченцев из высылки полная реабилитация чеченцев не состоялась. Закон «О реабилитации репрессированных народов» не претворен в жизнь и остается мертвой схемой, формально реабилитирующей чеченцев и не восстанавливающей нарушенные права и справедливость.

Чеченцы были вынуждены бороться против безнравственной идеологии и преступной деятельности советской власти – против коллективизации, против атеистов, разрушавших мечети, против попыток их разоружить, против народоубийства. Признание сталинского режима преступным дает право называть политическими борцами, сопротивляющимися этому режиму, и абреков Хасана Истамулова, Хасуху Магомадова, Моцу Исрапилова, Майрбека Шерипова и других.

Мой отец рассказывал, что в 1937 г. его и двух его односельчан вызвали в сельсовет и предложили подписать постановление о признании их врагами народа. Эти односельчане, Адам и Балавди, подписали документ, будучи неграмотными и не понимая смысла. Когда отец отказался подписывать протокол, его перевели в соседнюю комнату и, наставив пистолет к виску, потребовали под угрозой убийства подписать. Он был уверен, что его все равно убьют, и не хотел оставить в истории документ, указывающий, что он враг народа, ведь он приходился сыном человеку, отдавшему свои силы и знания за эту власть, «власть народа», и он не мог быть его врагом. Он

слышал, как избивали и под пытками заставили подписать аналогичный документ его односельчан и требовали повлиять на него. До него доносилось: «Саидселим, подпиши бумагу, иначе нас всех расстреляют». Не добившись своего, отца отпустили, односельчан куда-то увезли. Позже он узнал, что их расстреляли как врагов народа. Так обращалась «власть народа» со своими сынами.

В 1970 году старожил села Нойбера Усман Бачаков рассказал, как однажды, в его молодые годы, он с напарником, стоя у родника рядом с мечетью, беседовал с девушкой: «В это время рядом проезжал фургон, управляемый Лулой. С ним был русский товарищ, которого звали Жорка. Их фургон был полон дичи, отстрелянной на охоте. Когда фургон поравнялся с нами, ко мне подошел Лула и сказал:

– Усман! Дай-ка я проверю, достиг ли ты возраста, чтобы жениться.

Сначала я не понял, что он намеревается делать. Он подошел еще ближе, в руках у него была винтовка. Он взял из-под ног кукурузный стебель, воткнул его между моими ногами в землю и приказал не двигаться. Лула был старше меня, слыл в селе человеком слова и дела. Я не мог ослушаться его, да и не мог осрамить себя, показав страх: тогда из села ни одна девушка не вышла бы за меня, посчитав трусом. Лула показал нам пять патронов и сказал, что он выстрелит в этот стебель и, если на нем не будет пяти дыр, он никогда в руки не возьмет ружье. После этого он отошел в сторону на двести-триста метров и стал целиться в мою сторону. Малейшая ошибка Лулы и мое неправильное поведение грозили мне лишением жизни. Я очень волновался и стоял как вкопанный. Чуть подальше стояли и наблюдали за происходящим его друг с нашего села, Исмаил Мусиев, живой и поныне, а также иччархо (стрелок) из нашего села Гага и другие их ровесники. Конечно, я не был рад, что этот эксперимент на точность проводился с моим участием. Я слышал пять выстрелов, старался не показывать свое волнение, боялся осуждения и не двигался. Когда стрельба прекратилась, проверили «мишень», я радовался, что ни одна пуля не задела меня, а на стебле было пять равномерно расположенных дыр. Это был уникальный факт! Так мог стрелять лишь уверенный в себе великий стрелок. Все очевидцы увиденным были восхищены. Лицо Жорки светилось улыбкой. По всему было видно, что он, как и другие, был доволен. Жорка дружил с Лулой, разговаривал на чеченском языке с акцентом. Он взял стебель, покачал головой и сказал: «Когда вижу таких парней, как Усман, которые не боятся пуль, мне становится ясно, почему так долго длилась Кавказская война, и как много в ней погибло царских солдат от метких выстрелов таких джигитов, как Лула». Я был рад, что именитый революционер и уважаемый кьонах похвалил меня наравне с Лулой.

После революции Лула часто бывал на свадьбах молодых, а в споре стрелков ему не было равных и он никогда и никому не проигрывал. У него хранилась коллекция монет, продьявленных им в спорах, соревнованиях лучших и именитых стрелков. Зря и не по надобности он не стрелял, был примером во всем. Надо брать пример с таких людей и помнить о них».

Сегодня тенденция к возвращению сталинского режима и его «порядка» не снизилась, а отчетливо проявилась в общественном опросе по поводу выбора «имени России». А ведь состояние массового сознания серьезно влияет на развитие страны и демократию. Любое авторитарное развитие государства убивает демократию. Нельзя предпочитать регламентацию, не позволяющую надеяться на защиту от произвола сильных – власть имущих. Люди нуждаются в силе закона и права. Я рад, что сталинский режим и его «порядок сильной руки» канули в лету, благодаря чему появилась в том числе возможность написать эту статью. Ведь мы должны помнить историю своего народа, знать о судьбах личностей, ее составивших.

Арби Вагапов

К происхождению некоторых чеченских названий рыб, земноводных и связанных с ними понятий

В силу примитивности человеческого мышления современные соотношения и пропорции, существующие в мире, обычно принято переносить на историческое прошлое. Об этом хорошо сказал в свое время казахский поэт Олжас Сулейменов в книге «Аз и Я». Так, чеченский народ, насчитывающий чуть более миллиона человек, по представлению этого самого обывателя, в том числе и обывателя от науки, не мог иметь историю большую, чем он имеет ее сейчас. Находясь на ограниченном пространстве, меньшем даже современного, он должен был находиться, по мысли большинства исследователей, под сильным и благотворным влиянием старших братьев в лице грузин, аланов, тюрков, варягов и других «богоизбранных народов». Это животворящее влияние, по их мнению, отражается в чеченском языке через многочисленные лексические заимствования из соседних языков. Например, из грузинского «заимствованы» слова *вир, котам, лом, мерцхалг, эмкал; херх, хох*; из аланского – *хусам, хуорд, хуонс, бере, терхи*; из тюркских – *гум, глаз, глала, бел, сом, сарамсекх, сеглаз, саза, чабакх, ирглу, яй* и т.д., и т.п. Однако на проверку оказывается, что в этих вопросах не все так просто и гладко, как было принято считать с культурно-исторических позиций старших братьев. Постараемся показать это на примере этимологии некоторых чеченских названий рыб и связанных с ними понятий.

1. Общее название «рыбы» звучит в чеченском языке как **члара** [č'āgə], с него и начнем наш разговор. Это общенахское слово, представленное во всех языках нахской группы (ингушское *чкьябра*, цова-гушинское *члара* – «рыба»), насколько нам известно, до сих пор никем не этимологизировалось. В других кавказских языках эта основа не обнаруживает соответствий, поэтому мы сближаем ее с слав. *ščegiti – «скалить зубы, оскаливаться»: рус. *щерить, ощерить(ся)* «сильно рассердиться», укр. *шкрити*, бел. *шкериць* – «скалить(ся)» (Фасмер IV 504). Учитывая многочисленные славяно-нахские лексические параллели, обнаруженные нами в последнее время, можно предположить, что и созвучие нах. č'q'ega – «рыба» и слав. *ščegiti – «скалить зубы, оскаливаться», не является случайным. Рыба получила, видимо, название по характерной манере дышать, как бы лоя воздух ртом. Эта характерная черта рыб отмечена также М. Маковским: «Давно было замечено, что рыбы производят типичные движения рта и жабр при дыхании» (5: 138). В качестве типологических примеров можно привести следующие факты:

- 1) лит. žiobris – «род рыбы» при рус. *жабра* – «рот, пасть»;
- 2) древневерхненем. gura – «налим» при лат. gubeta – «жаба» («большеротая»);
- 3) лит. žuvis – «рыба» при лит. žiovaui – «зевать»;
- 4) слав. *зьвь – «рыба» рус. *зев, зевать* (8, 3: 525).

К соответствию в начале слова рус. -шк – чеч. -чкь можно указать также на рус. (терск.) *шкора* – «древесная кора» – чеч. *чкьуор // чуор* [č'q'uor // č'uor] – «кора, шкорка, кожаца» (8, 4: 450).

2. По современным научным представлениям, чеч. **саза** – «сазан» (инг. *саза*) считается заимствованным из тюркских языков, ср. турецк., казах. *сазан* «сазан, карп», чуваш. *шаран* – «сазан, карп» < *сазан (8 III: 545; 8 IV: 407). Из того же источника объясняют и калм. *сазан*, рус. *сазан*. Недавними заимствованиями из русского языка следует считать, видимо, кум. *сазан*, карач.-б. *сазан* – «сазан». Строго говоря, этимологию *сазан* нельзя считать окончательной до тех пор, пока не будет установлена внутренняя форма слова. Насколько нам известно, на материале тюркских языков этого еще не сделано. Напротив, нахский материал позволяет увязать основу *сазан* с чеч. *сазз* – «ил», *сазз-латта* – «желтая глина», *саццлар* – «глина» (< *саззар), *суоз йу* «тягучее вещество (тесто, клей и т.д.)». За пределами нахских языков сходные основы отмечаются также в кум. *саз* топуракъ, карач.-балк. *саз топракъ* – «глина». Однако структурно-семантический анализ нахского материала (ср. чеч. род. п. *сāзин* – «сазана», *сāзин* – «ила, из ила», *суозан* – «из тягучего вещества») не позволяет отнести чеч. *сазз* к тюркским заимствованиям. Скорее в пользу нахского, а не тюркского происхождения основы *саз // *суоз свидетельствуют также и данные индоевропейских языков, в частности, этимологически темные англ. *size* – «клей, шлихта; проклеивать, грунтовать, шлихтовать», *seize* – «хватать, захватывать; застревать», др.-инд. *saj-* [saž] – «приставать, прикрепляться; застревать, вязнуть», и.-е. *seg' (?).

Семантический анализ рассмотренного материала приводит нас к заключению, что сазан получил название по следующим характеристикам. Во-первых, жир этой рыбы обладает исключительной липкостью: когда ешь жареного сазана, пальцы буквально слипаются (ср. чеч. суоз, англ. англ. size – «клей, клейкое вещество»). Во-вторых, *сазан* обычно водится в илистых местах, а в летний период, когда водоемы сильно мелеют, он зарывается в ил (чеч. *саз*), где часто вязнет!

Таким образом, чеч. *саз-члара* // *саза* – «сазан», тюрк. *сазан*, вероятно, восходят к нахской диалектной форме род. п. *саз-ан* от *саз* – «ил, вязкая глина».

3. Чеч. *иргIу* – «порода крупной рыбы; осетрина». Собственно чеченское. Сопоставляют с осет. *аергъай* – «лосось», каб. *аргъей* – «акула», тюрк. *аргъан*, кумык. *иргъай* – «осетр». Учитывая предполагаемую связь основы «осетр» с «острый», на почве нахских языков может быть объяснено как *ир-глав* – «остротелая (рыба)». Фонетически *глав* – «стан, корпус, торс» (> *глов* > *глюо*, ср. мн. *иргIуош*) может чередоваться с *глай*, аналогично чеч. *гIув* // *гIуй* – «засов», *нув* // *нуй* – «веник», *нав* // *нуой* – «судно; корыто». Возможно, не случайно и сходство с годоб. *ирхъва* – «штук, стрела, жало».

4. Чеч. *йай* – «рыба сом». Из нахских языков документировано только в чеченском. Вероятно, связано с нах. *йай* – «котел, кастрюля», восходящему, как нам представляется, к нах. *гай* – «живот, брюхо» (от **гаг*, см. ниже). Рыба получила название по большому размеру. Из нахских языков слово проникло, видимо, в адыгские (каб. *джей* – «кит» < *гвей*, адыгейск. *джайэ* – «сом» < *гъайэ*, абазин. *гъей* – «кит»), и тюркские языки: кум. *ййын*, татар. *жаен*, казах. *джайын*, кирг. *джайын*, джаян – «сом», «рыбообразное морское чудовище». Осетинское (дигор.) *гайа* – «морское чудовище», «кит» считается заимствованным из адыгских языков, однако может быть и нахским субстратом. Типологически ср. 1. чеч. *кит* – «бурдюк, презр. брюхо», готск. *qithus* – «живот, чрево», др.-англ. *swith* – «живот» при рус. *кит*, греч. *китос* – «кит»; 2. чеч. *лежга* – «мех, бурдюк; презр. брюхо, пузо» при рус. *лежах* – «кит».

Рус. *сом* практически не имеет этимологии, потому что для ее основы до сих пор не установлено мотивирующее значение. Это дает нам основание предложить свою версию происхождения этого слова. Сопоставление значений чеч. *йай* – «сом», *йай* – «котел», тюрк. *йй* // *джай* – «сом; рыбообразное чудовище», осет. *гайа* – «морское чудовище, кит» наводит на мысль о том, что рыба сом получила свое название по большим размерам. Тогда формально сом можно попытаться связать с чеч. *сомма* // *стомма* [*сом* // *том*] – «толстый», греч. *soma* – «тело, туловище». Наличие латыш. *sams*, генетически родственного рус. *сом*, лишь подтверждает наше предположение, ибо чеч. *сомма* закономерно восходит к первоначальной форме *самму* – «толстый».

5. Чеч. *чѣбакх* – «лещ, чебак». Вайнахское: инг. *чабакх*. Наряду с лак. *чавахъ* – «рыба» считается заимствованным из тюркских языков: карач.-балкар. *чабакъ* – «лещ, чебак», татар. *чабак* – «плотва», казах. *шабак* – «лещ». Интересно отметить, что в ближайших тюркских языках – кумыкском и азербайджанском – это слово отсутствует. Поэтому не лишне отметить, что в плане дальнейшей этимологии основа *чѣбакх*, возможно, связана с чеч. *чIана* – «плоский», афган. *чанэх* – «с плоской стопой», ср. типологически рус. *плотва* при греч. *platys* – «плоский, широкий», рус. *лещ*, лтш. *leste* – «лещ, камбала» при лтш. *less* – «плоский». К фонетическому чередованию *б* // *п* можно привести также и другие примеры, такие, как: чеч. *чIоб* // *чIоп* – «выпь», старочеч. *чун* – «чуб» = рус. *чун* // *чуб*.

6. Чеч. *акула* – «рыба акула». Вайнах.: инг. *акула*. Заимствовано из русского языка в XX веке. Источником рус. *акула* считается норв., исл. *hassal*, якобы переоформленное в *аккула* под влиянием слова «рыба». Однако в свете новейших данных арабского языка эта этимология выглядит не очень убедительно. На наш взгляд, сканд. *hassal* – «акула» восходит к араб. *аккал* – «обжора», а рус. *акула* – к араб. *акул* – «прожорливый, обжористый». При этом внутренняя форма «прожорливая» для этой рыбы вряд ли у кого вызовет сомнение, так как недостатка в семантических параллелях нет, сравните, в частности, чеш. *жралка* – «акула», или толкование в словаре английского *shark* – «акула» – *large voracious sea fish* – «большая прожорливая морская рыба».

7. Чеч. *лов* – «пшено; рыба икра». Вайнахское: чеч. диал. *лав*, инг. *лов* – «крупа». Сближают с осет. *јаew* – «просо», шугн. *уав* – «просо», авест. *уава*, др.-инд. *уавас* – «зерно, просо», ягн. *уав*, согд. *уав* – «ячмень», рус. *овин* – «сушилка для зерна» (Абаев 563). Вопреки расхожему мнению, чеч. *лов* не является заимствованием из осетинского, хотя бы потому, что оно связано с нах. *ловда* – «давить, выдавливать» (см.).

8. Чеч. *ловда* – «сжать, сдавить, выжать, выдавить, лишить влаги». Вайнахское: инг. *ловда*. Сближаем с и.-е. **aued-* «смачивать, увлажнять», **aud-* // **ued-* // **uod-* «вода»: рус. *вода*, греч. *hydor, hydros* – «водный, дождливый, мокрый», хетт. *waatar*, др.-сакс. *watar* – «вода» (3: 873; 5: 564). Семантически ср. чеч. *ловда-дала* – «выжаться > подсохнуть», *луйда-дала* – «капать, сочиться, течь», где *луйда* – итератив к *ловда*,

Ийдалун – «сочащийся, капающий»; и.-е. ***seu-** // ***su-** «выжимать жидкость, давить сок» – тюрк. ***su** – «вода». Индоевропейские основы на **-r**, скорее всего, отражают нахские масдарные формы типа *Товдар* // *Ийдар*, так же, как рус. *смотр* – чеч. *мотта-р* – «полагать, мнить», рус. *зор-* // *зер-* «зеть, зреть» – чеч. *зие-р* – «смотреть, инспектировать».

Некоторые названия рыб в индоевропейских языках могут быть объяснены на почве нахских и других кавказских языков.

9. Рус. **жерех** – «род рыбы». Кроме русского языка, представлено только в блр. *жэрах* от *жер* – «пища, аппетит», в диалектах еще известного. Последнее образовано безаффиксным способом (с темой **ъ**) от *жэрати* – «жрать, есть». В таком случае *жерех* буквально «прожорливая (рыба)». По лингвоисторическим основаниям менее убедительной признается трактовка слова жерех как родственного швед. *gårs* – «жерех», др.-инд. *jhaṣas* < **jharṣas* – «большая рыба» (Ф II 49; Шанский 1973: 286). На основании вышеизложенного трудно пройти мимо сходства рус. *жерех*, блр. *жэрах* – «прожорливая рыба» с чеченским *зорх* – «желудок».

10. Рус. **кит** в памятниках отмечается с XI века и считается заимствованным из греческого языка, в котором *ketos* – «морское чудовище» (Шанский, КЭСРЯ: 196).

Русское слово сильно напоминает чеч. *кит* – «бурдюк» (инг. *kit*, ц.-туш. *kit*), имеющее, на наш взгляд, соответствия в индоевропейских языках: и.-е. ***guet-** «кишка, внутренность» (готск. *qithus* – «живот, чрево», др.-англ. *cwith* – «живот», тох. А *kāts* – «живот»). Имеются определенные фонетические трудности в анлауте, которые устраняются, если допустить, что нах. ***кат** (ср. чеч. мн. *камташ*) из ***гат**. Семантика нахских и индоевропейских основ указывает на возможную внутреннюю форму лексемы *кит* – «большебрюхая рыба, рыба-мех», что типологически поддерживается 1) каб. *гьей*, дигор. **гайа** – «морское чудовище; кит» при чеч. **гай** // *гей* – «живот, брюхо»; 2) рус. *лежах* – «кит» при чеч. *лежак* – «мешок»; 3) лат. *delphinus* – «дельфин» < греч. *delphis* < и.-е. ***quelb-** «утроба, матка; детеныш» (Шанский, 63), которое, на наш взгляд, от семит. (араб.) *qalb* – «сердцевина, нутро, желудок». В связи с чем уместно также отметить чеченское выражение *кит санна Илла* – «лежать мешком» и непонятную привычку китов выбрасываться на берег, а туши выбросившихся на берег китов действительно напоминают по форме большие мешки.

11. Не меньший культурно-исторический интерес представляет, на наш взгляд, этимология и.-е. ***pesk-** // ***peisk-** // ***pisk-** «рыба»: лат. *piskus*, др.-в.-нем. *fisc*, гот. *fisks*, др.-англ. *fisc* – «рыба» (5: 137-138), уязвляемая нами с чеч. **пийсак** [*pĩsk*] «весло; дресселка (лопатка для помешивания каши); лопасть для сбивания масла; лапта; плавник; скребок», образованным при помощи уменьшительного суф. *-ик* // *-иг* от основы ***пейс-** // ***пиес-**, ср. чеч. диал. *пиесиг*, мн. *пиескаш*, инг. *песка* – «весло, лапта» (1: 235). Отсюда предполагаемый нами этимон индоевропейской рыбы ***pisk** – «плескающаяся, передвигающаяся при помощи плавников».

Таким образом, этимология и.-е. ***pisk-** // ***peisk-** «рыба» приводит нас к нахскому ***pijsk-** «плавник», правится это «арийско-палестинскому русичу» А. Буровскому или нет.

Звонким вариантом этого корня является, вероятно, бежтинско-дагестанское *бисо* «рыба», которое семантически также восходит к значению «рука, плавник», ср. бежт. *бицо* «рука» (Халилов БРС), чеч. *биши* «детск. рука», и.-е. ***bhas-** «рука» (Маковский, 1996: 281).

Дальнейшие этимологические связи, кажется, ведут к ностратическому корню ***bas** // ***bes** // ***bis** – «рука, пятерня; крыло, перо; плавник»: и.-е. ***bhas-** «рука» (Маковский, 1996: 281), нах. *биши* – «ручка, ручонка», *бишка* – «тумаг»; бежт. *бицо*, гунз. *бицу*, гин., цез. *мецу* – «рука»; крыз. *беш*, лезг. *пеш* – «лист»; инх. *бусо*, цез. *беси*, гин. *беши*, бежт. *биза*, гунз. *быза* – «кулак» (Кибрик 1990: 28); тюрк. *бес* // *беш* – «пять; пятерня».

М. Маковский относит сюда и чешск. *pisk* – «стержень пера» (5: 138), что вполне согласуется с нашей этимологией.

12. Англ. *whale* – «кит», др.-англ. *hwael*, др.-в.-нем. *hwal*, др.-северн. *hvalr*, швед. *val* – «кит» (6: 494). Восстанавливают прагерман. ***kwal-** «кит» и сближают с нем. *Wels* – «сом», фин. *kalis* – «сом», *kala* – «рыба». Наиболее близко к объяснению внутренней формы германского названия *кита* подошел М. Маковский, считающий, что особое символическое значение в древности имела *пасть* кита, и сближающий его с нем. *Kehle* – «глотка». Мы поддерживаем эту этимологию и сближаем герман. ***kwal-** «кит» с кавказским ***gal-** // ***gwal-** «мешок, горловина» (чеч. *гали*, анд. *гвала*, дарг. *гавлаг*, удин. *гавал*, груз. *гвалаги* – «мешок»; чеч. *галлиш* – «удила» < ***gal** – «рот, уста», даг. ***кIал** – «рот, язык»). Ср. семантически чеч. *барт* – «уста» при *бертиг* – «отверстие мешка; голенище» (< *барт-иг*); чеч. *бага* – «рот» – англ. *bag* – «мешок», перс. *гале* *дахан* – «большой рот» – перс. *гале* «род мешка с широким отверстием»; рус. *кит* при чеч *кит*

– «мешок»; рус. лежах – «кит» при чеч. *лежас* – «мешок». Возможно, сюда примыкают также урарт. *кале*, лит. лтш. *kals* – «мера рыбы (30 штук)», *kale* – «сумка, мешок», рус. *кальга* – «мешок, сумка» (Фасмер, II, 170-171), диал. (арх., сверд.) *каль* – «мешок».

Некоторые чеченские названия рыболовных снастей также имеют параллели в индоевропейских языках.

13. Чеч. **дуо** («1) сапетка (плетеное кукурузохранилище); 2) рыболовная верша; 3) плетеный полукруглый приставной задний борт арбы, дверца». Вайнахское (чеч. мн. *дуоьр-ч-ий*, диал. *дова*, мн. *девий*, инг. *доа*, *доарч*), имеющее соответствия в кавказских (каб. *ду* – «сапетка», в дигор. *дураб* – «корзина конической формы для ловли рыб и птиц», даг. **ior* // **tur* – «рыболовная сеть») и в индоевропейских языках: праслав. **dverь*, рус. *дверь*, лит. *dures*, лтш. *durvis*, др.-исл. *дугт* – «дверь», англосакс. *дог* – «ворота», и.-е. **dhuer-* «двери», **dhuor-* «огороженный плетней двор». Первоначальное значение – «плетеная загородка».

14. Чеч. **ванда** – «перемет, закидушка». Собственно чеченское. Вероятно, скифское наследие, сравните вахан. *vand-* «связывать», афган. *vanday* – «завязка», ягнобск. *vant* – «завязка, запруда». Сюда же кабар. *вандэ* – «грузило, поплавок», рус. терск. *ванда* – «плетенка из прутьев для ловли рыбы», нем. *Want* – «сеть для ловли сельди, трески, пикши» (8 I: 271).

15. Чеч. **ов** – «невод, трал». Вайнахское (диал. *эвна*, инг. *ов*), имеющее соответствия в индоевропейских (лит. *austi* – «плести», *vogas* – «прялка», др.-инд. *va* – «плести», *vaуati* – «плетет», др.-исл. *vad* – «плетенье», и.-е. **au-* // **ua-* «плести, ткать») [3: 230; 5: 564] и тюркских языках: кумык. *ав*, карач.-балкар. *ау*, казах. *ау* «невод». Родственно чеч. *йу* // *йуш* «шило» (<«инструмент шитья», мн. *араиш* // *авраиш*), айла «мотня», инг. *йув* «шило» (мн. *овраш*), *овла* «корень» < «сплетение, связка», даг. **йуб* // **руб* «шило». Отсюда этноним *овхуой* «чеченцы-аккинцы», буквально «рыболовы, рыбаки, тральщики» (7: 367).

В нахских и индоевропейских языках представлен широкий спектр значений, в отличие от тюркских языков, в которых представлено лишь одно значение невод, ср. также однокоренные чеч. *ов* – «резкая, колющая боль, колики», *ов* – «вертел» (<«орудие прокалывания»), безусловно связанные этимологически. Это дает нам основание полагать, скорее всего, нахское происхождение тюркского *ов*, а не наоборот.

16. Чеч. **нёка** – «плавание». Вайнахское (чеч. диал. *наки*, инг. *нек*), имеющее соответствия в некоторых индоевропейских языках: дигор. *накае* – «плавание», греч. *нехо* – «плыву», др.-в.-нем. *nahho* (нем. *Nachen* – «лодка, ялик»), др.-саксон. *нако* – «лодка», др.-сканд. *snekkja* – «длинное судно» > др.-русс. *снека* – «вид вооруженного судна» (8 III; 5: 347), франц. *pager* – «плавать». Исходная форма – ***нәки**. Возможно, сюда же относится англ. *snake* – «змея» < «извивающаяся».

17. Чеч. **нуой** – «корыто; судно, лодка». Общенахское (инг. *ний* – «ясли, колода», цова-туш. *нав* – «лодка»), имеющее соответствия в кавказских (цахур. *нав* – «деревянное поило», мн. *найбы*, груз. *нави* – «лодка») и индоевропейских языках: иран. **nau*, осет. *пау*, сак. *пава*, по, арм. *пау*, др.-ирл. *пау*, лат. *nawis* – «корабль», и.-е. **nau*. Перебой *w – j* в нахских языках хорошо известен, ср. чеч. *дуй* – диал. *див* – «клятва»; чеч. *суй* – диал. *сив* – «искра», *злуй* – диал. *злув* – «засов», *нуй* – *нув* – «веник», *став* – диал. *стай* – «кизил». В конечном счете, вероятно, восходит к имени пророка **Ноя** (ГалайхИи салам), построившего по приказу Бога первый ковчег.

18. Чеч. **буотт** – «ножны, футляр, коробка; кукурузная обертка». Общенахское слово (ср. инг. *буотт*, цова-туш. *ботт*), имеющее соответствия в индоевропейских (чеш. *but* – «жилье, квартира, жилая часть дома», словац. *but* – «квартира», кашуб. *bet* – «быт», рус. *быт*, др.-прусс. *buttan* – «дом», ирл. *both* – «хижина, шалаш») и семитских языках (др.-евр. *beth*, араб. *байт* – «дом; футляр»). Исходная форма – *батт*, ср. дат. падеж *батт-ана*, мн. ч. *баттарчий*. Вероятно, к этому же корню восходит и англ. *bot* – «род корабля, бот», что находит типологическое подтверждение в рус. *короб* и *корабль*; герман. **skip* – «корабль» – чечен. *киеп* – «форма, колодка, паз».

19. Чеч. **луод** – «кукурузные отходы (обертки початка, кукурузные стебли и т.д.)» (инг. *луорд* – «рубашка початка, шелуха»). Уверенно сближаем с афган. *латкай* – «початок кукурузы в обертке», *ладу* – «кожура опийной коробочки», др.-сев. *loda* – «грубая верхняя одежда», др.-в.-нем. *lodo*, *luda* – «дерюга». Исходная форма **лад* > *ладу* > *лауд* > *луод*. Отсюда идет укр. *лодь* – «лодка», русское *лодка*, др.-рус. *ладья*, датск. *aalde*, *olde* – «корыто», норв. *olda* – «большое корыто». Русское -я в основе *ладь-я* // *лодь-я* есть не что иное, как чеченский классный показатель *йа* в *луод йа* – «коробочка суть!»

20. Чеч. **вотангар** – «удав (?); уж». Вайнахское: в диалектах *ватIкIар*, *ваткар*,

ватунгур, инг. *воатакар* (Алироев, 1975: 109) Происхождение не ясно. Возможно, является лексикализацией словосочетания *ват // вот* (тюрк. трава?) *ангар // унгур* (змея). Сравните к первой части кум. *от* – «трава», *ватарака йылан* – «уж», где *йылан* – общее название змеи (ср. англ. *eel* – «змея»), а ко второй – груз. *ank'aga* – «уж», рус. *угорь* – «змеевидная рыба», др.-в.-нем. *anga* – «червь», и.-е. **anguer* – «уж». Тогда внутренняя форма – «травяная (луговая) змея», как в англ. *grass-snake* – «уж». Название угря в чеченском звучит как *лаьхьа-чIара*, буквально – змея-рыба, что, помимо прочих известных данных, лишний раз свидетельствует о связи названий рыбы (угря) и змеи (ужа, червя). Поэтому мы считаем, что для соответствия и.-е. **anguer* – «уж; угорь» пранахскому **angar* – «уж» есть все основания.

В процессе исторического развития, как известно, язык может терять часть своей лексики, заменяя те или иные лексические единицы на другие. В этой связи интересно отметить сходство ряда чеченских слов с названиями рыб и связанных с ними понятий в некоторых индоевропейских и тюркских языках.

21. Чеч. *пхьид* – «лягушка»: инг. *пхьид*, ц.-туш. *пхьитI* (Мациев 1961: 353; Алироев 1975: 113). Общенахское слово, имеющее соответствия в некоторых индоевропейских языках, др.-англ. *rād* – «лягушка» (Маковский, ВЯ, 2002, № 6, с.59), швед. *radd* – «жаба». Образовано лексико-семантическим способом от *пхьид* – «нога, ляжка» (см. ниже), ср. рус. *ляжка* – *лягушка*. По мнению исследователей, лягушка в ряде языков получила свое название по наиболее характерному признаку – способу передвижения прыжками. Исходная форма может быть восстановлена как **пхьад*, с краткой гласной *a* в корне. На что указывают, с одной стороны, диалектные данные (ср. чеч. диал. *пхьад*, мн. *пхьадариш*, *пхьадарчий*), а с другой – историческая фонетика чеченского языка, свидетельствующая о частом переходе краткого *a* в закрытом слоге в *u*, ср., в частности, чеч. *дитт* – «дерево, тутовник» при инг. *датт*, *кит* – «бурдюк» при мн. *каттаиш*, *никх* – «улей» – мн. *накхариш*, *диг* – «топор» – мн. *дагариш* и т.д. Таким образом, нетрудно заметить, что хеттск. *pidai* – «бегать, убежать», греч. *pidō* – «подпрыгивать, подскакивать» соответствуют чеченской форме *пхьид*, а швед. *radd* – «жаба», др.-англ. *rād* – «лягушка» – праиченской форме *пхьад* – «нога; икра ноги; ляжка; лягушка». Создается впечатление, что хеттско-греческие и германские формы в данном конкретном случае являются формами чеченских диалектов. В более широком смысле эта мысль о том, что индоевропейские языки сформировались на базе чеченских диалектов, лет 30 назад была высказана в частной беседе с нами исследователем из Борзоя Асланбеком Алихаджиевым. К сожалению, свои научные взгляды он до сих пор не оформил в качестве монографического исследования.

22. Чеч. *пхьид* – «икра ноги; мускул, мышца», инг. *пхьед* (Мациев 1961: 353; Алироев 1975: 140). Вайнахская основа, имеющая соответствия в индоевропейских языках: осет. *Fad* – «нога», шугн. *тид* – 1. «след»; 2. «нижняя часть чулка», лит. *padas* – «подошва», *pede* – «нижняя часть чулка», др.-инд. *padas* – «нога, ступня», лат. *pes, pedis* – «нога», др.-англ. *fōt*, мн. *fōt*, и.-е. **ped // phed* – «нога» [3: 786]. Пранах. **пхьад* – «нога, ляжка, мясистая часть ноги, икра ноги, мускул» образована от *пхьа* – «конечность, нога, рука» (ср. чеч. *пхьарс* – «рука», *пхьуош* – «рукав») при помощи расширителя -д, возможно, восходящего к классному показателю да: *пхьа + да = пхьада > пхьад*. Сюда же относятся, на наш взгляд, аварск. *хьемIe* (**пхьемI-*), цезск. *хотIо* – «нога» (ср. армянск. *otn* – «нога» из **potn*) и через значение «тучная, мясистая часть ноги, икра» также англ. *fat* – «жирный, толстый», архаич. *fatted* – «икра ноги» (нем. *fett*, и.-е. **pei-*), англ. *feed* – «питание, еда», *food* – «пища». К семантике этих слов сравните: др.-исл. *voðvi* – «икра ноги, мышца, мясо», др.-сакс. *watho*, др.-в.-нем. *wado* – «икра ноги».

Подводя итоги, можно сказать:

I. Общие названия рыб, как правило, имеют мотивирующие значения типа:

1. «(имеющая) плавник»,
2. «открывающая рот, зевающая, скалящаяся»,
3. «извивающаяся, червеобразная, змееобразная»,
4. «(имеющая) остов // скелет (как у дерева)».

Сравните, в частности, примеры для первой семантической универсалии «рыба < плавник, рука»:

1. И.-е. **pes-* «рыба» (4: 24), **pes-k-* «рыба», тох. А *pas-* (4: 285) = нах. **pes-k* – «плавник, весло» < **pas-*.
2. «Бежти», чеч. биши, тюрк. *bes // beş* – «пять», и.-е. **bhas-* «рука» (возможно, это звонкий вариант и.-е. **pes-* // **pesk* – «рыба»).
3. Нем. диал. *Dos* – «название рыбы» (4: 288) – и.-е. **dos* – «рука» (4: 280)
4. Иран. **kapi* – «рыба», осет. *kaef*, и.-е. **kap* – «рыба» – нах. **kap* – «рука».
5. И.-е. **mas-*, **mes-* «рыба», др.-инд. *matsya*, *matsa*, санкр. *masa*, зенд. *maṣaṣu*,

перс. mahi, ирл. meas – «рыба» (4: 280) – чеч. mas – «feather, перо».

6. Др.-инд. Minah – «рыба», рус. диал. *мень* – «название рыбы» – и.-е. ***menos** – «рука», лат. manus – «рука», ad-ministrare – «править, управлять» < «руководить», итал. menare – «do, make, делать», лит. menas – «art».

7. Лат. metus – «рыба», рус. диал. *мерен* – «вид язи» – и.-е. ***mer-** «рука, arm» (4: 288), нах. ***mar** – «обхват двух рук, охапка» > чеч. муор, марахь.

8. Англ. диал. *pieing* – «рыба», норв. диал. *pieg* – «небольшая форель» – хеттск. *per* – «рука», др.-англ. *spreeg* – «спрашивать, просить, молить» (4: 285-286) < «протягивать руку в просьбе», рус. перо, и.-е. ***per** – «рука» – нах. ***phar** – «рука» > «рукоделец, мастер (на все руки)», чеч. пхьарс – «рука».

9. Нем. диал. Giesen – «рыба» – и.-е. ***ghesor**, ***ghesr**, ***ghest-** «рука» (4: 280), чеч. устар. *giestie* – «конечность, рука» (ср. гаьстиеш лестош лела – «ходить, размахивая руками» = «бездельничать»).

10. Тюрк. балык – «рыба» – нах. ***balig** – «плавник; перо; палец» (> чеч. Пал-иг – «палец», пелаг – «перо, плавник, чешуя») < нах. ***bal** – «рука, лапа; лопатка», и.-е. ***bal** – «рука, лепесток» (др.-англ. *bol*, *bal* – «an eel, угорь») (4: 285).

Сравните примеры для третьей семантической универсалии «рыба < червь, змея»:

1. Семит. *нун*, *нин* – «рыба» – чеч. *Нлаьна* – «червь», ср. у М. Маковского: «рыба часто уравнивалась с червем» (6: 139),

2. эфиоп. *нахьаш* – «змея; рыба» (Гельб);

3. рус. *рыба* – нем. Raure – «гусеница»;

4. англ. диал. *pieing* – «червь, змея» (4: 282), но и «рыба» (4: 285).

II. Сом получил название по большим (толстым) размерам, **сазан** – по липкости своего жира, **кит** – по своей мешкообразности (мехообразности), **иргю** – «осетр» – по остроте (тела, хребта), **чабакх** – «чебак» – по своей сплюсненности (плоскому телу).

III. Этимологический анализ названий рыб чеченского языка однозначно свидетельствует, что чеченцы в прошлом широко занимались рыболовством и морским промыслом. Одним из ярких свидетельств тому служит название чеченского племени *овхой* – «рыболовы, тральщики» и название острова *Чечень* на Каспийском море.

IV. Многие названия рыб и земноводных в чеченском языке имеют корневые соответствия в индоевропейских, тюркских и других ностратических языках, что свидетельствует о едином происхождении человечества.

Литература

1. Алироев И.Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь чеченского и ингушского языков и диалектов. – Грозный, 1975.

2. Вагапов А.Д. Этимологический словарь чеченского языка. – Вестник ЧИПКРО. № 1-3, 2004; № 2, 2005. – Грозный, 2004–2005. – Lingua Universum, № 3. – Магас, 2008.

3. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. – Тбилиси, 1984.

4. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. – М., 1996.

5. Маковский М.М. Этимологический словарь немецкого языка. – М., 2004.

6. Маковский М.М. Большой этимологический словарь современного английского языка. – М., 2005.

7. Сулейманов А.С. Топонимия Чечни. – Грозный, 1997.

8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М., 1973.

9. Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка. – М., 1982.

И в шутку, и всерьез

Ахмет Денисултанов

Метаморфозы от Санта-Клауса

Афоризмы

Вот тебе, год Дракона и Юрьев день!

Если зима пришла неожиданно и негаданно, значит кофейная гуща ссылалась на прогнозы синоптиков.

Новый год – это рождественский лот № 2012.

Господа, на год Дракона приходится только та инерция, которая требует соответствующих мер.

Конечно, мороз и солнце – день чудесный, если бы не одно «но» – издержки коммунальщиков.

Рай в шалаше – это до первых заморозков.

Нет, это ж надо, днем бьют куранты, по вечерам – хулиганы из удовольствия бить – ну что за жизнь!

Для Змея-Горыныча каждый год Дракона – это возможность сравнительного анализа.

Новая метла и метет по-новому, и летает, – сказала Баба-Яга.

В год Дракона все китайские традиции перейдут в наш быт, привычки и вкусы.

Бал-маскарад жизни – это такой театр миниатюр, в котором время сверяет свои часы, а мы переводим дух.

Змей-Горыныч на «троих» не нуждается.

Дед Мороз – это такой ряженный с бородой, у которого в мешке, если не шило, то обязательно набор отредактированных реприз.

– Дубленку? Только через мой тулуп, – сказал, как отрезал, Дед Мороз Снегурочке.

Нигде так не мерещится скатерть-самобранка, как за пустым праздничным столом.

– Все упирается в бытовую колею, – сказала новогодняя лыжня.

Дед Мороз и Снегурочка – это новогодний тандем, эдакие два сапога-пара.

Сколько бы ни год Дракона, лишь бы не гиперинфляция и драконовские меры.

ЖКХ – это головная боль нашего времени для налогоплательщика.

Шведский стол – это звучит гордо!

Зимние прогнозы для синоптиков – есть возможность наступать на одни и те же грабли, вилы и лопаты.

Если зима обещает быть долгой и холодной, нам ничего не остается, как запастись терпением и еще раз терпением.

С Новым годом, хронические мерзляки!

Кто сказал, что счастливые часов не наблюдают, а новогодняя полночь?

– Простите, вы Снежная королева? – Нет, баба!

Новый год, как правило, это новый визажист, макияж и перспектива.

Если в новогоднюю ночь выбросить все старые вещи из окна, то в доме останутся три атрибута: кошка, теща и рухлядь.

Времена меняются: раньше Деда Мороза устраивала тройка с бубенцами, а

теперь, видите ли, ему лимузин подавай с мигалкой.

Главное, Снегурочке косы плести, а она лыка не вяжет!

Продвинутый Санта-Клаус – это вам не какой-то там доморощенный Дед Мороз.

Эх, если бы по щучьему велению, то и скатерть-самобранка не нужна была бы.

Объявление: меняю избу ледяную на лубянку с доплатой.

Где снега по колено, там у ЖКХ забот по горло.

Новый год – это продолжение разумного, доброго, снежного.

Рождественские сказки политиков хороши уже тем, что их можно слушать бесконечно.

Хорошо, что полуночные часы с кукушкой, а если бы ворона?

– Елка, ау!

– Ну-с, Дед Мороз, лыжи в руки, ноги дорогу знают.

Лучше серпантин и бисер, чем шрапнель и картечь.

Хвою любят, а щепки летят.

Новый год приходит и уходит, а бал-маскарад в семье остается.

Ветер дует, карнавал идет!

Было бы мясо, а гости нарастут.

Пока деревенские бабы у проруби, зимним балом правит Снежная королева.

Снега и зрелищ!

Мечта скупого дворника: загребать снег лопатой.

Так что будем делать: валять валенки или дурака?

Пришел, увидел, задубел.

Ничто так не третирует новогоднюю лыжню, как колея с рытвинами и ухабами.

Снегурочки бывают двух типов: по найму и по вызову.

«Шампанского!» – сказала «Столичная».

Аксиома: Новый год – это квартальная рокировка перспектив.

Лиза Адмисиева

Актуальные проблемы истории Чечни

В издательстве Чеченского государственного университета вышел научный сборник – «Актуальные проблемы истории Чечни», в котором представлены статьи профессорско-преподавательского состава исторического факультета.

На основе архивных данных и литературных источников ученые рассматривают различные вопросы истории Чечни с древнейших времен до наших дней. В этом плане особенный интерес представляет статья профессора Хизриева Х.А. «Затеречные чеченцы». Настоящая работа чеченского ученого является своеобразным ответом на требование ставропольских казацких агаманов передать Ставропольскому краю Наурский и Шелковской районы, прозвучавшее на Пятигорском казачьем круге в январе 1997 года.

Профессор Хизриев подробно, с ссылкой на авторитетные источники, доказывает (вернее напоминает, поскольку речь идет об общеизвестных фактах), что затеречные

территории были заселены предками чеченцев еще в III тысячелетии до н.э., «это древние чеченские земли, на которых они непрерывно проживали, защищали и проливали кровь на протяжении пяти тысячелетий (за исключением 13 лет последней высылки)».

В статье доктора исторических наук, профессора Гапурова Ш.А. рассматриваются вопросы российско-кабардинских отношений в первой трети XIX века. В 1821–1822 годах Ермолов в Кабарде действовал так же, как и в Чечне в 1818–1819 годах – жестоко и беспощадно. Итогом явилось то, что «в результате ермоловских мероприятий в 1822 году была создана прочная основа российского господства в Кабарде: система военных укреплений и административный аппарат управления. Все это окончательно закрепило Кабарду в составе Российского государства».

Вопросам взаимовлияния культур народов Северного Кавказа посвящена работа доктора исторических наук, профессора Багаева М.Х. Автор рассматривает влияние культур кавказских народов друг на друга, опираясь на исследования лингвистов, а также богатый археологический материал. В частности, Багаев отмечает, что на Кавказе «произошла встреча и идет постоянный диалог и взаимопонимание культур Востока и Европы». Кавказцы на протяжении всей истории «поддерживали тесные отношения между собой... и с соседними народами». Отсюда вывод: «Нельзя создать научную историю этих народов, не изучив вопросы их взаимоотношений».

Статья Демельханова С.М. «Этнические процессы на Центральном и Восточном Кавказе в эпоху древности» посвящена вопросам этногенеза. На основе письменных, археологических и лингвистических данных автор подтверждает тезис известного чеченского ученого Ю.Д. Дешериева «об отсутствии каких-либо «фактов, которые свидетельствовали бы о том, что на Кавказе обитали какие-то другие народы еще до появления там иберийско-кавказских народов».

В статье Гелагаевой А.М. «Факторы формирования типологической общности

традиционных культур Северного Кавказа» представлены доводы в поддержку позиции ряда исследователей, которые «определяют Кавказскую цивилизацию как разновидность локальной цивилизации» в противовес этноцентризму.

Заметный след в истории русско-северокавказских отношений в конце XVI – начале XVIII веков оставили терские чеченцы-окочане. Магомадова Т.С. в своей статье «Из истории чеченцев Терского города» на основе опубликованных документов исследовала деятельность одного из ярких представителей «чеченской диаспоры Терского города» Ахмата Иналова.

Работа Бадаевой Л.А. посвящена вопросам политических отношений России и Турции и роли Шейха Мансура (Ушурмы) в кавказской политике этих держав.

Особенный интерес, на наш взгляд, представляет статья Гапурова Ш.А. и Закриева А.М. «Корректировка в Кавказской политике России после начала войн с Турцией и Ираном в начале XIX века». Авторы сделали анализ международных отношений в начале XIX века, которые, несомненно, влияли на политику России на Северном Кавказе, а также «на военно-политическую обстановку в регионе, на позиции отдельных горских обществ и владельцев». В итоге авторы приходят к выводу, что «именно осложнение международной обстановки в 1805–1806 гг. заставило царское правительство заметно снизить активность и темпы по установлению своего полного господства на Северном Кавказе».

Статьи Сугаиповой А.М. «Начало «ханского движения», Оздемировой Э.М. «К истории восстания в Чечне в 1825 году» и Товсултанова Р.А. «Гурдалинское сражение» освещают некоторые вопросы истории первой половины XIX века.

Вопросам истории XX века посвящены статьи Гакаева Х.А. «Трудовой подвиг нефтяников Чечено-Ингушетии в годы Великой Отечественной войны», Цуцулаевой С.С. «Жизнь и труд репрессированных народов Северного Кавказа в районах спецпоселений в отечественной историографии», Исакиевой З.С. и Хасбулатова А.И. «Чеченцы и ингуши на Карагандинском угольном бассейне (1944–1957 гг.)», Матаговой Х.А. «Заочное отделение Чечено-Ингушского педагогического института в конце 1930-х – начале 1940-х гг.»

В статье Хасбулатова А.И. «Становление и характер торгового земледелия в Чечне (II пол. XIX в. – нач. XX в.)» показан процесс развития рынка, что «явилось выражением дальнейшего разложения крестьянства и развития товарного хозяйства горских народов», а также зависимость горского хозяйства от рынка и, как следствие, Кавказ втягивается в «мировое товарное обращение».

Все вышеназванные научные работы профессоров и преподавателей исторического факультета Чеченского государственного университета, опубликованные в сборнике, – это плод кропотливого труда в архивах и библиотеках, с последующим анализом и систематизацией собранного материала. Содержание статей представляет несомненный интерес не только для ученых, преподавателей и студентов, но и для современных политиков, затрагивающих, например, вопросы межнациональных отношений, и обычных читателей, интересующихся историей нашего края. Хотелось бы высказать пожелание некоторым авторам серьезнее относиться к редакции своих статей. А также яснее выражать свою мысль, в противном случае читатель не в состоянии понять, что же хотел сказать автор, как например: «Попытки рассмотрения любой из традиционных культур Северного Кавказа вне взаимодействия с другими культурами народов Северного Кавказа присущи этноцентризму, который заметил присущую советской науке установку на подтверждение идеи дружбы народов и их совместной борьбы против местных эксплуататоров и царизма».

Хроника культурной жизни**«Чеченец я, чеченец»**

Возможно, в нашей республике найдутся люди, незнакомые с творчеством поэта Магомед Дикаева, но вряд ли кто из нас не слышал песен на его слова: «Родина, земля моих отцов», «Чеченец я, чеченец», «Девушка из Ленинграда», «Лишь один я не сплю в ночном ауле»... Они стали в 60–70-е годы прошлого века, как сказали бы теперь, хитами. Молодые композиторы Аднан Шахбулатов, Саид Димаев, Рамзан Паскаев писали музыку к его стихам.

Нет уже среди нас Жансари Шамилевой, Султана Магомедова, Алхазура Ганаева, Мовлада Буркаева, к чьим голосам привыкла аудитория старшего поколения. Лирические, проникновенные строки Магомед Дикаева востребованы и сегодня, будут звучать и завтра. Тема Родины, любви, красот кавказской природы вечна.

Сегодня песни на стихи М. Дикаева исполняет новое, молодое поколение.

Сегодня с творчеством М. Дикаева работают такие известные композиторы и исполнители, как: Имран Усманов, Марьям Ташаева, Тамара Дадашева, Ильяс Эбиев, Раиса Кагерманова и другие.

Если бы Магомед был среди нас, ему сегодня было бы семьдесят, но, как и многие таланты, он «сгорел» очень рано. М. Дикаев умер в 1979 году, в самом расцвете творческой деятельности, оставив после себя несколько поэтических сборников: «Очаг чеченца» (1965), «Горенье моего сердца» (1967), «Струны души» (1971) и другие работы по исследованию чеченского фольклора, плодом которого явился сборник чеченских песен, вышедший на русском языке в 1972 году.

После участия Магомед Дикаева в IV съезде молодых писателей СССР на него обращают внимание корифеи советской русской поэзии Александр Твардовский, Николай Тихонов и другие. Т.Н. Тихонов отметил, что поэзия М. Дикаева рождается из чеченских песен и язык поэта богат и особо мелодичен.

29 ноября 2011 года в здании республиканского Чеченского драматического театра собрались многие, кому знакомо творчество М. Дикаева, дорога память о нем как о поэте, патриоте своей земли, ученом и просто настоящем *къонахе*.

Юбилейное мероприятие открыл министр культуры ЧР Дикалу Музакаев. Он поприветствовал собравшихся почтить память поэта друзей, работавших с ним в Чечено-Ингушском педагогическом институте, бывших его студентов – ныне известных писателей, поэтов, композиторов и исполнителей.

Министр отметил большой, своеобразный творческий талант М. Дикаева, обогативший и давший мощный интеллектуальный и музыкальный импульс культурной жизни Чечено-Ингушетии, когда наш народ в жестких тисках коммунистической идеологии, потеряв почти половину своей численности, только-только обретал, возрождал свой язык, культуру, хранил веру и обычаи своих предков.

У нас еще много в республике ничего не значащих, каких-то серых названий улиц, населенных пунктов, навязанных советской идеологией.

Сегодня, когда город приобрел вторую жизнь, благодаря кипучей энергии молодого президента Рамзана Кадырова и трудовому подвигу чеченского народа, пора давать улицам и площадям имена наших героев, деятелей науки, культуры – таких, как Магомед Дикаев...

Ведущий вечера, народный писатель Чеченской Республики Муса Ахмадов, сам бывший студент университета, где преподавал поэт, пригласил на сцену старейшего исполнителя-илланчу, горячо любимого всем народом Валида Дагаева. Он, можно сказать, был один из первых, кто стал исполнять в 60-х годах прошлого века песни на слова М. Дикаева: «Девушка из Ленинграда», «Чеченец я, чеченец», «Не разуверовав в счастье, исходил пути» и др.

«Не удивительно, что стихи Магомеда очень музыкальны и многие из них стали песнями. Отец Магомеда, Дикин Жунаид был гармонистом, исполнителем чеченских народных мелодий, работал вместе с Умаром Димаевым и другими артистами в Чечено-Ингушском ансамбле песни и танца», – отметил Валид Дагаев. Затем он исполнил несколько песен на стихи поэта.

Земляк поэта, старейший педагог республики, фольклорист и детский писатель Жамалдин Махмаев пришел на вечер вместе с учащимися третьего класса Бердыкельской средней школы, которые исполнили литературно-музыкальную композицию на стихи М. Дикаева. Звучали строчки:

Не плачь поэта нана,
Не нужно печальных мелодий –
Радостны грядущие дни,
В них мелодии сына будут звучать...

Писатель и сын известного поэта Арби Мамакаева, Эдуард Мамакаев рассказал о своей дружбе с Магомедом, который очень любил поэзию его отца и учился у старшего поколения: Магомета Мамакаева, Арби Мамакаева, Магомед-Салаха Гадаева и др. Известные сегодня писатели Муса Ахмадов, Муса Бексултанов и Эльбрус Минкайлов рассказали о днях учебы в университете, как много дал им, начинающим литераторам, в то время уже зрелый поэт М. Дикаев.

Племянница поэта, режиссер и художественный руководитель Молодежного театра «Серло» Хава Ахмадова прочитала несколько стихотворений своего знаменитого дяди.

На вечере выступили знавшие поэта лично: ветеран журналистики Л. Нашхоева, ученые А. Арсанукаев, Р. Дадашев и другие. Прозвучали песни на слова поэта в исполнении Имрана Усманова, Райсы Кагермановой, Илеса Эбиева, Тамары Дадашевой и Тамары Адамовой.

Порадовали собравшихся своим мастерством композиторы и исполнители песен на народных инструментах Рамзан Паскаев и Сахаб Межидов.

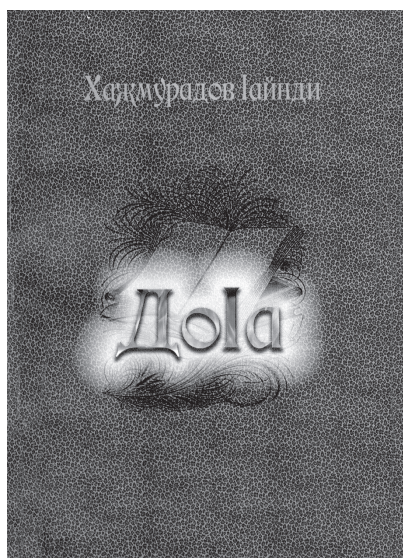
Омар Исаев

Книжные новинки**Молитва**

В Грозном недавно вышел в свет сборник стихов чеченского поэта и прозаика Айнди Хажмурадова «Молитва» («Дола») на чеченском языке. Имя А. Хажмурадова хорошо известно любителям литературы в нашей республике. Его повесть «Неприкаянная душа», вышедшая в 2009 году, и сборник рассказов «Тень любви» (2010) были востребованы читателями.

В настоящей книге автора собраны избранные стихи, написанные Хажмурадовым в течение последних тридцати с лишним лет. Большинство из них были опубликованы в журналах «Орга» и «Вайнах», а также в газетах «Даймохк» и «Геркйист». Поэтическое творчество Айнди Хажмурадова объединяет тема любви к Родине, верности традициям и обычаям чеченцев. В то же время его поэзия лирична и, к чести поэта, лишена того нарочитого пафоса, избыточности которого в произведениях иных авторов порой не лучшим образом отражается на восприятии ее читателем.

Роза Межиева

К нашим иллюстрациям**Молодой талант**

Макка Нудаева – выпускница Чеченского государственного педагогического института художественно-графического отделения, имя которой еще мало кому известно в нашей республике. Летом 2011 г. Макка стала победительницей конкурса изобразительного искусства «Лучи жизни», организованного Комитетом Правительства ЧР по делам молодежи.

Макка родилась в 1983 году в с. Комсомольском Грозненского района. В семье никто не увлекался рисованием, и родители к хобби дочери всерьез не относились. По окончании 11 классов родители посоветовали ей выбрать профессию медицинского работника. Учеба давалась легко, по окончании медицинского колледжа она получила диплом медицинской сестры, но вот в больницу устраиваться не спешила, а... занялась рисованием. Пытаясь наверстать упущенные годы, она по многу часов проводила за мольбертом. Первые рисунки были выполнены карандашом, позднее стала рисовать красками – в основном пейзажи.

Через какое-то время она поступила в пединститут на художественно-графическое отделение. Здесь ей нравилось все: она легко осваивала азы живописи, много рисовала, вместе с сокурсниками выезжала на этюды в Карачаево-Черкесию. Известный в нашей республике, народный художник Аманды Асуханов возил студентов зимой и летом в Теберду. Он много занимался с Маккой, можно сказать, Аманды Асуханов был ее первым наставником и учителем. Асуханов способствовал максимальному высвобождению творческой индивидуальности своей ученицы, не ломая при этом ее собственной творческой манеры. И всегда Макка была в числе лучших студентов. Ее хвалили, ставили в пример. Не было дня, чтобы Макка не рисовала. «Иногда, когда найдет вдохновение, могу рисовать по 4–5 часов, а когда что-то не получается, начинаю все заново».

К своему ремеслу Макка относится серьезно. У нее профессиональный подход к рисованию и, как говорят художники, «поэтапный». В начале каждого этапа она фотографирует работу, потом второй этап и т.д. Часто не довольна своей работой, и тогда переделывает ее. Еще одно увлечение – иллюстрирование книг. Несколько лет назад Макка иллюстрировала детские книги Джамалдина Махмаева.

Сейчас Макка работает в Детской школе искусств № 8 г. Грозного преподавателем рисования. Впереди у нее большие планы: поступление в аспирантуру. А еще она хочет сделать персональную выставку. Живопись для нее – это смысл жизни, спасение от трудностей, проблем.

На обложке журнала представлены следующие работы художницы: 1 стр. – «Снежная вершина», 2 стр. – «Мостик», 3 стр. – «Привал», 4 стр. – «Домик на окраине».

Сацита Исраилова

Сведения об авторах и переводчиках

Муса Бексултанов (1954). Народный писатель Чеченской Республики (2005), главный редактор (с 2007) детского журнала «Стелалад» («Радуга»). В 1977 г. окончил филологический факультет Чечено-Ингушского университета. Член Союза писателей России. Произведения Бексултанова переведены на русский, английский, французский, немецкий языки. Печатается с 1980 г. Автор книг: «Облаков журавли белые», 1985 г.; «И завтра, как вчера», 1988 г.; «Иногда, когда мне скучно», 2005; «И кто постучится в дверь твою в ночи». 2005 г.; повестей: «Это была не шутка», «Дорога возвращается к началу», рассказов, миниатюр, эссе на чеченском языке.

Микаил Эльдиев. Поэт, прозаик, переводчик. Родился в 1968 году. Окончил филологический факультет ЧИГУ. Работал в журнале «Вайнах», газете «Даймохк». Перевел ряд произведений М. Бексултанова. М. Ахмадова на русский язык.

Алвади Шайхиев (1947). Окончил филологический факультет ЧИГПИ в 1970 году. В 1977–79 гг. учился на Высших двухгодичных литературных курсах Союза писателей СССР при Литературном институте им. А.М. Горького в Москве. Поэт, писатель, переводчик. Член Союза писателей СССР с марта 1976 года. Публикуется в периодической печати с 1961 года. Первый сборник стихов «Чувство» увидел свет в 1969 году. В разные годы в Грозном и Москве выходили поэтические сборники: «Пламя любви», «Огонь в очаге», «Трава-мурава», «Пульс», «Совесть», «Баши мужества», «Ночные птицы», «Заповедь» и другие. Стихи Алвади Шайхиева печатались в журналах «Молодая гвардия», «Современник», «Звезда», «Дон» и других.

Руслан Юсупов (1955). Филолог по образованию. Много лет проработал в сфере журналистики. Победитель целого ряда профессиональных конкурсов республиканского, регионального, и международного уровня. Лауреат премии «Интеллектуального Центра Чеченской Республики», обладатель «Золотого пера» на международном конкурсе журналистов им. А.А. Кадырова. Стихи пишет со школьных лет. Печатался в газетах и журналах. Выпустил 2 поэтических сборника: «Дорога из ада» и «Огонь души». Член Союза писателей России. Награжден медалью Лермонтова за пропаганду миротворческих идей в литературе.

Султан Маргошвили (1933) родился в селе Дуиси Ахметского района Грузинской ССР в чеченской семье. После окончания Чечено-Ингушского госпединститута работал директором Алхан-Юртовской средней школы. Перевел на чеченский язык произведения Акакия Церетели, Давида Гурамишвили и других классиков грузинской литературы. Автор сборника стихов «Тревожная осень».

Шаран Дашаев (1940). Родился в селе Урус-Мартан ЧИАССР. Окончил Чечено-Ингушский пединститут, Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Его статьи, очерки, рассказы публиковались на страницах республиканских газет, журналов «Вайнах», «Орга».

Элита Дадакаева (1969). Родилась в селе Гуни Веденского района. Прозаик, художник. Окончила (2004) РГПУУ им. Герцена (факультет изобразительного искусства), в 2008 году – СКАГС (факультет государственного и муниципального управления). Член СХ РФ.

Мусейп Висенгереев (1952). В 1980 году окончил юридический факультет Северо-Осетинского государственного университета. Пенсионер МВД. Занимается исследованиями в области древней и средневековой истории народов России. Пишет статьи исторического характера. В местной печати публикуется с 2009 года.

Адиз Кусаев (1938). Родился в с. Шуани Ножай-Юртовского района ЧИАССР. Окончил Ростовский госуниверситет (факультет журналистики). В поэзии и журналистике – с 1957 года. Издал сборники стихов, поэм и переводов: «Характер», «Дороги», «Необходимость», «Горный сокол», «Единство», «Весенний край». Выпустил книги художественной и документальной публицистики: «Писатели Чечни» (I и II книги), «Чечня: годы и люди», «Говорит и показывает Грозный. История чеченского радио и телевидения» и другие. Пишет на чеченском и русском языках.

Саид-Альви Лулуев (1954). Родился в Киргизии, в поселке Хайдаркан. В 1987 году окончил Свердловский юридический институт, факультет правоведения. Работал в МВД СССР с 1980 по 1992 годы. В настоящее время работает консультантом аппарата Уполномоченного по правам человека в ЧР. Пишет публицистические статьи с 1972 года. Публиковался в свердловской газете «На смену», «Уральский рабочий», «Вечерний Свердловск», а также в республиканских СМИ. Автор трех книг: «Геноцид чеченского народа», г. Махачкала, 1996 г., «Чечня: былое и думы», Гудермес, 2005, «Конец двадцатого», г. Хасав-Юрт, 2008 г. Член Союза писателей России.

Арби Ваганов (1951). Окончил факультет физики РГУ в 1977 г. и филологический факультет ЧИГУ в 1985 г. Ученый, кандидат филологических наук, доцент. В периодической печати публикуется с 1985 г. Автор около 70 научных работ: «Толковый словарь чеченского языка» (2001), «Англо-чеченский словарь» (Лондон, Нью-Йорк, 2004), «Словарь синонимов» (2006), «Словарь географических терминов» (2007), «Словарь неологизмов» (2007), «Этимологический словарь чеченского языка» (2009) и др.

Ахмет Денисултанов (р. 1953). Окончил филологический факультет ЧИГУ. Публикуется с 1984 года. Жанры творчества: поэзия, проза, афористика. Художник. Автор сборника «Афоризмы» (1998), рассказов «Граммозон», «Альма-матер», «Созвездие Мельпомены», «Бригада № 6», опубликованных на страницах журналов «Вайнах», «Нана». Ведет рубрики афоризмов на страницах местных периодических изданий.